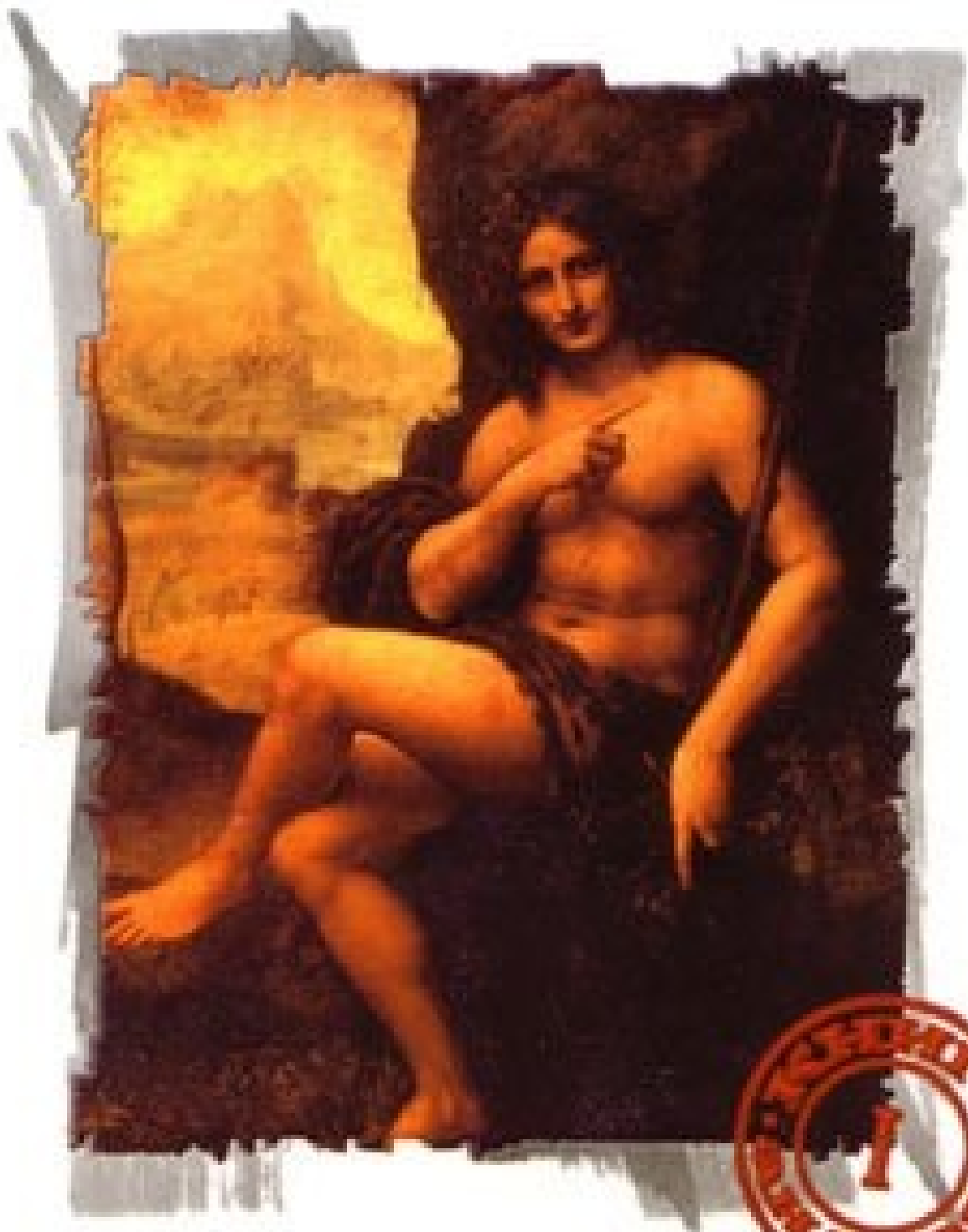

Анхель де Куать Э

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДУХА

Духовное развитие — это вовсе не череда побед... Становление Духа — это долгая вереница поражений. Ведь чтобы найти себя, нужно прежде себя потерять. А терять больно и страшно. Шаг за шагом, капля за каплей. Духовный кризис — это абсолютное одиночество. Ты один на один с Вечным Молчанием. Ты — один. И кто-то должен начать говорить — в тебе, с тобой, о тебе. Каждый ищущий ощущает в себе эту Жажду, но не всякому хватает мужества слышать правду. Пройти через боль, чтобы ощутить ещё большую муку — вот испытание, которое ждёт нас на пути «ПРЕВРАЩЕНИЯ ДУХА».

Свобода — это взгляд в лицо собственному страху!

«Дух приходит в мир этот невинным ребёнком, но мир полон страха. Здесь каждая тень боится собственной тени».

Сайт в Интернете, посвящённый Анхелю де Куатьэ: www.FourZero.net

Анхель де Куатьэ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДУХА

Книга Андрея. Часть первая

Санкт-Петербург
Издательский Дом "Нева"
2005

Духовное развитие — это вовсе не череда побед... Становление Духа — это долгая вереница поражений. Ведь чтобы найти себя, нужно прежде себя потерять. А терять больно и страшно. Шаг за шагом, капля за каплей. Духовный кризис — это абсолютное одиночество. Ты один на один с Вечным Молчанием. Ты — один. И кто-то должен начать говорить — в тебе, с тобой, о тебе. Каждый ищущий ощущает в себе эту Жажду, но не всякому хватает мужества слышать правду. Пройти через боль, чтобы ощутить ещё большую муку — вот испытание, которое ждёт нас на пути «ПРЕВРАЩЕНИЯ ДУХА».

Свобода — это взгляд в лицо собственному страху!

«Дух приходит в мир этот невинным ребёнком, но мир полон страха. Здесь каждая тень боится собственной тени».

Сайт в Интернете, посвящённый Анхелю де Куатьэ: www.FourZero.net

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ ОТ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ

Уважаемый Издатель!

Однажды Вы уже опубликовали под моим именем Митин дневник — книгу о четвёртой Скрижали Завета. И я искренне благодарен Вам за эту работу, это действительно очень важно. Ведь в своём дневнике Митя рассказал нам о том, что он пережил, столкнувшись с самым тяжёлым в своей жизни испытанием. Он оказался перед выбором. Он должен был переступить через свой страх, через свой ужас — страх доверять, страх довериться. И разве же это не знакомо всем нам? Каждому человеку?

Да, все мы живём со страхом в душе. Это правда. Отрицать это — значит обманывать самих себя. Подчас мы боимся, даже не осознавая этого. Но способен ли испуганный человек доверять жизни?.. Можем ли мы доверять себе, если за нашими поступками стоит страх? Например, страх показаться плохим? Или страх выглядеть глупым, каким-то «не таким»? И что наши принципы, обеты и клятвы, если и за ними прячется страх? Стоит только приглядеться, посмотреть глубже. И вот — он, наш. страх.

Я думаю, что люди, прочитавшие Митин дневник, поняли что-то очень важное о самих себе, о своей душе и о своём сердце. Я верю, что эта книга изменила их — хоть чуть-чуть. Сделала лучше, чище, мудрее.

И сейчас я снова обращаюсь к Вам с просьбой о публикации книги. Она не моя. Это книга Андрея. Того самого, что помог нам найти все семь Скрижалей Завета. Его слова придали нам сил и уверенности, когда мы только начали наши поиски. Именно благодаря Андрею Максим справился со своей болью. Андрей помог и Мите, и в поисках пятой Скрижали. Он — учитель Саши, без него бы она не открыла в себе Скрижаль. Он сам — хранитель Скрижали, седьмой. А вторая Скрижаль... Вторая Скрижаль была в его книге. Книге, которую перед самой своей смертью читал Илья.

«Каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть», — эта цитата в «Возьми с собой плеть» из Книги Андрея. Андрей написал свою книгу словно бы специально для Ильи. Он написал её для человека, задыхающегося от ненависти к окружающему его миру. Для человека, который ненавидит мир, потому что в душе он ненавидит самого себя, и только себя.

Знакомое чувство, правда? Мы все ненавидим себя. Подсознательно. За то, что мы не такие, какими хотели бы быть. Мы понимаем, что на самом деле мы другие, что в нас есть Свет. Но мы же не являемся Светом! И мы ненавидим себя за это. И от этой ненависти в нас живёт страх, от этого боль, от этого — страдание сердца.

Публикация этой книги — мой долг перед Ильёй. Перед человеком, которого мы не смогли, не сумели спасти. Но даже если бы я и не чувствовал за собой этой ответственности, я бы всё равно просил Вас издать эту книгу. Книга Андрея проникнута мистической силой. Когда я прочел её, я понял, что передо мной не просто художественное произведение, не просто философский трактат. Передо мной — подстрочник мистического таинства, своеобразная стенограмма преображения духа.

У индейцев есть высшее таинство посвящения. Если перевести его название на русский язык, то получится абракадабра — «Истинная Смерть Возрождения». Но это не абракадабра. Так и есть. Чести пройти это посвящение удостоиваются только самые великие шаманы. И вот, читая Книгу Андрея, я понял, что в ней рассказывается именно об этом таинстве, об этом посвящении. Рассказывается в образах и символах понятных для человека русской ментальности — для русского сознания, для русской души. Иначе, лучше, точнее это вряд ли

можно было бы рассказать.

И сейчас я прошу Вас сделать Книгу Андрея достоянием многих людей. Дать им возможность соприкоснуться с этим знанием. Знанием, которое едино для всех народов и всех культур, но ставшее подлинно российским именно в этой книге.

Анхель де Куатъэ

ПРЕДИСЛОВИЕ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ

к первой части Книги Андрея

«ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУХА»

Книга Андрея состоит из трёх частей. Каждая из них имеет особенный смысл и особенное значение. И каждая соотносится с одним из трёх этапов высшего таинства посвящения Шамана. Именно поэтому о каждой из этих частей и нужно говорить отдельно.

Первая часть Книги Андрея называется «Преобразование духа».

Шаманы, прошедшие обряд посвящения «Истинная Смерть Воскрешения», утверждают, что в потустороннем мире у каждого человека есть свой Двойник. Возможно, в России его бы назвали ангелом-хранителем.

Явление Двойника — первый из трёх этапов обряда посвящения.

Наш Двойник обладает истинным знанием. Он незаметно покровительствует нам, помогает. Но пока он дублирует нас в потустороннем мире, мы отлучены от истинного знания. Человек как бы платит дань — его оберегают, но в обмен за это покровительство его не допускают к знанию.

Явление Двойника даёт человеку возможность обменять свою защищённость на истинное знание. Соприкоснувшись, через Двойника, с источником знания, человек, как правило, испытывает эйфорию. Он начинает жадно впитывать это знание. Он рад, он счастлив. Пока он даже не подозревает, что с каждым глотком откровения он приближает свою смерть.

Только готовый к посвящению шаман замечает в этом подвох. Он спохватывается и успевает остановиться. Знание нельзя получить извне, без труда и душевной работы. Оно может прийти только изнутри, через внутренний Свет. Поэтому, если человек, вдруг, получает к этому знанию открытый доступ, значит, он должен будет чем-то за него заплатить. И цена будет самой большой — жизнь.

Поэтому готовый к посвящению шаман и останавливается. Если же человек не готов к явлению Двойника, он не замечает этого подвоха, бесконтрольно, как оголодавший пёс, поглощает это знание и гибнет.

Анхель де Куатьэ

Привет! Я канатный плясун. Впрочем, нет. Не совсем так... По своей специальности я самый обычный, рядовой, можно сказать, врач-психотерапевт, а не акробат и не самоубийца. Но появился у меня внезапно новый, странный, загадочный даже знакомый, назвал меня «канатным плясуном», и я почему-то ему поверил.

А, ведь, ему и нельзя не верить, он не просто убедителен — он прост. Рядом с ним я чувствую себя малым ребёнком — доверчивым, в меру глупым, замороженным и благодарным. Этим счастьем и в детстве-то не особенно балуют, а тут бери — не хочу и оплаты не попросят.

Если сказать, что он к себе располагает, так это значит ничего не сказать. Он потрясающий! О, если бы вы могли его видеть... Представьте себе: перс с огромными карими глазами, атлетическая фигура и улыбка, способная ободрить даже самую смятенную душу.

Он серьёзен, даже строг временами, но при этом во всех его жестах, во взгляде, в голосе сквозит удивительная нежность. Его движения и статические позы завораживают своей внутренней силой, а взгляд словно бездна — манит, кружит голову, окрыляет.

Его слова, каждое его слово — весомо, осмысленно, точно направлено в цель. Но он не заискивает, не пытается объяснять, не притормаживает на поворотах, он говорит ровно столько, сколько может быть сказано.

Я бы слушал его и слушал, вечность бы слушал, не прерываясь ни на секунду! Да вот только он сам время от времени замолкает внезапно и словно пропадает, уходит куда-то. Что таится в этом молчании? Что?.. Я теряюсь, я заморожен.

А может быть, я просто сошёл с ума? По крайней мере, «критики» к своему состоянию у меня нет. Впрочем... Так или иначе, но я решил делать дневниковые записи (занятие для меня необычное). Конечно, глупо.

Надеюсь всё же, что в этом есть хоть какой-нибудь смысл. Но вероятнее всего, эти тексты так и останутся тривиальным повествованием очередного безумца, ведь записать переживание невозможно (тут нужен опыт, а не душещипательные беседы), но сейчас почему-то очень хочется.

Уже второй день он говорит со мной длинными монологами, их я решил записывать дословно, насколько это возможно. Но прежде, прежде я хочу рассказать, как всё это началось. А то и правда примете меня за безумца! Нет, нет, ставить такой диагноз — это моя работа! Шучу. Поступайте как знаете. Канатному плясуну не пристало хорохориться, а то, неровен час, потеряешь равновесие — и привет. Ну, ладно.

Однако, всё по порядку. Так вот, была суббота...

В отношениях, мне кажется, самое главное — чуткость, чуткость и благодарность, какими бы они ни были: дружба, любовный роман, знакомство, соседство — любые, главное чуткость и благодарность.

Недавно у меня появился такой друг. Когда-то он был моим пациентом, а теперь и сам выступил в роли доктора: он подарил мне прекрасный дорожный велосипед с двумя десятками скоростей, в надежде, что я всё-таки примусь за своё не бог есть какое здоровье и буду тренировать ослабевшие после болезни ноги.

По правде сказать, я и не думал, что может найтись хоть какое-то средство, способное оторвать меня от письменного стола и заставить оздоравливаться. А вот ведь нашлось! Не велосипед, конечно, а забота другого о тебе.

Нужность себя мы узнаём через нужность себя для другого (однако собственную «ненужность» мы создаём себе сами). Мы нужны друг другу, это важно, остальное — блеф. Кто-то скажет, что, мол, всё это «телячьи нежности» и что человек должен быть «самодостаточен». Дураки так думают, несчастные дураки.

Так вот, субботним вечером я в очередной раз миновал городскую черту на своём красном, как спелая вишня «Треке» и помчался на дачу. Мелькали родные сердцу пейзажи, гремели машины, а я крутил педали и думал...

Один очень, может быть даже чересчур, знаменитый психотерапевт сказал как-то: «Много званых, да мало избранных». Весьма, надо признать, непростая фраза. Избранные — это значит выбранные.

Но кого выберут? Того, кто считает себя слабым и ничтожным, или же того, кто считает себя сильным и способным на всё и вся? Иначе: того, кто ничто, или того, кто всё?

Почему-то большинство склоняется к мнению, что первого, тогда как сами они, разумеется, выбрали бы второго. Тут читается некая двойная игра, двойной стандарт, а это, право, никуда не годится.

Впрочем, нельзя не заметить и ещё один немаловажный нюанс: сильный — это не значит невменяемый. Но для большинства именно так и значит, что столь же странно, сколь и нелепо.

Сильный, мне кажется, оттого и силён, что адекватен, а потому он более вмменяемый, чем кто бы то ни было. Мы должны быть сильными, но мы должны быть и чуткими, в противном случае вся наша сила — что мыльный пузырь.

Парадокс, видимо, в том-то и состоит: для того, чтобы тебя выбрали, прежде всего ты должен сам себя выбрать. Ты должен стать сильным, тогда ты и будешь нужен. А до тех пор претендовать на собственную «нужность», по меньшей мере, наглость!

Однако каждому из нас очень бы хотелось быть нужным, но при этом без всяких усилий с нашей стороны. Мы хотим быть нужными и одновременно, чтобы нас оберегали, хранили, как дорогое сокровище, заботились о нас, словно о недееспособных, и, разумеется, боготворили по возможности. В результате получается, как и сказано: много званых, да мало избранных.

Да, мы заложники двусмысленности. Мы ничего не можем признать до конца: ни свою силу, ни свою слабость. Гонимые вьедливым и бессмысленным страхом, мы постоянно ищем себе оправданий, ищем и, конечно же, находим.

Впрочем, наш суетливый, беспокойный и увёртливый ум, который вечно, что называется, «себе на уме», способен и на большее. Став государством в государстве, он навязывает нам свою ущербную политику: он заставляет нас считать себя исключительными и при этом не перестаёт

вынуждать своего носителя уповать на признание, поддержку и тому подобные глупости.

Но кто же, скажите на милость, может признать нашу исключительность, если мы настолько исключительны, что понять нас с нашей исключительностью никому не под силу? В результате, окружённые людьми, мы тяготимся одиночеством. Стоит ли этому удивляться, ведь в результате всех этих замысловатых манипуляций мы начинаем бояться самих себя.

Мы безумны, но мы боимся всего, чего угодно, только не своего безумия. И боимся смертельно: «Что подумают другие?», «Как это будет выглядеть?», «Правильно ли я поступаю?», «Поймут ли меня?», «Оценят ли?», «Не обманут ли?», «Не решают ли они свои проблемы за мой счёт?», «Нужен ли я?», «Не бросят ли?», «Будут ли меня любить так же, как люблю я?», «Сколько мне осталось жить и что со мной будет после смерти?», «Не будет ли мне больно?», «А зачем я живу?», «А справлюсь ли я?», «А если я оскандалюсь, сойду с ума, расплачусь?», «А что если всё это бессмысленно?», «А что если я заблуждаюсь?», «И зачем это всё?!».

Вот дурацкие вопросы! Их безысходность повергает человека в тоску, и он бежит в никуда, бежит без оглядки, бежит, судорожно перебирая ногами. И вот в какой-то момент ему уже кажется, что и нет никаких вопросов. Однако же, как только мелкая рябь пойдёт по воде, наши страхи снова, с ещё большим остервенением поднимают свои плоские головы и шипят, словно болотные гады. Но о чём они? Что кроется за нашими страхами? Чего мы боимся на самом деле?

Быть самими собой и позволить другому быть другим — вот две вещи, которые наполняют нас страхом. Нам кажется, что быть собой — это быть не таким как все или совсем не таким, а значит, изгоем и пр. и пр. и вытекающие отсюда последствия. Таково наше величайшее заблуждение, которое по глупости его даже при желании не разъяснишь разумно.

Конечно, мы такие как все, мы ведь люди, значит, как говорится, ничто (именно — *ничто!*) человеческое нам не чуждо, но, с другой стороны, каждый из нас проявляет это «человеческое» по-своему, так что вот вам и бездна искомых отличий.

В двух этих страхах — быть самим собой и позволить другому быть другим — заключён, в сущности, один: быть, оказаться или казаться слабым. Но ведь именно страх и ослабляет. Значит мы уже слабы, так чего же нам теперь бояться? Нельзя бояться, что слабость заявит о себе, если она уже состоялась. Поздно теперь предохраняться и глупо хорохориться.

Слабость у нас не в почёте. Нам говорят: «Будьте сильными!» И наверное, это правильно. Но что значит «быть сильным»? Вот она — великая языковая игра «разумного человечества»! Потворствовать своему страху — это значит быть сильным, а презреть все свои опасения, перестать защищаться, переступить раскалённую грань одиночества — это, по-нашему, слабость! Сумасшедший дом...

А может быть, люди уже умерли?.. По крайней мере, все признаки жизни отчаянно отдают мертвечиной.

Сумасшедший одиночек: он сбежал от мира в искусственные, но зато искусно обустроенные «адовы кущи» своего разума, мысли, фантазии, бреда, принимаемого за логическую строгость. Мы все таковы, и я таков. Это признание, но оно, конечно, только первый шаг, возможно причём самый незначительный из предстоящих. А сколько таких шагов ещё будет? Будут ли? Что дальше? Какой следующий?

Вот об этом (или примерно об этом) я и думал в тот вечер, миновав городскую черту на своём красном как спелая вишня «Трек».

Велосипедные шины трудолюбиво шипели у меня под ногами, асфальт постепенно сменился просёлочной дорогой, потом та и вовсе обратилась узкой лесной тропинкой. А я всё ехал и ехал, петляя между деревьями.

«Ловкости» моей можно позавидовать (слон в посудной лавке и то, наверное, более грациозен), так что в конце концов выехав, по случаю, на песчаный берег какой-то незнакомой мне речушки, с управлением я всё же так и не справился, уткнувшись передним колесом велосипеда в одинокую осину. Падение было неизбежным, и оно состоялось. «Не пытайтесь избежать неизбежного», — говорю я иногда своим пациентам, а теперь и сам воспользовался собственной рекомендацией.

— Блеск! — пропел чей-то почти безразличный бархатный голос. — Не смущайтесь неловкости. Проворность — сестра плутовства.

Я обернулся. На травянистом склоне, безмятежно любуясь закатом, сидел рослый мужчина лет, наверное, тридцати.

— Впрочем, плут по-своему тоже обаятелен, — продолжил незнакомец, не поднимая на меня глаз.

Чёрные как смоль волосы, вьющиеся подобно металлической стружке, спадали на его широкие плечи, обрамляя классическое по красоте лицо. Взгляд его был тих и даже печален. Хотя, может быть, печаль мне тогда только привиделась, не знаю.

Меня мгновенно сковало смущение, я неловко поднялся, отряхнулся и что-то буркнул в ответ. Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вы не ушиблись?

Хотя он и выглядел ироничным, в его вопросе не было и тени издёвки, что подкупило меня сразу, окончательно и, как выяснилось потом, бесповоротно. Просто же меня подкупить!

— Есть малость, — признался я, всё ещё продолжая отчаянно смущаться своей дюжей неловкости. — Пустяки.

— Кто вы?

— Велосипедист-любитель, — я отшутился, но не тут-то было.

— Похвально, но не вполне определённо, — спокойно парировал мой собеседник.

— Человек, — ответил я сдержанно, словно зондируя почву.

— Определённо, но слишком общо.

Кажется, мой очередной ответ, как, впрочем, и предыдущий, зиял полным отсутствием сообразительности. Незнакомец явно желал услышать что-то другое, лежащее на самой поверхности.

— Тогда Андрей, — я снова попытал счастья, заинтригованный этим двусмысленным и необъявленным поединком.

Он странно посмотрел на меня.

— Значит, ловец, — констатировал незнакомец и продолжил свой допрос, теперь уже, как мне показалось, с пристрастием. — Дальше...

— Психотерапевт, если вас это интересует, — сдался я наконец.

— А, «канатный плясун»! — радостно воскликнул незнакомец и впервые посмотрел мне прямо в глаза.

Я «попал»! Но куда?

— В каком смысле? — я был несколько удивлён подобным выводом, не говоря уже о той

бурной реакции, которую побудило указание моей профессии.

Он улыбнулся, и как-то очень странно. Он выглядел и вёл себя так, словно бы прежде мы были знакомы, а я его не узнаю. Казалось, он ждал, что вот-вот и я его признаю. Но, убей бог, я не мог его вспомнить! Я снова напрягся, как дилетант на дипломатическом приёме.

— Мы знакомы? — неуверенно поинтересовался я, подойдя к незнакомцу чуть ближе.

— А то нет?! — он добродушно рассмеялся.

Озадаченный, я подсел к нему рядом на тёплый травянистый склон и бесцельно уставился в раскрашенное пунцовым закатом небо.

— Да? — удивился я. — Странно... А почему я «канатный плясун»?

— Помнишь, — он говорил медленно, — солнечный воскресный день, базарная площадь, тонкая проволока, натянутая между двумя башнями, и толпа беснующихся зевак, замерших от ужаса и хищного сладострастия?..

Нельзя сказать, чтобы я помнил, будто бы это действительно было со мной, но произведение я, кажется, узнал.

— Ницше?

— Да, мы были дружны с ним, — тихо, бесчувственно, словно пустое эхо, ответил мне незнакомец.

Если бы сейчас он смотрел не на закат, а на своего собеседника, то бишь на меня, то, вероятнее всего, стал бы свидетелем крайнего изумления, отразившегося на его, то бишь на моём, лице. Признаться, я видел сумасшедших, которые не только «дружили» с Ницше, но даже «состояли» с ним в близкородственных связях, но то были сумасшедшие... К счастью, мой собеседник смотрел на закат.

— Ну что? Вспомнил? — тихо продолжил он после паузы.

— Как я открыл маленькую дверцу башни и встал на проволоку?

Он радостно посмотрел на меня.

— Не хочется вас расстраивать, — я пытался быть деликатным, — но так, что бы это было именно со мной, то, кажется, нет. Нет.

— Ну конечно, ты ведь умер тогда, — незнакомец произнёс эту фразу с уверенностью, которая слишком контрастировала с очевидной парадоксальностью данного утверждения. — Ничего, вспомнишь, — он снова помедлил, а затем продолжил, уже почти шёпотом: — Я тебя искал, канатный плясун...

Он был смущён, его большие миндалевидные глаза лучились, и я непроизвольно улыбнулся ему в ответ. Казалось, теперь я его узнал. Но где мы с ним виделись? Что со мной происходит? Может быть, я только что получил сотрясение мозга, столкнувшись с этой благословенной осинкой, и теперь галлюцинирую в забвении? Просто какая-то «Алиса в стране чудес»! Но если это и был сон, то, право, мне не хотелось просыпаться.

— Ты прости меня, — тихо произнёс незнакомец, в котором я уже (сумасшедший!) подозревал Заратустру. — Я оставил тебя там, в дупле. Сглупил, было дело. Я сказал, что не буду больше разговаривать с мёртвыми. Я не знал тогда, что нет смерти в смерти, что смерть только в жизни — Смерть. Прости. Я искал смерти, оттого, видно, и думал, что она есть. Прости, ладно?

— Не бери в голову, Зар, — вдруг сказал я и тут же испугался собственных слов: казалось, что это не я, но кто-то во мне ответил его смущению.

— Спасибо. Я знал, что ты меня простишь, — И кажется, что тяжёлый груз упал в этот миг с его плеч. Всем корпусом он повернулся ко мне. — Мы ведь друзья? — и отчаянная надежда на моё «да» звучала в этом вопросе.

— Ещё бы!

— Ты скучал обо мне? — и этот гигант залился краской.

— Скучал, только я не знал, что о тебе, но скучал. Ты простишь меня?

— Вот тоже скажешь! — он засмеялся. — Ты ведь умер тогда.

В голове моей воцарилась ужасная терминологическая путаница. Я так и не мог понять, что думает мой собеседник: есть смерть или же её всё-таки нет. И если её нет, то как тогда получилось, что я всё-таки «умер». Но, кажется, Заратустру эта проблема совершенно не беспокоила. Может быть, это и не было проблемой?

Я растерялся, но усилием воли всё-таки воздержался от дополнительных расспросов. Он был настолько спокоен, настолько доволен, что я со своим терминологическим занудством был бы совсем некстати. Да и какая ерунда, право! Умер не умер — один чёрт!

— А теперь как? Произвожу впечатление живого? — поинтересовался я. — Дышится, по крайней мере, легко.

— И только-то? — спросил он с наигранным укором.

— Нет.

Мы молчали какое-то время.

— Ты устал? — он посмотрел на меня с озабоченностью (или заботой?).

— Есть малость. Ерунда, — я пытался выглядеть равнодушным, и мне не хотелось прерывать этот странный, всё более завораживающий меня разговор из-за слабости, нахлынувшей изнутри.

— Усталый должен отдыхать, а не искать новых ощущений, — строго сказал Заратустра, потом помедлил и продолжил как-то отстранённо: — Кожа у людей притупилась, онемела. Путь бесчувственного — между убийством и суицидом. Не надо больше крови, Андрей, ни своей, ни чужой, хватит. Иллюзия ничего не стоит. Отдохни, дышится ведь легко...

Заратустра окидывал взглядом пунцовое небо, а я смотрел на него, замороженный и потрясённый. Неизъяснимое волнение охватило меня, эта встреча — нечто очень важное в моей жизни. Но что мне предстояло пережить с этим человеком? человеком ли? сверхчеловеком?

Река несла мимо нас свои тёмные воды, на том берегу виднелась чёрная полоска соснового леса, а погружающееся в небытие солнце окрасило горизонт розовой пеленой рваных облаков.

«Человек не умеет быть человеком, — продолжал Заратустра. — Он ведь даже не может говорить с другим человеком напрямую, без соглядатаев и посредников. Он подобно шпиону подслушивает свой собственный разговор. В присутствии шпиона нельзя не лгать, особенно если страшно. Не умеете вы говорить друг с другом глаза в глаза.

Видишь тот берег? Чтобы перейти туда, тебе не нужен мост, тебе просто не нужно бояться. Ничто вам не угрожает, только страх ваш рисует опасность. Столь же мнима опасность, сколь и страх, её порождающий.

Но появился страх раньше самосознания, вот поэтому доверяет человек страху, а самому Себе — нет. Страх породил самосознание, простое породило сложное. Это нормально. Человек произошёл от червя, стоит ли стыдиться своей родословной? Сложное всегда следует за простым.

Теперь человек стоит в очереди к Себе самому, но он стоит в очереди последним, он стоит за червём. Так он ничего не дожждётся. Скорее уж действительно станет червь человеком!

Но ожидание ожиданию — рознь, а покой — не бездействие. Бездействие не может быть покоем, ведь жизнь продолжается. Но некуда идти, если незачем. Всё уже есть в человеке, всё предусмотрено, но есть ли он Сам?

Простое понять труднее всего, и создано было сложное, чтобы понять простое. Нужно сложное, но нужно оно для простого, а не само по себе. Сложное — лишь инструмент, а простое — оно и есть сама жизнь. Кто поймёт роль сложного и место простого, тот позволит жизни своей жить.

Не люблю я суеты человеческой. Пытается суетливый попасть в струю, но разве можно попасть в себя Самого? Поток жизни — не жизнь, но человек, и не может он попасть в Себя самого, а потому не люблю я человеческой суеты.

Не люблю я человеческого тщеславия. Тщеславному есть что терять. Он будет бояться, даже если предметом его тщеславия будет бесстрашие. Я не люблю выигрыш проигрыша.

Не люблю я человеческих оправданий. Поиск причины — это поиск конца, но не начала. Всегда оправдать можно собственное бездействие, зная причину. Но любой конец иллюзорен, однако реален он для имеющего оправдание. Можно стать жертвой даже она если никому не нужна. Я не люблю оправданий глупости.

Не люблю я человеческих знаний. Один норовит знанием своим учить другого, но кто же голоден до чужого знания? Знание человеческое — словно яйцо без семени коли не будет оно съедено, то протухнет, и потому нужно знающему скормить своё знание. А вырасти из яйца этого ничего не вырастет, ибо не для того рождалось оно, чтобы жить, но для того только, чтобы умереть. Не люблю я знаний, которыми учат.

Не люблю я созидания человеческого. Ибо какая разница, что от трудов ваших меняется форма вещества, если не меняется вещество? Иллюзия созидания обманывает созидającego. И когда строят, разрушая, то не строят, а рушат. И когда созидают ради созидания, то созидают смерть. Созидание разрушения ради я не люблю.

Не люблю я добродетелей человеческих. Ибо то, что от сердца идёт, не имеет имени, а то, что от разума, — смысла. Нет, не заслуга добродетель ваша, но могильщик, отпевающий искренность. Знайте же, что не выдают медали за искренность, но добродетель ваша в орденах,

словно в лагах цинковых. И подобны коросте гнойной эти латы, что покрывают собой сердце ваше, и иссохнет оно от заботы такой и вас погубит. Я же не почитаю почитаемых добродетелей.

И человеческой торговли духом не люблю я. И не важна цель, коей возбуждается дух ваш щедушный, ибо, от цели зависимый, перестаёт он быть духом. Определяемым становится он из определяющего, если выставлен на продажу. Но не уместен торг, если товар подпорчен, да и сам торг — обесценивает. Разменяете дух — душок получите. А разменной монеты духа человеческого я не люблю.

Не люблю я стремления человеческого делать свою судьбу. Карьера — то участь раба и дорога смерти. Нужно жить, и тогда необходимое дано будет, а более необходимого даже глупцу не может быть нужно. Ненужное востребовано не будет, невостребованное сгниёт и погубит необходимое гниением своим. Жизнь не более того, что она есть, но не может её быть мало. Судьба же — довесок к жизни вашей, довесок ненужный и тлетворный для жизни. Не люблю я стремлений человеческих, ибо дурно от них пахнет.

Не люблю я стремления человеческого быть хорошим. Желание это от неудовлетворённости, но когда же недостаточность рождала радость? А если нет в человеке радости, как быть хорошим ему? Стремящийся быть хорошим для других пытается быть *каким-то*, но не самим Собой, а значит, и не быть вовсе. Если же тебя нет, то что в тебе проку? Стремящийся быть хорошим не может хорошим быть, ибо его Самого нет. И потому стремление это — ложь, а я не люблю лжи человеческой.

Не люблю я служения человеческого, ибо ждёт служащий за службу свою награды. Но разве жизнь ваша — не награда вам? А если нет, то, верно, и не живёте вы! Или же думаете, что награда за служение ваше — это похороны за государственный счёт под выстрелы холостые? Так знайте же, что служите вы смерти служа! Только два пути есть, что известны мне: ты или не жил вовсе, или награждал жизнью. Не люблю я иллюзий человеческих, а служенье из их числа.

Не люблю я сомнений человеческих, ибо сомневающийся неустойчив и зыбок. Какая разница, что всё сделал ты правильно, если одолевают тебя сомнения? Помни же, что сомнение разрушает деяние. И знай же, что не сделал ты ничего, если полон сомнения. Жизнь не может быть относительной, в таком качестве её нет и не может быть. Если нечто есть, то нельзя сомневаться в этом. Не любит сомневающийся жизни, а я не люблю человеческого сомнения.

Не люблю я стремление человеческое делать добро. Если добро, что сделал ты, принесло радость тебе — это добро для тебя, а потому эгоизм. Признайся же в этом и не лги себе никогда! А если добро твоё — добро, но нерадостно, то разве же это добро? Тот, кто хочет делать добро, тот следует идее добра, но не добру. И потому растит он злобу жадную в сердце своём, и станет она мстью чёрной, и погубит его. И не важно, кому будет мстить он — себе ли, другим, ибо сам он — иллюзии каторжник, сам он несчастен. Тот же, кто добр, добрым быть не желая, — тот эгоист жизни, тот и пестует жизнь. Но стремящихся делать добро не люблю я.

Не люблю я и человеческих предпочтений, ибо одно не лучше другого, но *другое*, и у каждого своя правда. Кто не видит этого — тот слеп. А как слепому судить и оказывать предпочтение? Оказывая одному предпочтение, ты в правде отказываешь другому, а значит — лжёшь ты, оказывая предпочтение. Вот почему предпочтение всегда лживо! И если оказал ты в одном предпочтение, то показал этим, что в остальном слаб. Признай же слабость свою и не бойся быть слабым! Делай, что можешь, но не думай, что оказываешь тем предпочтение, которое не люблю я, как и всё человеческое.

Не люблю я высокомерия человеческого, ибо высокомерие всякое — суть презрение, жизни выказанное. Тот же, кто данного ему не ценит, — тот предаёт. Не является благодарность покорностью, а покорность не бывает никогда благодарной, потому-то не люблю я и самобичевания человеческого. Неспособен высокомерный разглядеть собственной слабости,

этим претендует на абсолютную силу — так и сядет он в лужу. А уничижающийся даже того не сделает, что в силах его. И не знаю я, кто лучше из этих двух, ведь не важно, *почему* предал ты жизнь. Ты сделал это!

Не люблю я самолюбования человеческого. Глупо гордиться ростом своим или цветом волос — благодари за это родителей, ибо это их гордость. Если же то, что постиг ты, — мудрость жизни, то это её мудрость. Так чем же ты похваляешься? И даже то, что есть ты, — не твоё, ибо придёт время и будет всё отнято, и не успеешь ты наиграться. Радуйся же, полоумный Нарцисс, вырвут с корнем тебя красотой твоей восхищенные! Любующийся, можешь ты любоваться лишь собственной смертью! Дурной же вкус у того, кто смертью своей любит вместо жизни, а я потому не люблю человеческого самолюбования.

Не люблю я к свободе стремление человеческое, ибо не знаете вы, к чему стремитесь. Как можете вы стремиться, цели своей не ведая, и от чего хотите свободы? Не от жизни ли хотите освободиться? Так уже от неё вы свободны, стремящиеся, ибо умерли! Или хотите вы гарантий себе безнаказанности?! О, как же несвободны рабы, стремящиеся к свободе, полные страха! Нет, не будет вам свободы такой! Никогда не будет! И какое дело вам до свободы, безумные, если боитесь вы быть свободными? Зачем права вам, раболепные, если вы боитесь быть правыми? Страх ваш — вот цепи ваши, а свобода подлинная — это свобода от страха. Но ждёте вы, что дадут вам, а взять можете только сами. Смешно мне стремление ваше к свободе! Только мертвецы и стремятся к свободе вашей, ибо не знают они жизни, а я не люблю это стремление.

Но более всего не люблю я соль человеческого — отрицание человеком самого Себя! Как случилось, что, будучи эгоистами, так ненавидите вы эгоизм? Разве же не следует опереться на то, что имеешь, прежде движения? На что же ещё полагаться, если не на то, что ты есть? Так кого же пытаетесь вы обмануть?

Быть эгоистом не значит лгать, но значит быть честным с самим Собой. Ибо кто, как не эгоист ощущает Себя самого. Кто если не эгоист может быть самим Собой для другого, позволив тем ему быть Другим? Знай же, что, отрицая Себя самого, ты отрицаешь Другого! Ты не только мертвец, но и убийца!

Лишь иллюзия одна — достойна твоего отрицания. А человек, отрицающий Себя самого, отрицает Жизнь, и он мёртв, а потому не человек он, а труп. Я готов говорить с умершим, но я не могу говорить с живым трупом! Отрицающий Себя самого — отрицает меня, и не могу я говорить с ним, ибо меня нет для него. Но я хочу говорить с человеком! Да, я не люблю человеческое, но я дорожу превыше всего *человеком*!

Человеческое есть нечто, что должно быть побеждено. Но что сделали вы, дабы победить своё рабство?»

Словно медный язык монастырского колокола бился в эти минуты о чугунный обод, и он смолк вдруг, внезапно, замер в дрожащих руках звонаря... Заратустра медленно повернул ко мне голову. На его длинных, густых ресницах блеснула слеза, он глубоко вздохнул и после паузы прервал молчание:

— Желание быть сверхчеловеком, может быть, и похвально, не знаю... — он печально улыбнулся. — Но ведь никто не был ещё *человеком*. Есть песня, да нет у певца ни слуха, ни голоса. Нельзя человеком быть в одиночку. Понимаешь? Не получается...

Сто лет был я окутан холодом сверхчеловеческого одиночества, сто лет. Я хотел быть сверхчеловеком, я стал им, я был им, я устал... Всё это ровным счётом ничего не стоит.

Человек не может быть *один*, но будет он одинок, пока не станет самим Собою для Другого. Как сиять росе утренней, если не ласкает её луч солнечный?

Как же просто быть самим Собою! Руку подай — и всё. Но те, от кого ушёл я сто лет назад, не могли именно этого. А я ведь принимал их за людей... Глупо, да? Зачем, мертвец, ты пришёл ко мне? Хочешь ли ты теперь *жить*?

— Да, — ответил я сдавленным голосом.

И тут же испуганное сомнение пронзило меня изнутри: «Он мне не поверит!»

Заратустра улыбнулся:

— Не следи за собой, хватит шпионить. Я знаю, что ты хороший, знаю. Ну чего ты боишься? — его слова звучали, как шелест шёлка, он смотрел мне прямо в глаза, улыбаясь своими глазами. — Что же ты? Не доверяешь себе, канатный плясун? Самому Себе, и не доверяешь... Плясун, я пришёл с тем, чтобы ты мог *танцевать*. «Я поверил бы только в то божество, которое умело бы танцевать». Помнишь?

Заратустра тихо рассмеялся, снедая моё смущение.

— У меня не получится, — эти слова скользнули с губ моих сами по себе, словно один только выдох.

— Ну вот, можешь же не шпионить!

И в тот самый миг я впервые ощутил, что это значит «быть самим Собою для Другого». Но уже через сотую долю секунды мой «шпион» снова вернулся. Я смутился, кровь ударила мне в лицо, я затараторил:

— Зар, во мне есть всё человеческое, что ты перечислил. Правда, не смейся! И стремление делать добро, и желание строить свою судьбу, меня душит стремление к знанию, свободе, чёрт бы её побрал! Я оказываю предпочтение и сомневаюсь, да! Я стыжусь своего высокомерия, но оно есть, от этого никуда не деться. Я, наверное, испытываю самолюбование, наверное. И торгую духом, созидая. Я отрекаюсь от самого Себя — это точно. Прости, наверное, я не тот канатный плясун, которого ты ищешь, ты обознался.

И выпалив всё это, бог знает зачем, я испытал такую обиду, такое отчаяние... Я снова не верил себе, я не верил тому, что сам и говорил. Да, человеческого во мне с избытком, но я не мог позволить себе не быть «канатным плясуном» для моего Заратустры. Я боялся потерять его, я слишком долго его искал. Закусив губу, я пытался справиться с собственным противоречием — или быть честным, или быть настоящим.

— Ты пришёл, — тихо ответил он моему молчанию, — значит, ты искал. Многие выходили на этот берег, но только ты заметил паромщика. Ты ещё хочешь на тот берег?

— Сверхчеловеком?

— Я сказал: «на тот берег», а не «этажом выше»! — он почти шикнул на меня и сразу вслед за этим расхохотался.

— Ты знаешь, как?

— Тебе нужна чужая победа? Добыча и опыт — разные вещи.

Я почувствовал, что проявляю слабость, что хочу возложить свои заботы на его плечи. Мне стало стыдно, я снова смутился, почувствовал себе маленьким, и мой «шпион», вдруг снова исчез.

— Глупо, да?.. Надо самому...

— Я буду для тебя человеком, если ты позволишь.

— Я не должен сомневаться?

— И ты должен быть эгоистом!

— Я и есть эгоист, — сказал я, подумав.

— Нет, ты эгоист для людей, но ещё не для самого Себя.

Я молчал.

— Знаешь, почему я разглядел в тебе канатного плясуна? — спросил Заратустра после долгого молчания. — Ты развлекаешь толпу, но ты рискуешь не ради выгоды. Ты мечтаешь разглядеть в этой толпе одного — того, кто не будет посмеиваться над твоими прыжками и кубертатами, кто не будет прищёлкивать языком, предвкушая скорою твою гибель. Ты ищешь того, кто будет бояться за тебя, чтобы ты мог не бояться. Ты ищешь человека, чтобы быть человеком. Зачем ещё ты встал на канат?

Ты задумался над вопросами, которые уже не оставят тебя. Ты хочешь решить загадку человеческого. Я думаю, что тут нет решения. Это какая-то умственная жвачка. Порочные круги, морская пена. Пытаясь познать человеческое, ты пытаешься изучить свою тень. Но тень иллюзорна, это ложный аналог твоего отношения со Светом. Человеческое — паяц, что отвлекает тебя от человека, паяц, толкающий тебя в бездну смерти. Ты будешь познавать больше и больше, но так ты никогда ничего не узнаешь.

Человеческое — это нарождающаяся иллюзия. Она красочна, ею можно залюбоваться, но она не откроет тебе Света, заманив мишурой своего дешёвого фейерверка. Ты должен узнать сокровенное, ты должен узнать человека. Ты уже встал на путь жизни, но ты ещё не живёшь. Ты канатный плясун, теперь ты можешь стать канатным висельником, а можешь *танцевать*. В этот раз я поспел раньше твоей смерти. Не покидай же меня! Жизнь ещё теплится. И не могу сказать тебе ничего, что бы ты хотел услышать, это никак невозможно. Но ты ведь всё знаешь сам, не можешь не знать. Только не сомневайся, не ищи оправданий и не бойся!

Заратустра замолчал, а я не мог ему ответить. Мне предстояло или умереть, или, преодолев свой страх, обратить себя к жизни и жить. Он шевельнулся, его рука тихо коснулась моей руки.

Темнело. Мы сидели на остывающей земле, Заратустра сжимал мою руку в своей и молчал, но вечерняя прохлада казалась мне парным молоком, мне было тепло изнутри. Мир распахнулся, подобно мягкому ватному одеялу. Мысли редко мерцали на периферии моего сознания, навязчивые шпионы куда-то исчезли, время остановилось, а величественное солнце замерло плавящимся полукругом над линией горизонта.

Я улыбался и почему-то плакал, солёные капли неторопливо сбегали по горячим щекам и беззвучно падали на речной песок. Всё вокруг жило, я чувствовал это — небо, солнце и эта река, несущая мимо нас свои воды, всё жило и предлагало мне жизнь.

Сколько прошло времени, я не знаю, но вдруг крикнула птица, крикнула пронзительно, зычно, призывно. Заратустра встал и подошёл к воде.

— Прощай, уходящее Солнце! — прокричал Заратустра. — Иди на покой. Как хорошо, когда не жжёшь ты, но греешь! Не усердствуй же, люди сожгут себя сами. Погребальные костры уже приготовлены! Пиршество пламени не за горами!

Закат, грозный усмиритель огня, к тебе обращается Заратустра! Сохрани тепло моей нежности, сердце моё снова бьётся! Прекрасный улов уготовил ты мне сегодня, великий кормчий!

Солнце, слышишь?! Заратустра поймал человека! Уходи же, не отбрасывай тени. Хватит теней! В мире теней я нашёл Свет! Уйди, Солнце, дай мне налюбоваться Светом!

После этих слов Заратустра повернулся ко мне. Его стройное тело разрезало пополам диск уходящего солнца. И словно поджидая этой секунды, хором многоголосым закричали птицы, зашелестели листья деревьев, терзаемые внезапным порывом ветра, а солнце, зависшее было над полоскою леса, упало за горизонт.

— Нам пора, канатный плясун, старик уже заждался нас в безумии своего одиночества!

Мы шли через лес, ветви хватали нас за руки, едва различимые во тьме корни ловили каждый наш шаг. Но вот слабый лунный свет обрисовал контуры покосившегося строения, жалкий огонёк печально выглядывал из маленького окошка небольшой хижины.

Заратустра широко распахнул дверь, свет вылился из дома наружу, сопровождаемый раздражённым голосом:

— Опять ты, неугомонный? — сипло проворчал сухощавый старик, глядя куда-то в сторону. Впрочем, его водянистые глаза, казалось, и так отказывались видеть.

— Я не один, старик! Я с канатным плясуном. Помнишь его? — весело отвечал Заратустра, по-хозяйски проходя внутрь хижины и увлекая меня за собой.

— А мне-то что? Мертвец ты или живой — какая разница старику? Старику наплевать! — он пошамкал разохшимися губами и ворча, что, мол, хлеба и вина уйдёт в два раза больше обычного, а он, дескать, на это не рассчитывал, удалился в кухню. По дороге он ещё что-то бубнил в этом духе, кажется, относительно нашей легкомысленности.

Заратустра добродушно смеялся, провожая старика и взглядом, и каким-то забавным напутствием. Я же, напротив, отпустил печальную сентенцию:

— Если он прав, то стариков значительно больше, чем может показаться на первый взгляд.
— Когда ты так говоришь, то сам становишься стариком, — строго сказал Заратустра и направился в комнату.

— А как избежать такой старости? — спросил я, когда мы усаживались за большой деревянный стол.

— Никогда не спрашивай меня о том, что ведёт в никуда, — угрюмо произнёс мой наставник, — этих дорог слишком много, слишком. Путь в никуда — не движение, а топтание на месте. В лабиринте много тупиков, а у тебя лишь одна жизнь. Не трать жизнь на смерть, даже если за одну жизнь тебе готовы дать две тысячи смертей. Количество пустоты не переходит в иное качество.

— Зар, так жизнь всё-таки одна?

— Одна, — протянул Заратустра, укладывая голову на вытянутые по поверхности стола руки. Он удивлялся моей несообразительности, но, казалось, ещё не разочаровался во мне полностью.

— Но, — я был в замешательстве, — ты говорил, что я умер тогда, а сейчас...

— Что? — устало протянул Заратустра, явно не собираясь отвечать на поставленный мною вопрос.

— А сейчас я живой! — обида застряла у меня в горле.

— И что тебе непонятно?

— Так одна?!

— Одна, — ничуть не сомневаясь, но растерявшись от моей упрямой настойчивости, подтвердил Заратустра.

Старик, проявив изрядную сердобольность, накрыл, наконец на стол, разлив, правда, по дороге вино и роняя хлеб... Заратустра добродушно подтрунивал над стариком, а тот, смущаясь своей старческой неловкости, но сохраняя напыщенно грозный вид, отвечал ему тем же.

Мы поужинали. В сумерках плохо освещённой комнаты мой товарищ казался ещё более загадочным. Я допивал вино в своей кружке, искоса поглядывая на Заратустру, и мучился одним вопросом: это банальное нарушение мышления или что-то, в чём я до сих пор не разобрался?

— Истина невыразима, её не разложишь по полочкам, — протяжно говорил Заратустра. — Разъять на элементы можно всё, что угодно. Дурное дело не хитрое, братец. Дети искали душу, дети разрезали по частям лягушку. Кишки нашли, а жизнь ускользнула, — он посмотрел мне в глаза, проник в святая святых и протянул свою сильную руку моей великой растерянности. — А ты вот пойми, не членя. А? Зачем членить-то? Что, страшно тебе? Думаешь, по отдельности легче справиться? И сдалась тебе такая победа? Победа над трупом! Хорош, нечего сказать! Молодец! — тут голос его стал совсем тихим. — И не жалко тебе? Куда ты спешишь? А?.. Если можно понять, то нельзя будет не понять. А нельзя — так чего ж ты копыя ломаешь?

Потом мы вышли на крыльцо и удобно расположились на его старых, скрипучих ступеньках. Я достал табак из дорожной сумки, и мы закурили. Разговор складывался сам собою, мы то шутили, то вдруг замолкали и через какое-то время снова смеялись, как, бывает, смеются два мальчика. Тишина манящего сна подступала всё ближе и ближе, обнимала и нежила нас, окутывая со всех сторон сноси заботливой дремотой.

Приятное расслабление, сдобренное домашним вином, тёплой усталостью растекалось по всему телу. А фривольные звёзды подмигивали нашим ленивым взорам, привораживая своей холодной загадкой. В какой-то момент мне показалось, что они словно бы удаляются, желая увлечь за собой и нас. О наивные сладострастницы! Нам было слишком хорошо здесь, на Земле.

Странно, но темнота окружавшего леса не пугала, а напротив, обнадёживала и располагала, в неё хотелось войти. Я задремал, а проснулся уже только утром, на полатях, бережно укрытый медвежьей шкурой. Заратустры не было...

Нежные лучи утреннего солнца проникали в комнату сквозь узкое прямоугольное окошко под самым потолком. Я потянулся, ощущая приятную сладость во всём своём отдохнувшем, но ещё вполне спящем теле. Давно у меня не было такого глубокого и спокойного сна, наверное, с самого детства...

«Что было прошлым днём? Где я?», — и я вспомнил вчерашний вечер, моего нового друга, улыбнулся и перевернулся со спины на бок. Но в этот момент сильный испуг пронзил всё моё существо: «Где он? Где?!» Я вскочил и, шлёпая босыми ногами по холодному деревянному полу, поспешил к двери.

Солнце остановило меня на пороге. Его тепло растопило моё волнение, я замер. Лес словно сказочный, в ризе мягкого утреннего света, был добр и весел. Я медленно шёл по единственной дорожке, ведущей от дома туда, где виднелась белая гладь реки.

Ещё не достигнув берега, я услышал радостные крики, плеск воды и завораживающий смех. По берегу на точно таком же, как у меня, но только синем «Trek», рисуя круги, что-то крича и смеясь, поднимая в воздух столпы водяной пыли, колесил Заратустра.

— Утро пришло! Небо распахнулось светом! Птицы проснулись, и звери покинули свои норы! Грядет день Человека! — кричал Заратустра. — Вставай, лежебока! Вставай и не забудь разбудить в себе Человека! Не гоже спать, ибо день уже начался! Начался день Человека! Скинь покровы сна, зри!

И я смотрел. Я смотрел, как этот счастливый человек, красивый в своей неуёмной радости, ловил порывы ветра и отдавал им на откуп блестящие струи воды. Наконец Заратустра поравнялся со мной.

— Ну что? Купаться?

— Купаться! — ответил я.

Скинув одежду, какая на ком была, мы бросились в воду наперегонки и хохотали, орошая друг друга тёплыми, светящимися брызгами.

Вода держала нас на поверхности, не пуская в свои холодные недра, течение несло, а птицы, весело щебеча, пикировали вниз, словно бы желая присоединиться к нашей беззаботной радости. Заратустра напыщенно грозил им пальцем:

— Кого вы хотите поймать, птицы? Рыбу или Человека? Кого вам не хватает для счастья? Ладно, берите рыбу себе, но человека я не отдам вам, птицы. В нём не проснулся ещё Человек, Он ещё дремлет! Он просыпается! Не спешите забрать на небо того, кто не научился ещё ходить по земле!

А я дивился этому разговору и радовался как ребёнок.

Выйдя на берег, мы замерли, ощущая внутреннее тепло наших тел, пробивающееся к покрасневшейся коже. Было так хорошо, так радостно, так манил этот мир! И я пожалел, что проспал восход солнца.

— А старик ещё спит? — спросил я.

— Этой ночью он умер, — ответил мне Заратустра, ответил спокойно и легко, словно говорил о каком-то милом, невинном и даже заурядном событии.

— Как?! — мгновенно мне стало холодно.

— Радостно, — тем же размеренным тоном отвечивал Заратустра. — Давно он не был так счастлив!

— Счастлив?! Чем?

— Нами, — протянул Заратустра.

Тихая улыбка сияла на его лице. Он посмотрел на меня и произнёс:

— Не пугайся. Тысячу лет хранил он в сердце своём скрижали истины, но никто так и не пришёл, чтобы прочесть их. Этой ночью скрижали рассыпались, и он освободился. Теперь он свободен, и он ушёл.

— Куда? В смерть?!

— Смерть — вымысел. Это иллюзия, она придумана человеком для обозначения неизвестного. Мы знаем только то, что человек умирает, но мы не знаем смерти, никто не видел её и никогда не увидит.

Нас всегда интересует то, что будет «после»: после обеда, после второго пришествия, после смерти. Мы думаем, что после смерти будет смерть, но ведь не обед следует за обедом, а после второго пришествия будет третье, а не второе.

Человек был также мёртв до рождения, как он мёртв после смерти. Человек приходит ниоткуда, и уходит он в никуда. Сегодня праздник, ибо смерть — это праздник, праздник второго рождения.

Почему мы радуемся рождению, но не радуемся смерти? Только страх омрачает наш праздник. Страх неизвестности — это животный страх. Человеческое тоже страшится неизвестности, но Человек радуется своему незнанию, ибо оно делает его свободным.

— Но как можно радоваться его смерти? Умом я понимаю... Но я не могу радоваться смерти. Мне жалко старика.

— Не о себе ли ты жалеешь? Тебе страшно? Подумай.

— Наверное, ты прав.

— Так признай это, эгоист должен быть честным, — Зар беззаботно смеялся. — Если тебе жалко себя, жалея. Кто может тебе запретить? Но не оскорбляй память о старике своей скорбью, ведь он тот, кто был в твоей жизни, кто хотя бы отчасти сделал тебя тобой. Благодарность испытывает Человек к человеку, с которым встретится на пути, ибо встреча эта и есть Его путь.

— Зар, но почему никто не прочёл его скрижалей?

— Он ценил их больше читателей. Ты тоже старик — в тебе нет ощущения эгоиста, ощущения самого Себя. Старик любил себя, но не ощущал. Он страдал эгофилией, но не знал честности эгоизма. Он ждал, что придёт кто-нибудь и полюбит его так же, как он любил себя сам. Но кто полюбит тебя, если тебя просто нет? Он ждал, но никто так и не пришёл, ибо нельзя прийти к пустоте.

Учитель не может оставить учеников по своей линии. Кичиться знанием своим — значит любить своё знание, не видя Себя самого. Это обесценивает твоё знание.

Знание имеет смысл только в руках эгоиста. Человек должен ощущать самого Себя, это сделает его знание весомым. Только так можно открыть путь к Другому.

Никогда не меняй знание на человека. Знание без человека что огонь без хвороста. Кто ощутит тебя Самого, тот ощутит и твоё знание. Но кто не ощущает самого Себя, никогда не поймёт и знания Другого.

Возложи своё знание на общий алтарь и иди радоваться вместе с Другими. Танцуй с Ними, освободившись от своего знания. Твоё знание — завеса над жизнью, если ты не в силах расстаться с ним ради Другого. Но знай, что расставшись со знанием, ты обретёшь большее. Ты обретёшь Других, которые обретут твоё знание. Так ты обретёшь самого Себя.

Никто не заботится о Другом так, как делает это эгоист. Ты заботишься обо мне? — спросил Заратустра и засмеялся, а я смутился.

— А ты?

— «А ты? А ты?» Агу его, агу! — прокричал Заратустра и, вскочив на велосипед, помчался к дому.

Секунду я стоял в замешательстве, расхохотался и побежал за ним следом.

— Скорее, скорее! — кричал Заратустра. — Мы должны успеть! Скорее!

Вскочив на велосипеды, мы стремительно помчались сквозь лес. Я видел перед собой его изогнутую дугой спину, видел, как развивались на ветру его чёрные волосы, убранные в пучок.

Он смеялся, кричал, он разговаривал с лесом и его обитателями. Целый кортеж рыжих, пушистых белок и крылатый многоголосый эскорт щебечущих птиц сопровождали наше движение. Лоси, увенчанные покатыстыми рогами, бурые медведи, потягивающиеся, словно от пробуждения, волки и лисы, забавные зайцы, фыркающие ежи и прочая лесная живность — все выходили навстречу Заратустре и провожали его благодарным взглядом.

— Милые друзья мои! Я покидаю вас! Я нашёл Человека, я пойду с ним! Нам нужно успеть увидеть конец, чтобы начать жить! Много в человеке страха, но он дорог мне, потому я покидаю вас, мои лесные друзья!

Я смущался, полагая, что речь идёт обо мне. Но всё это было настолько странно, настолько фантастично, что страх мой не в силах был даже заявить о себе. Теперь мне было всё равно, куда идти, зачем, когда... Мне было всё равно, потому что, вопреки заверениям Заратустры, я, как мне казалось, уже ничего не боялся.

Мы ехали около часа и оказались на огромной возвышенности, с которой открывался раскинувшийся как на ладони город. Солнце светило в зените. Заратустра спешил.

— Мы успели! Смотри! — и он указал мне на небо.

Я взглянул на солнце, и оно на мгновение ослепило чудака, не жалеющего своих глаз. Тёмное пятно, возникшее перед глазами, показалось мне поначалу результатом этой неразумной выходки. Но уже через секунду я понял, что ошибся. Происходило что-то ужасное...

Огромная тень полукругом стала медленно закрывать собой солнце. Затмение!

Заворожённый, в каком-то животном ужасе, я смотрел на это загадочное небесное явление. А тень неумолимо и властно надвигалась тем временем на солнечный диск, и уже через каких-то пару минут стало смеркаться.

Ночь наступала раньше положенного срока. Город скрылся во тьме, на небе жадно блистали непривычно знакомые звёзды, а прямо перед моими глазами, словно на гигантском блюде, зияло своей пугающей пустотой чёрное пятно в окружении пылающего нимба.

— Нет солнца, Андрей, если нет ощущения солнца. Тень знания закрывает человека. Ты хочешь быть мудрым как змея и гордиться мудростью своей, словно орёл, парящий в бескрайнем небе? Зачем тебе это, если ты сокрыл в себе Человека? Жив ли ты ещё, друг мой? Жив?! А если жив, то кричи! Кричи и зови себя к самому Себе! Кричи!!!

И я закричал. Да, я закричал! И от моего крика, казалось, дрогнули небеса. Крик отчаяния, ужаса, боли разрывал моё существо.

Все мои муки, страхи, сомнения слились сейчас в один громогласный стон. Но вдруг он выскользнул с моих уст, как выскальзывает из рук пойманная ловцом рыба. Я онемел, сердце моё освободилось. И тогда я услышал другой крик, крик Заратустры, крик силы и мощи, крик счастья и великой победы:

— Солнце! Возвращайся! Он знает конец! Ему нужно узнать начало!

Я проспал сегодня восход, но Заратустра подарил его мне. Теперь это был мой восход, восход, подаренный мне Заратустрой.

«Незрелый плод горек на вкус.

Его выплюнут, а семя его сгниёт в жесткой "мякоти".

Всякий плод рождён для того, чтобы созреть.

Но он должен быть рождён.

"Не рвать незрелого плода!" –

вот искушение мудрого».

Так говорил Заратустра,

но не о плодах, а о людях,

но об этом умолчал Заратустра.

О ПРЕВРАЩЕНИЯХ ДУХА

Мы сидели на пластмассовых стульях за пластмассовым столом в маленьком открытом кафе, что в северной оконечности Летнего сада. День был тёплый и солнечный, но парк по традиции пустовал.

Нас нежила прозрачная тишина, нарушаемая далёким шумом проезжающих автомобилей. Лёгкий ветерок шкодливо трепал листья деревьев да обнимал бессловесные статуи, не делая предпочтений ни по признаку пола, ни по возрасту (надо сказать, весьма преклонному у этих мраморных изваяний).

Под стать статуям и охранявшие их милиционеры были не очень-то разговорчивы, но, в отличие от последних, они время от времени недоверчиво поглядывали на посетителей парка, то бишь на нас с Заратустрой.

Зар потешался, то уличая в бессовестности ветер, то недоумевая, почему милиционеры полагают, будто мы имеем что-то против итальянских шедевров.

— Зар, перестань! У них просто работа такая — статуи охранять.

— Ваше правительство выбрасывает деньги на ветер. Бьюсь об заклад, эти статуи никуда не убегут!

— Порядок... — зачем-то протянул я. Заратустра задумался.

— Знаешь ли ты о превращениях духа? — спросил он, глядя на кофейную гущу, растёкшуюся по его чашке.

— Знаю, — самодовольно ответил я, уже успевший к тому времени заново пролистать томик ницшеанского «Заратустры». — Это о том, как дух становится верблюдом, верблюдом, а лев ребёнком?

— Дух не виден глазу, поэтому аллегии вполне уместны, молодец, — сухо резюмировал Заратустра.

— Что-то не так? — я осёкся.

— Человек приходит в это мир очаровательным ребёнком, таким ему следует и уйти.

Заратустра улыбнулся в ответ на мой удивлённый взгляд и вскоре продолжил:

— Родается ребёнок невинным животным, имя которому — человек. Родается он животным и начинает обретать человеческое. Маленькому человеку не разрешают жить настоящим, принуждают его думать о будущем и помнить о прошлом, желая лишить младенца опоры. Ведь не лиши его опоры, он будет себе на уме. А кому это нужно в стане боящихся?

Не любит ваше общество эгоистов, но ценит оно лишь типов самовлюблённых, что, не зная самих Себя, пестуют благопристойный образ свой, некий мистический идеал несуществующей добродетели.

Причём идеалы благопристойности и добродетели разнятся у вас до неприличия...

Он рассмеялся.

— Неужели же у ребёнка больше опоры, чем у взрослого?

— Ха! Ваши взрослые и вовсе не существуют. Всё, чем они гордятся, — лишь отзвуки жизни, тени существующего, фантомы бывшего. Ребёнок — вот единственный реальный человек в вашем мире. Но недолго оставаться ему человеком! Ты ведь знаешь, как быстро учится человек дурному, — он посмотрел на меня с хитрым прищуром.

— К чему ты клонишь, Зар?

И вот что говорил Заратустра, когда говорил он серьёзно:

«Дух приходит в мир этот невинным ребёнком, но мир полон страха. Здесь каждая тень

боится собственной тени. Как же не испугаться вам ребёнка невинного, открытости его добродушной и чистоты?

Слишком хорош ребёнок для мира вашего, слишком естествен, слишком прост. И не подходит он вам, ибо недостаточно страха в нём, чтобы жить ему в мире вашем. И начинаете вы страх прививать любопытному несмышлёнышу, не знающему, что есть мышеловки.

Болен удар мышеловки вашей, больно предательство, больна несвобода, имя которой — страх. Но кто же без боя отдаст счастье собственное? И становится ребёнок маленьким львом, чтобы защитить счастье своё от предателей. Протестует он и утверждает право своё на счастье, и делает это как воин, как лев.

Раз за разом говорит он: "Нет!". И в "Нет!" его абсолютном, в отрицании этом, в безумии отрицания этого (ведь он говорит "Нет!", даже если хочет сказать вам "Да!"), из хаоса отрицания этого рождается то, что назовут — его «Я». Так начинает он своё восхождение на собственную Голгофу.

Каждый раз, когда говорит он "Нет!", тем утверждает он своё «Я». Он утверждает им своё желание, волю свою и своё право, право, которое он приписывает этому «Я», а право его — это "Нет!". Но «Я» ребёнка — не он Сам, но «Я» отрицания, отрицание воина.

Ребёнок-лев обрёл своё «Я». "Я", которое утверждает право своё, которое знает своё «хочу». Но в борьбе всегда проигрывает победитель — он заложник своей победы, он кузнец собственной несвободы. Благородный боец — лишь звено в цепи войн и сражений. А потому сам он и есть свой палач.

И лишь тот спасается в битве этой, кто откажется воевать, но таких мало, таких отправляют у вас в интернаты для умалишённых. Если же есть битва, то будет и «Я», и пригодно оно только войнам. Но как жить может этот сеятель смерти?

Ребёнок-лев защищался от страха и отвоевал у него своё право, отвоевал и теперь испугался. Ибо когда воин становится сторожем, то обращается в труса. И это «Я» ребёнка уже более не «Я» отрицания, но «Я» его страха, страха, против которого он боролся. Боится лев потерять завоёванное, боится он, что отберут его право, боится, что «хочу» его останется безответным.

Есть у всякого зверя место уязвимое: у акулы — глаз, что вытечь может под клювом слабым птенца желторотого, у антилопы — сухожилие тонкое, и потому страшит её жалкий шакал, что сам пугается собственной тени. И лев уязвим: «Я», "моё право" и «хочу» — вот пята ахиллеса зверя хищного. И всякий норовит дёргать за ниточки эти, ибо забавно смотреть несчастным, как страшющийся согласится на всё.

Подчинено дракону великому всё человеческое, но имя его не «власть» и не "ты должен", что так любите вы, а Страх. И живёт дракон этот не в заоблачных далях, и не блистает чешуя его золотом червлёным в лучах солнца вечно полуденного, но обитает он в сердцах человеческих и пожирает их изнутри.

Ключья кровавые свисают из отвратительной пасти дракона, жадного до невинности, кровь пеннистая стекает ручьями густыми, что сильны, как горные реки, по морщинистым усам его.

Как пионы, красны слёзы отчаяния! Не может отныне быть человек человеком, ибо раздавлен он пятой страха собственного, задыхаясь слезами кровавыми.

Страху своему противится лев, но чем более сопротивление, тем сильнее и страх, ибо страх — это боль, а боль пугает. И боится теперь рёва своего зверь царственный, ибо окружён он страхом.

"Я" бесчувственное его параличом сковано. Но не замечает лев страха собственного, ибо страх его безграничен. Взором же не окинешь земли всей, а потому пугливее саранчи трясущейся лев этот, хотя и мнит он себя центром вселенной!

И приходит потому время пустое, когда сменит льва гневливого верблюдов одногорбый. А

верблюд — животное выючное, что ему в страхе? Подчиняется он, так о чём теперь беспокоиться животному выючному?

Верблюд этот — знающий и сознательный, следует он правилам и чтит требования. Расторопно гнёт он колени, подставляя спину хозяину. И не смотрите, что плюётся верблюд, таковы причуды потомков льва, но потомков, и только.

Подчинение и власть так же верблюду естественны, как барханы и палящее солнце. Глух верблюд, но исполнитель. Знает верблюд команд множество и следует им рефлекторно, если же ошибётся он — звено каравана, — то палка погонщика хорошо охаживает спину его. Теперь слышит ребёнок ваш только палку.

Но верблюд одногорбый неудобен наезднику. Подождите же, будет ему и второй горб! Вступит верблюд в нежную пору свою, благоприятствующую любви, и страх его начнёт почковаться, ибо желающий этот бесчувствен! Два горба, два нароста на спине бесчувственного верблюда, два страха: страх жить и страх умереть».

Так говорил Заратустра, я слушал его и словно видел картины из моего детства. Вот я радостный, мне два с половиной года, мы сидим с мамой на тёплом морском берегу, залитые солнцем, я подаю ей камушки, ракушки, стёклышки — всё, что я выудил для неё с морского дна. Она улыбается мне в ответ. А вот я на маленьком трёхколесном велосипеде гордо катаюсь по квартире — из комнаты в комнату, через стеклянные двери.

И вдруг я сжался от боли, чёрная тень скользнула перед моими глазами: я стою на улице у дверей детского сада, я сбежал. Снедаемый страхом, я плачу от бессилия, здесь — во дворе, сидя на снегу, перед самой дверью моего эшафота. Наплакавшись, я встаю и, закусив раскрасневшуюся губу, отправляюсь обратно — в свою "среднюю группу".

Гордый лев стал превращаться в послушного верблюжонка. Одногорбым верблюдом я был в школе. Моё состояние было подобно чувству солдата, попавшего в окружение. Из своей засады я изредка стрелял по врагам короткими очередями, но скоро понял, что этим выдаю своё присутствие. И я замер. А потом мне показалось, что всё вроде бы нормально, всё правильно, так и должно быть... порядок.

— Ты слушаешь? — обращение Заратустры силой вырвало меня из оцепенения.

— Да. Конечно, слушаю! А дальше?!

— Дальше. Дальше можно носить поклажу и хозяев, что на поверку точно такие же двугорбые верблюды, как и ты сам.

— А можно... — протянул я выпытывающим тоном.

— А можно испытать боль, — спокойно ответил мне Заратустра и продолжил свою речь:

«Верблюды иногда сходят с ума. Не так, чтобы они действительно становились сумасшедшими, но что-то с ними действительно происходит: они начинают брыкаться, сбрасывают поклажу, плюются, ржут как безумные, нарочито фыркают, отказываются покидать водопой, перестают есть колючки. Короче говоря, выглядят лишившимися рассудка.

Это бунт посаженного на цепь льва. Львиная гордость, мощь отрицания хищного зверя и сутолока страха жвачного существа сплетаются теперь в один прочный узел.

Но лев взрослого — это уже не лев ребёнка. Это лев, который долго выносил побои, лев, которого поносили и унижали. Это уже не лев отрицания, это лев отмщения. Он ненавидит. Он ненавидит правила, порядок, лицемерие. Но в ненависти этой сам он становится лицемером, призывая других быть добрыми, оскаливая свою пасть. В этой ненависти он сам требует установления правил, но новых, которые ему кажутся достойными исполнения. В этой ненависти он жаждет порядка, ему больно, он словно концлагерный беглец, повисший на колючей проволоке заграждений.

Лев в отчаянии... Его зубы, сгнившие на тюремной похлёбке, ещё достаточно сильны,

чтобы огрызаться, чтобы пугать, но слишком слабы, чтобы избежать зубоскальства. На деле же сам он испуган более всех, и боится негодования собственного, ибо испуган он собственной смелостью.

Снова бы стать ему верблюдом, снова бы приучиться к порядку, вернуться в стойло и жить, как живёт всё его стадо. Но и это теперь ему недоступно, ибо ненавидит он стадо своё за верблюжью его покорность. Теперь они для него — добыча, но не племя.

В миг бы расправился он с тупоумной паствой, что блеет покорно! Да вот только удерживает его что-то от тотемической трапезы. То просыпается во льве ребёнок, но не тот уже, что был прежде, а другой, умеющий глотать слёзы. Это ребёнок, издевавший боль, ребёнок, знающий брошенное ему в лицо "Нет!", ребёнок, хранящий на устах своих горький привкус отчаяния.

Неприкаянный ребёнок льва-взрослого так соскучился по теплоте рук нежащих, так мечтает о ласке и доброте, что плачет сейчас в сердце львином великая тоска слезами тихими, об утраченном плачет он, что зовёт необретённым.

Чувствует он порог Вечности, порог Небытия, и готов ступить за грань эту, ибо нечего теперь терять ему, кроме своей болезни, болезни к страху. Однако снова боится он, но то уже другой страх. Нет, то не страх защиты прежней, но ужас беззащитности и пустоты. Кто же может спасти его от гибели неминуемой?

Только другой ребёнок, ребёнок, издевавший холод ужаса этого...».

— Граждане, всё, встаём. Парк закрывается, — монотонный, не терпящий возражений голос прервал речь Заратустры.

Над нами возвышался упитанный и спокойный как статуя (впрочем, без итальянских прелестей) милиционер с осоловевшими от скуки, бесчувственными глазами. И хотя был он немногословен, но зато в рации его тем временем кто-то отчаянно чертыхался, так что в целом впечатление было весьма убедительным.

Мы встали и пошли в сторону выхода. Я был напуган и раздражён: Заратустра замолчал после вмешательства этого заправского служителя порядка. А мне нужно было знать, что дальше, как? Но тщетно...

На все мои дальнейшие озабоченные: «А дальше, Зар? Дальше?!» я получил одно, но спокойное, хотя и печальное теперь молчание. Сейчас мне не привиделась его печаль, я видел.

Казалось, я знал уже о ребёнке, но мне хотелось знать о человеке. Где же человек в рассказе Заратустры, был ли он там, нет? Но об этом умолчал Заратустра.

О КАФЕДРАХ ДОБРОДЕТЕЛИ

По работе меня откомандировали на психоаналитический семинар, и я взял с собой Заратустру. Поскольку мы теперь практически не расстаёмся, ему приходится выносить все тяготы, выпадающие на долю канатного плясуна.

В лекционном зале творилось что-то страшное. Народ толпился, перешёптывался, и все с придыханием рассказывали о каком-то заезжем профессоре, чуть ли не мессии, который должен «пролить луч света на нашу безнадежную серость».

Когда все уселись, чудесного вида старикашечка, явно истерик, которого хлебом не корми, дай исполнить какой-нибудь номер под восторженные аплодисменты публики, появился на сцене, поулыбался и занял кафедру.

Суть его пространного, но, впрочем, весьма сочного выступления сводилась к следующему:

«Сон — это кривое зеркало реальности, которое надлежит исправить.

Сон — это великая загадка, в ней ключ к бессознательному, поэтому её надлежит разгадать.

Сон — это анализ прошлых ошибок и заблуждений, урок, который нам надлежит извлечь.

Сон — это отдых, которого мы лишены из-за снов, поэтому сон надлежит лишить сна».

Всё это казалось мне интеллектуальным плутовством. Видимо по этой же причине Заратустра не проявил к обсуждению лекции никакого интереса. Впрочем, может быть, и по какой-то другой причине.

— Во снах мы делаем то, что запрещаем себе сделать в жизни, — заканчивал свою лекцию заезжий профессор, — и мы должны знать, чего же мы бессознательно хотим, чтобы не делать этого.

Заратустра расхохотался, и непременно вышел бы скандал, если бы смех его не утонул в бурных аплодисментах собравшейся публики. По-моему, все были удовлетворены: профессор аплодисментами, публика лучом, который сделал то, что должен был сделать, Заратустра — смехотворностью, а я смехом Заратустры.

Признаться, всю лекцию я елозил на стуле, словно в плохо укрепленном седле, не зная, как потом оправдаться перед Заратустрой за этот учёный фарс. Но, к счастью, всё обошлось.

Мы вышли из аудитории, и Заратустра сказал, как всегда просто и без затей:

— Может быть, мы больше не пойдём на этот семинар?

Разумеется, я согласился. И мы отправились на дачу, а в электричке Заратустра говорил мне: «Хорошо учат они, стоя на кафедрах добродетели. И находят способы они замечательные убедить человека в необходимости следовать их предписаниям. Авторитетны они и красноречивы, безусловно, умны и находчивы, эти глашатаи смерти. Но чему они учат человека, не зная его?»

Учат они вас сдерживать человека в себе ради человечества. Но человечество в глазах их — не люди отдельные, не совокупность людей даже, а пустота, уподобленная божеству. Незнакома мне пустота эта, а если действительно нет её, так ради чего мне сдерживать в себе человека, если не из-за глупости их, профессоров добродетели?

Хотят они зыбкий найти консенсус между тем, что есть в Мире, и тем, чего нет в Нём. Не для того ли, чтоб ограничить то, что есть в Нём, тем, чего нет? Боятся они того, что есть, но не потому, что оно — зло, но потому, что не знают они, что делать с ним. Нет, не по дороге мне с добродетельными!

Думают они, что если расставить всё по порядку, то можно будет начать им движение. Но что они будут делать? Не имеют же они цели иной, кроме той, чтобы расставить всё по порядку.

Возводят мост к середине реки кафедры добродетели, а потому неважно мне, насколько правы они, ибо в любом случае это мост в реку!

Конечно, верю я добродетельным, всё могут они объяснить, всё могут по местам расставить — в линейку или по полочкам. Стремитесь вы порядок навести в своём хаосе, ибо сказали вам, что хаос плох. Но не знаете вы одного: что нет в вас ни порядка, ни хаоса!

Предметны и порядок, и хаос, о которых говорите вы, иллюзией увлечённые. Лишь вокруг они, как куски пенопласта, плавают по воде. Внутри же предметов нет ни предметов самих, ни качеств предметных. Но не в силах человек логике своей воспротивиться. Логика же требует ваша порядка, так что ждите теперь, будет вам хаос!

Логика — о знаках бестелесных наука. Но где же знак найти, отражающий непредметное? Обозначение не отражает, отражаемое переменчиво, а знак стабилен. Слово обозначает Солнце, но им не является. А если умрёт Солнце, что означать будет слово это, его означавшее? Зачем вам слова? Стена, сложенная из камней, — это «порядок» для логика самонадеянного, а для меня же — хаос. Строитель сложит стену, отряхнёт руки, хлопнет в ладоши и скажет: "Порядок!". А ночью вор придёт, головой покачает, глядя на стену, днём построенную, и скажет: "Непорядок!". О чём они говорят?

Да, в мире слов всё вам нетрудно подвергнуть лингвистической проработке в газовых камерах языка вашего. Соорудить закономерности меж словами — не великого ума дело! — это, как правила придумать для игры, тобой же придуманной.

Но разве же всё взятое это вместе — не игра? Не ведаете вы того, что не живёте вы, а играете, ибо не можете замолчать! Но и того более — не ведаете вы, что попались на крючок собственный, ибо нельзя же вам у самих себя выиграть!

Стоя на кафедрах добродетели, придумывают слова мудрецы ваши. Их говорят они, вами играют, играемые сами. И потому игра эта — игра, чтобы не жить, не хотят жизнь знать страшась. Игра это смерти в жизни вашей, несчастные!

Добродетель — игра в слова, игра пустотами. Кафедры добродетели кузницы смерти пред домнами страха. И не в том смерть, что они говорят, но смерть в том, что они *говорят!*

А потому, что бы ни сказали они, стоя на кафедрах своих добродетели, они множат смерть!»

— Зар, но, если нужно молчать, зачем ты говоришь со мной? — удивился я.

— А ты умеешь по-другому? — таким был его ответ, ответ не весёлый по взятой ноте, но спустя мгновение Заратустра мне улыбнулся.

Сейчас я сижу за столом и кропотливо записываю всё, что помню из сказанного сегодня Заратустрой, но убей меня бог, он умолчал о чём-то, что самому мне никак не понять. Что значит его: «А ты умеешь по-другому?»

Надо подумать...

Я его расспрашиваю, значит, я что-то ищу. Может быть, я ищу новую добродетель? После всего сказанного им сегодня подобные стремления, конечно, полная ерунда, да и стремления вообще не в его духе.

Что бы он ни сказал мне — это будет лишь его половина моста.

Я «не умею по-другому»...

Так я расспрашиваю его, значит мне интересно то, что он скажет. Если мне интересно то, что он говорит, значит, мне не интересен он сам. Я интересуюсь тем, что он говорит, а не тем, что он есть. Но слова — ничто. Я интересуюсь тем, чего нет, ограничивая этим то, что есть. Я его ограничиваю! Сам!..

Зар только что вернулся домой после вечернего моциона, умылся, пожелал мне спокойной ночи и отправился спать. Что ему приснится этой ночью — то, что он хочет, или то, чего он не

хочет? Сегодняшний артист, надеюсь, ломает себе голову на этом вопросе. Что-то зло я шучу...

В печке потрескивают поленья, мне придётся подождать, пока они догорят, а вот писать на сегодня уже больше нечего. У меня есть добрых два часа чтобы подумать о том, как не думать. Глупо, да? Ну, по крайней мере, я теперь знаю, что такое «добродетель», подобродетельствую.

О МЕЧТАЮЩИХ О ДРУГОМ МИРЕ

Проснулся я в дурном настроении, впрочем, вполне для меня обычном. Проснулся, полежал ещё в кровати, вспомнил вчерашний вечер, думал ещё сколько-нибудь поспать, но потом всё же встал, вышел из дома, потянулся, осмотрелся, почесал голову. Ничего не помогало.

В душе кадила дисфоричная тоска и хотелось помереть, причём чем раньше, тем лучше. Утреннее солнце и радость нового дня словно обошли меня стороной, хотя и были рядом. Всё это казалось мне пустым, ненужным и абсолютно бессмысленным.

Тоскливым взором, щурясь от яркого солнечного света, я уставился на Заратустру, который с непобедимым оптимизмом косил на участке столь же непобедимую траву. Я смотрел на его загорелую спину и думал:

«Ну и что? Всё пустое! — тут мысли на время оставили, меня но вскоре вновь поскакали, подобно приземистым мамаевым лошадам. — Всё пришло из небытия, и всё уйдёт в небытие. Всё пустое! Толку никакого. И я тоже... Исчадие суеты — одно слово! Или даже два! И что теперь? И на кой чёрт?! — я сел на скамью и опустил на руки отяжелевшую голову, содрогающуюся, казалось, от этого мыслительного топота. — А траву-то он зачем решил косить? Вот тоже, с ума сошёл! Голова на десятерых, а толку...»

Тут я залюбовался его работой, глубоко вздохнул и только подумал о том, как он хорош в этом своём ничего-творчестве, как вдруг мигом получил исчерпывающие ответы на все свои вопросы.

— Перестань скулить, — громогласно сообщил Заратустра, не оборачиваясь ко мне и не переставая косить. — Иди умойся! Сейчас я закончу, и мы будем пить кофе.

— С чего ты взял, что я скулю? — я был и поражён, и уязвлён одновременно.

Тут Заратустра обернулся, залитый солнцем, посмотрел на меня, улыбаясь, смахнул со лба пот и произнёс со своей удивительной нежностью:

— Потому что я думаю о тебе.

Это звучало так просто, так открыто, так естественно, что я смутился, залился краской, протрезвел в одну секунду, опустил голову и, как нашкодившая собачонка, поджав несуществующий хвост, ретировался в ванную.

Умывшись холодной водой, я отправился на веранду. На столе уже стоял завтрак, а кофеварка призывно шипела, источая благословенный кофейный аромат.

— Садись, — услышал я со спины. — Овсянка, овощной салат и бутерброды с сыром. Давай, налегай!

Я сел. Заратустра налил мне кофе, положил в широкую пиалу каши, пододвинул салат и уселся рядом.

— Ну, и как это называется? — спросил он меня с серьёзностью самого доброго из учителей. — Это называется «эгофилия», — сообщил он, не дожидаясь ответной реакции. — У тебя от этого будет несварение желудка, а голова уже сейчас по всем швам трещит. Тебе это надо?

— Нет.

— Ну, и как это называется?

— «Эгофилия».

— Нет, это называется — «глупость», — тем же располагающим тоном продолжал свою отповедь Заратустра. — Когда «мир несовершенен», а «Я» мера всех вещей, то это называется глупость, и никак иначе. «Я» — это глупость по определению, а ты, вооружившись эдакой

«глупостью», принимаешься судить всё и вся. Ну не дурак?

— Дурак, — я признался в этом чистосердечно, хотя и не понял ещё, «почему, собственно».

И вот что говорил Заратустра во время завтрака:

«Человеку хочется, чтобы его любили. Это похвально. Ему кажется, что если бы его любили, то всё было бы у него хорошо: и мир бы стал совершенным, и Бог добродушным, и сам бы он был "ничего себе". Так вот, это — глупость!

Если ты зависишь так от всего и вся, то тебя нет. Понял?! Кого любить-то?

О чём ты мечтаешь? Как хочешь ты, чтобы тебя любили? Вот я тебя люблю, а ты как дурак продолжаешь хотеть, чтобы тебя любили. И что? А если бы ни я, ни кто другой тебя не любил, разве же изменилось что-то в твоём мире бесконечного ожидания?

Ты ждёшь того, чего нет. Так ведь этого нет! Нет ничего "по ту сторону", пока нет стороны этой. А, её, и правда, нет. Что "по ту сторону" реки? "По ту сторону" солнца? "По ту сторону" неба? Река, солнце и небо. Остальное же — идеализм, а значит — глупость! Что "по ту сторону" человека, если нет ещё человека, а только смрад один да базарная суэта?

У тебя сколько жизней? Пять, десять, сто или всё же одна? И кто будет её проживать? Ты, или страхи твои, или, может, иллюзии, устремления в пустоту непроглядную? Кому ты её отдашь? Кого выберешь себе в падальщики?

Нет правды ни в тебе, ни во мне, ни в ком другом, правда только *между*. Она сиюминутна, рождается в соприкосновении двух и умирает, когда расходятся стороны, каждая своей дорогой.

Ты же пытаешься найти свою правду, несуществующую "по ту сторону", которой нет, и так, чтобы была она вечной, словно утюг чугунный. Лучше бы ты воду в решете носил — больше было бы проку!

Много ли правды в солнце самом по себе? А в теплоте? Чувствуешь разницу? Что скажешь о человеке, что эгоистом себя не ощущает? Всё будет ошибкой. А о себе что ты знаешь, если не ощущаешь себя эгоистом?

Нет того вовсе, кто не ощущает самого Себя, ничего о нём нельзя знать. А если любишь ты себя или других, но любовью «потусторонней», то лучше постричься тебе в монахи. Там, в монастыре, будешь носить свою воду!

Если занялся ты собой, самосострадательный, если по себе льёшь ты слёзы жалкие, кликуша, то умерло для тебя пространство *между* — знай это! С ним вместе умер и ты, плакальщик похорон собственных. Это называется — «эгофилией»!

Нет мира другого, но всегда будет тебе человек другой, если дорожишь ты жизнью своей, будучи эгоистом. Идеализм — блеф для страшащихся и пристанище для мертвецов, что мир другой ищут, а человека другого не замечают.

Дорога всегда неизвестна. Мечты — неизвестны. Предметы — лишь кажутся. Радуйся — неизвестность освобождает!

Те, кто ждут, — не дождутся. Те, кто ищут, — не найдут. Те, кто делают, — те получают всё, если не ждут и не ищут.

Те, что лгут себе, не зная о том, — уже умерли. Те, кто любят, — те любят, и только! Те, кто не любят — никогда не полюбят, ибо жизнь одна, а времени — нет.

Те, что открытости своей не ведают, — те пусты будут вечно. Те, кто не хотят, — не захотят никогда. Те, кто хотят, — делают.

Ничего не случается "когда-то потом". Если что-то есть, можно это лишь спрятать, но нельзя уничтожить. "Та сторона" — это то, что прячет, но не то, что прячется.

Сегодня ты смотрел по ту сторону себя. Каково тебе, убийца?»

— Ну что, страдающий эгофилией, ты всё ещё хочешь быть эгоистом? — спросил меня Заратустра, когда мы завершили наш завтрак.

— Да, хочу, — твёрдо ответил я.

— Хочешь значит, делай, и сейчас! А будешь ждать — умрёшь.

Мы убрали со стола.

— Пойдём прогуляемся, — предложил Заратустра, — ты покажешь мне дачный посёлок.

Я, разумеется, согласился, и мы отправились.

О ПРЕЗИРАЮЩИХ ТЕЛО

Мы проходили мимо соседского дома. К забору на короткой, протёршейся верёвке был привязан огромный ньюфаундленд. Хозяева почти не ухаживали за псом, разве что кормили его время от времени. Грязная шерсть его давно выцвела и свалылась, из глаз тёк серый, сохнувший гной, подушечки на лапах растрескались. Он зарывался в песок и лежал так целыми днями.

— Зачем они привязывают дохлых псов? — спросил меня Заратустра.

— Это не дохлый, это спящий пёс, — ответил я многозначительно, но голос мой оборвался. — Просто никому нет до него дела. Хозяева каждый год снимают здесь веранду. За десять лет они, кажется, даже не гуляли с ним ни разу. Он всегда лежит тут один, привязанный.

Заратустра пожал плечами, отвернулся и так говорил со мной:

«Люди обращаются с телом своим, как хозяева эти с псом. Но разве же тело своё для человека — «пёс»?»

Радует тело, желает тело, наслаждается тело — разве же «пёс» оно для человека, а не сама его жизнь?

Природно тело ваше, как и всякое существо живое. И хочет жить существо всякое, ведь оно живо. Ибо живо лишь то, что хочет, и хочет лишь то, что живо.

Но телу вашему запрещено хотеть, ведь есть господин у тела вашего, господин, что решает и думает, что решает.

Он устанавливает порядки, он дозирует желания тела, ибо сам он не может хотеть, а может только хотеть хотеть, но это не то же самое, что *хотеть*.

Как же зовут господина вашего, царя над телом? Кто-то духом зовёт, кто-то разумом кличет этого глиняного Колосса, на земле, да не из земли стоящего.

И песни слышны во славу гиганта этого, и оды слагаются в честь его, и передаются псалмы эти из уст в уста, как ритуальные поцелуи.

Но чем громче поёте вы во славу господина вашего, тем очевидна мне более смехотворность фарса этого, где царствует марионетка!

Ибо Колосс ваш — не колосс, а кукла послушная в руках добродушного великана, имя которому — тело. Никуда не уйти вам от тела вашего, оно же идёт!

Восхваляйте Колосса своего, я буду смотреть, как торжествует в раззолоченной темнице своей попранное невежеством тело!

И знайте же, что торжество разума вашего — начало его конца и вершина падения. Ибо рождён он страхом, а обманом побирается, тело не сможет он обмануть, но вас обманет!

Всегда мне смешон король был, думающий, что повелевает он народом своим и своим государством. Пусть бы это и было так, но какой смысл в этом, если даже над жизнью своей король тот не властен?

Но кому верите вы, разумные, телу, или разуму вашему — делающему или представляющему? Верите вы тому только, что можете вы понять, а потому верите вы разуму своему, который сами же вы и создали, страшись неизвестности.

Играете вы в игру: сами загадываете себе загадки и сами же на них отвечаете. Ну, так верьте же разуму своему и презирайте же тело ваше, вы ведь хотите смерти! И она будет вам, это игра ваша!

Не можете вы телу своему поверить, ибо скрыто оно от разума вашего, а нельзя понять бытие, будучи порождением бытия. То же, что не понимает разум ваш, того и не существует для вас. А может он понять только себя самого, и только!

Рождённое бытием способно лишь ощутить бытие, но разве может оно ощущать разум? Вы же считаете ощущение своё незначительным. Но не потому ли, что оно огромно? Дабы скрыть малосильность свою, для сохранения тщедушной гордости вашей, воспеваете вы своё понимание!

Отказались вы от тела вашего и предали тем тело своё, презрели его в мнимом величии разума вашего. Так живите ж без тела! Отчего пользуетесь вы им?!

И не совестно вам, перебежчики, за счёт нечестивца жить гадкого, что желаниями полон постыдными? Бессильны вы телом быть и потому понукаете им, так ведут себя немощные, имя чьё — моралисты!

Разум возник, чтобы жить помочь телу вашему, вы же из защитника благородного тюремного смотрителя сделали, а из смотрителя — палача! Такова благодарность ваша, такова изнанка!

Но трусость ваша сильнее глупости вашей, созидавая правоту свою, бессильны вы следовать ей до конца! Не решились вы убить тело ваше, а потому просто изгнали его. Теперь не живёте вы, а думаете, и думаете, что живёте.

Только тело и живёт в мире, а разуму нет в нём места! Как паук плетёт он свою паутину, но ведь сам он и есть своя паутина. И никчёмнее разум ваш паука хозяйственного, бессильный поймать даже муху! Тело — вот что реально единственно, вот свет подлинный и царство жизни! А разум ваш — лишь два зеркала, что глупо заглядывают друг в друга и смеются гортанными спазмами, словно умалишённые. Безумие — то не отсутствие ума, страшась, безумие — это отрицание ваше тела вашего, тела, которое отправили вы в отставку! Безумный, разумом своим повредившийся, ищет спасения себе от страха своего. С помощью разума ищет он пути бегства. Но разум его — страх, ибо не может разум хотеть. Право, нет безумного больше,

Тело — вот что реально единственно, вот свет подлинный и царство жизни! А разум ваш — лишь два зеркала, что глупо заглядывают друг в друга и смеются гортанными спазмами, словно умалишённые.

Безумие — то не отсутствие ума, страшась, безумие — это отрицание ваше тела вашего, тела, которое отправили вы в отставку!

Безумный, разумом своим повредившийся, ищет спасения себе от страха своего. С помощью разума ищет он пути бегства. Но разум его — страх, ибо не может разум хотеть. Право, нет безумного больше, чем умник!

Страх — следствие то и признак желания мёртвого. Желание — жизнь, когда же не можешь желать, то боишься жизни и бежишь от неё, как тонкокрылая саранча. Таков разум! Не живёте вы, насекомые, но содрогаетесь в проталинах топких разума вашего!

Страшась, вы тело запугивали! Пугливые, нашли вы себе козла отпущения! Испугали вы тело своё смертью, ему неведомой. Как же сладко вам личинки страха высиживать!

Тело живёт в существующем, а поэтому не знает оно смерти. Но были вы немилосердны в ненависти вашей к телу, завистники, желать неспособные, запугивали вы его смертью!

Морили вы тело своё страхом, запрещали желать ему, и оно испугалось. Оно испугалось вас, страшась! И тогда покинули вы тело своё, ибо не любите вы слабых, будучи слабыми.

Гордые, вы ушли восвояси, но испытали ужас тогда желания мёртвого. Утратили вы опору, утратили основание, ибо с желанием вашим и жизнь вас покинула. Теперь же былинки вы слабые, гонимые ветром. Нет вам пристанища, нет вам покоя, и вечная смерть вам, отступники!

Думали вы, что избавитесь от желания и покой обретёте, но обрели вы смерть! Думали вы, что есть у вас «Я», но знайте же теперь: было у вас только тело, но и его умудрились потерять вы, разумные!

"Я" ваше — порождение страха вашего смерти, и чем больше «Я» ваше, тем более страх. Но

так радуйтесь же теперь, ибо вы не можете умереть более, во веки веков, ибо вы уже умерли!

Считали вы тело ваше ртом лишним, так знайте же, что его рот — это ваш рот! Казалось вам, что кормите вы кукушонка чужого, так знайте же: вы и есть кукушонок тот! Думали вы, что тело — низ, а разум — верх. Хорошо же, теперь вы внизу, озритесь, безумные, — это разум!

Обитель святую свою загадили вы нечистотами страхов ваших, а потом покинули загрязнённое место, чистоплюи! И как же живётся теперь душам вашим блудным, лишённым обители святой тела?

Что, теперь узнали вы цену предательства вашего?! Нет, не забывали вы тела, да вот только оно позабыло вас! Стучитесь же теперь в двери дома его, падите пред ним на колени, молитесь, безумные, его о прощении и плачьте, плачьте, предатели счастья собственного!

Тело ваше теперь мертво, завистники! Зачем так пестуете вы теперь своё мертвое тело? Зачем так настойчиво блюдёте вы пропорции его и оттачиваете формы? Зачем вы изнуряете его упражнениями, зачем мучаете диетами?

Оно похоже теперь на погребальный костёр, тело ваше, костёр погребальный, увитый гирляндами цветов мёртвых! Зачем украшаете вы мёртвое тело своё нарядами и драгоценностями? Зачем, если не жаждете вы отдаться хоть кому-нибудь, лицемеры!

Да, поруганное тело ваше продолжает хотеть! Вопреки глупости вашей и чванству вашему — продолжает оно хотеть! И хочет оно Другого, и всегда хотело!

Так презрите же слабосильную гордость свою и отдайтесь! Пусть Другой завладеет вами, коли сами вы себе недостаточны, и тогда обретёте вы тело своё. А иного пути нет у вас, пустынные разума, идолопоклонники тщедушного «Я»!

Пожертвуйте же обузой своей, пожертвуйте своим «Я», пожертвуйте — обретения ради! Станьте же телом своим, и лишь тогда обретёте вы самое Себя! Отказавшись от представителя, вернёте вы себе представляемое.

Истосковалось тело ваше по обладателю, неприкаянное, давно уже ходит оно в невестах! Но вечно вы лжёте, тщеславные, отдаться готовы вы только Богу, на меньшее не согласны вы, сумасбродные шарлатаны, торгующие мощами!

Богу своему предлагаете вы разум ваш слабосильный: каков Бог — таковы и жертвы! Страх — к страху, смерть — к смерти, прах — к праху! Аминь!

А тело?! Безумные, что с телом вашим?! Истинная правда ваша, сирота и жизнь ваша — тело, которое предали вы и унизили, как же оно?!

Старая дева оно — тело ваше! Но поруганное и покинутое, изгнанное и приговорённое к смерти, всё ещё тоскует оно по обладателю! Так не противьтесь же последнему желанию тела вашего, насильники поневоле!

Если же думаете вы, безумные, что не хотите последнего желания тела вашего, так знайте же, что вы лжёте! Ждёт вас ещё паромщик на Лете!

Если же знаете вы правду, но боитесь, то взгляните в глаза страху вашему и увидите вы морду Цербера, он охраняет от вас Царствие Человека!»

Был ли это намёк, аллегория, провокация или единственная возможная правда? Я не знаю. Расспрашивать было глупо, а сам Заратустра об этом умолчал.

Мы сделали круг и вернулись к дому, где у забора на привязи по-прежнему мучался несчастный пёс благородной, но вышедшей из моды масти. Зар остановился у калитки, какое-то мгновение стоял в раздумье, которое я не посмел нарушить, потом открыл резким движением калитку и крикнул:

— Кто считает себя хозяином мёртвого пса, лежащего у забора?

Дачники выскочили из веранды и замерли при виде незнакомца.

— Он был вам не нужен живым, он не нужен вам и мёртвым, — сказал Заратустра. — Я сам

похороню его. Не прощайтесь с тем, с кем не были вы знакомы.

Зар оборвал верёвку и бережно взял на руки массивное чёрное тело. Пёс действительно был мёртв... Я оцепенел от ужаса: ещё секунду назад он казался живым! Теперь же его обессиленные чёрные лапы свисали, как кисти драпированного бархатом саркофага, морда, словно бы от тоски, уткнулась в плечо Заратустры.

Зар пошёл по направлению к лесу. Все высыпали на улицу, что-то то ли кричали, то ли шушукались, но никто так и не решился последовать за нами. А я прихватил лопату, и уже через пятнадцать минут мы были на месте, в берёзовой роще.

— Холодны объятия трупа, — говорил Заратустра, глядя в полуоткрытые глаза чёрного пса, — холодны объятия человека, презирающего своё тело. Крик отчаяния в объятиях человека, разведённого с собственным телом.

Душа, покинувшая тело своё, жмётся жадно к телу другому, желая обрести тело это взамен утраченного, в замен собственной плоти. Не может ни радоваться, ни радовать душа, презревшая своё тело, в другом ищет она пристанища.

Не Другого ищет она в другом, а лишь только другое тело. Не на свадьбу идёт она, но на поминки. Холодны объятия трупа...

Заратустра взял у меня лопату, и сырая земля посыпалась комьями на сухую траву. Мы похоронили пса и потом, не проронив ни слова, ещё долго сидели здесь, на траве, под поющими берёзами, рядом с холмом, где с миром и в мире покоилось тело...

О РАДОСТЯХ И СТРАСТЯХ

К вечеру приехали мои кузены, на огонёк подошли друзья детства с соседних дач. Тихие разговоры, тепло натопленной печи, чай со сдобой, а за окном ночь, где небо сплелось с гулким лаем дворовых собак.

Мы вспоминали наше детство, было и весело, и грустно, но всё-таки больше грустно. За столом, в креслах и на кроватях сидели директора фирм, музыканты, служащие, даже психотерапевт один...

Разговор время от времени запинаясь, прерывался то молчанием, то вздохами, то смехом. Все мы, сами того не понимая, тосковали о чём-то утраченном, о чём-то, чему нет названия, что было когда-то столь реальным и столь естественным, что просто не могло иметь имени.

— Как измелились все! — шепнул я на ухо Заратустре. — Мы словно не говорим, а играем в слова, эти паузы... Какая-то граница пролегла между нами. Пиетет без пиетета... Театр с народными артистами, каждый из которых уверен, что не играет, а живёт на сцене.

Заратустра улыбнулся в ответ. А когда мы остались одни, он говорил так:

«Детство — знание, которому суждено исчезнуть под натиском человеческого.

Что такое искренность? Что такое счастье Двух? Этого не изъяснишь словами, этого не постигнешь здравыми рассуждениями, этого не исполнишь, узнав. Это нечто, что есть.

Но разве можете вы жить, жизнь не поясняя словами, не обрамляя её мириадами рассуждений, не пытаясь осилить плоть её искусственным инструментом сознания?

Слово считаете вы благом, рассуждение — истиной, сознание — реальностью. Лучшее, что имеете, — искренность и счастье Двух — обрамляете вы своим мнимым богатством: своим благом, своей истиной и своей правдой.

Серп добродетели бессилён ухватить искренность. Как может жнец поймать ветер? Однако же преуспел он в усековении колоса. Жнец — убийца во благо.

Должна искренность стать правдой, чтобы поддаться жнецу, но это плаха её. Счастье Двух неуловимо, незримо оно для третьего. Однако третий этот в каждом из вас наличествует, он требует у вас объяснений.

Должно неопределённое обрести форму, иначе контроль ваш над самими Собой — венец добродетели — гоняться будет за ветром. Но слишком он высокомерен для этого. Чопорный, готов умертвить он живое, только бы не оскандалить себя легкомысленностью!

Вы определились. Не хотели вы быть хорошими, вы захотели стать ими. Не хотели вы быть искренними, но хотели заставить себя стать правдивыми. Не хотели вы испытывать счастье, что только Двум известно, но захотели вы организовать его. Нужен был вам рецепт, всё хотели вы делать по правилам, ибо осмысленной приходит к нам смерть.

И добродетель множилась. Узнали вы ложь во спасение, убийство во благо, наказание из любви, предательство из сострадания, борьбу за правду, муку за веру, страдание во искупление... Слова, слова! Добродетель множилась, а сердца ваши рассохлись, словно посуда глиняная, и опустели, ибо вытекла из них жизнь. Но рассудок зато заполнился ваш до отказа!

Знали вы, что искренность — это счастье, знали вы, что счастье — это искренность Двух, но тогда не знали вы слов и главного слова своего — «Я». Когда же узнали вы сладость инквизиции их, то перестала искренность ваша быть искренностью, обратившись фантомами правды. Из волшебницы стала она ведьмой, забавляются паяцы теперь на лютном шабаше!

И вы спросили себя, мудрые: «Искренен ли я сейчас?» — и тем стали вы лгать. Запутались вы, реальность, сдобренная словами, рассеялась. Испугались вы, потерянные, и стали помощи

искать у слов ваших, они же рождали вам рассуждения, а рассуждения даже мёртвого вразумить могут, и вы вразумились!

Слово заменило вам ощущение, действие стало у вас рассуждением и оттого страдает теперь параличом да судорогами, бьётся в дуге истерической, высказываясь, неспособное высказаться. Вы — говорящие, бывшие живущими некогда, хороши же дела ваши!

Собой были вы, когда играли в машинки и посуду игрушечную. Когда ж перестали играть вы в машинки и кухни игрушечные, но стали машины водить и семейные готовить обеды, перестали вы быть самими С собой — вы стали водителями и поварами!

Быть водителями хорошими и кулинарами прекрасными стало для вас важнее, чем быть самими С собой. То, что было игрушкой, стало реальностью, то, что было реальностью, — стало теперь игрушкой!

"Что такое я сам, если не умею я машину водить и готовить обеды?" — так вы спросили себя и поняли, как важно быть хорошим водителем и поваром виртуозным.

"Сам я — пустое место, — думали вы. — К чему это пригодно? Какова добродетельность этого "не пойми что"? У него-то и названия нет! О нём не расскажешь, к делу не подошьёшь. По крайней мере, обед оно не сварит". Так рассуждали вы и самих Себя потеряли, но стали зато добродетельными!

Нет, не стали вы эгоистами, но актёрами и паяцами. Реальность заменили вы фантомом реальности, и не замечаете ныне вы игры своей. Но тем для вас хуже! Лучше зато для прочих потерянных, ибо теперь ведь вы добродетельны, можно и с вами играть в игру эту, большие детки!

Вы узнали слова, и не стало более искренности Двух, возникли меж вами «отношения» — там одни, здесь другие. Начали вы рассыпаться. Стал человек актёром и потерялся за личинами ролей своих.

Кто ж он теперь — человек ли, персонаж заурядной пьесы? Двум царям не услужить. А трём, а пяти, а тысячи царей? Богатый репертуарчик для мертвеца! Бейте же теперь в бубны — празднуйте сценическую карьеру вашу! То погребальный набат, от него закладывает у меня уши!

Искренность — одна, а правда — здесь одна, там другая, "у каждого своя правда". Живёте вы с людьми в «отношениях», живёте во вместилище правд, отстаивая свою, примиряясь с чужой, принимая правду, чуждую вам, и не веря ей, но следуя законопослушно её распорядку!

Но не сетуйте, ведь «правда» всегда добродетельна и серп жнеца собрал богатый урожай этих плевел! Мельник теперь перемелет их, обратив в труху праха. Добавит пекарь дрожжей и соли — будет вам хлеб к обеду, будет, чем напиться рассудку! Да вот только счастья не будет, ибо нет искренности, а лишь слова одни да говорение всухомятку. Питайтесь!

Достанет в корзине рассудка — и хлеба, и рыбы, только вот желудки ваши пусты будут... Но что вам желудки, дети виртуальной правды! Ибо поедаете вы сами Себя — наслаждайтесь же, изошрённые каннибалы! Грех кривиться от пищи такой, слишком уж дорого она стоит!

Всё смешалось в мире вашем: за правдой ложь ходит тенью, за радостью — горе. Вы смеётесь? — так это не к добру! Говорите вы правду? — тогда молчите, не то вас осудят! Любят вас? — значит, бросят! Берегитесь, радейте, искренними не будьте, не доверяйте!

Стала добродетель ваша — решёткой, роли — цепями, правда — диетой из ядов! Но даже зверей диких не возят так, в клетях добродетели! Отравителей гадких не кормят диетой отравленной, а у человека и рта даже нету для пищи этой! И в цепях таких нет человеку жизни, ибо он задохнётся в них!

Вы посеяли ветер, да испугались бури. Зачем же вы сеяли ветер?! Теперь вы умрёте, ибо самих Себя испугались, от Себя самих отреклись! Страшались, облеклись вы в одежды добродетели вашей. Знайте же, что это саван!

Много человеческого в добродетели вашей, да вот только нет в ней человека! Потерялся он и запутался в складках пурпурных бархата льстивого добродетели лживой.

И потому говорит Заратустра: человеческое есть нечто, что должно быть побеждено, чтобы мог человек быть Человеком».

Зар, как и всегда, говорил обо мне. Счастье Двух так знакомо мне, так манит! Но я чувствую добродетель, она встаёт стражем между мной и Другим, встаёт и разглагольствует. Она поёт, подобная птице Феникс, поющая, кажется она прекрасной, когда же она умолкнет, то предстанет в истинной своей красоте: она уродлива, как смерть, и она несёт смерть одиночества своим сладостным пением, скрывая Другого, которого я не знаю.

Я неискренен, моё признание в неискренности кажется искренним, но это снова игра: теперь я играюсь фантомами — словами искренности и неискренности. Результат этой игры очевиден, я, конечно, приму сторону искренности, но в безальтернативности этого выбора заключена ложь — я не выбирал, я делал вид, что выбираю.

Принять сторону искренности — не значит быть искренним, а потому, принимая сторону искренности, я лгу дважды. Печально...

Так я думал уже во сне, потому что заснул, слушая Заратустру. Тяжёлый был у меня сон: мне снился лабиринт, в котором, к сожалению, не было Минотавра, который бы мог меня сожрать, прекратив этим широким жестом все мои страдания и мучительные поиски несуществующего выхода.

О БЛЕДНОМ ПРЕСТУПНИКЕ

Мы шли длинными подземными переходами железнодорожной станции. Мёртвый свет гелиевых ламп падал на бетонные конструкции, от чего мрачные конусовидные четырехгранники потолка, не в пример готическим стрелам, лишь ещё больше прижимали нас к полу. Картину дополнял гулкий шум торопливых шагов, что напоминал поступь похоронной процессии.

— Вор! Держите вора!!! — эхом пронеслось в переходе.

Мужчина лет сорока бежал за худощавым парнишкой, мальчик как ветерок протиснулся между мной и Заратустрой, скользнув молящим и перепуганным взглядом по нашим лицам.

— Ловите его, ловите! — сорванным голосом кричал пострадавший.

Мы продолжили свой путь, не оборачиваясь и не изменяя скорости шага.

«Не пытайтесь наказать преступника, он наказан уже собственным страхом, — говорил Заратустра. — Или надеетесь вы, что наказание справедливое обидчика вашего вас избавит от страха? Но что такое "справедливое наказание", если не попытка ваша решить проблемы свои за чужой счёт?

Бойтесь вы — и в этом собственное наказание ваше. Но, наказывая другого, вы не перестаёте бояться, а лишь больше ещё бойтесь: страшится хвалёная добродетель ваша, ибо меру она перемеривает; страшится справедливый суд ваш, ибо может он ошибиться и знает о том; страшится ваше «Я» добродетельное, что не были вы сострадательны; но более всего бойтесь вы сами, ибо чувствуете вы, что наказание ваше цели своей не достигнет.

Но какова же цель наказания вашего — думали вы об этом? Отомстить, перевоспитать или ущерб возместить? О, даже не знаете вы, зачем наказываете! Полагаете, что надо вам наказать. Так прислушайтесь же к этому надо — вы услышите голос страха вашего! А потому говорю я вам: наказывая, вы сами наказаны!

"Враги" и «злодеи», "больные" и «обманщики», "глупцы" и «грешники» — все они порождения страхов ваших. Рождает границы добродетель ваша, вы же сидите в засаде и трясётесь от страха! Отчего любите вы так смаковать страхи чужие, если не от желания вашего скрыть трусость собственную? Так сознайтесь же в трусости своей, судьи!

Судьи, откройте сердца свои! Что в них, кроме страха?! Но кого осуждаете вы страхом вашим, если не самих Себя?! А ведь даже не видите вы, что страшитесь! Не от того ли изображаете вы слепой Фемиду? Не глаза ли ваши держит она в чашах весов своих? Пусть простят вас другие, ибо не ведаете вы, что творите, но что проку в том, если страх ваш не знает прощения!

Однако же лучшее свидетельство страха вашего — мысль ваша. Думая, выдаёте вы тем самым страх свой. Не знание истины, но страх ваш говорит словами вашими! Так говорите же прямо, хватит общаться с собой через посредников и переводчиков! К чему комедия эта, лжецы и прохвосты?! Кого надеетесь обмануть вы, страшась, если не Себя самих? Говорите гримасой ужаса!

Кажется вам, будто бы дело ваше — следствие мысли, дело облакаете вы в слова и судите ими помыслы. Так вот, вы ошиблись в порядке! Не мысль порождает дело, а дело — мысль, иначе же мысль ваша — бред. Всё вы со страху поставили с ног на голову! Так ломаете вы себе шею, лихоимцы счастья собственного!

Мысль ваша — только скорлупа одна дела вашего. Не содержимое судите вы, гнёзд разорители, а скорлупу его. Не можете осудить вы дело, ибо так длинны языки ваши, что

коротки! Мысль осуждаете вы, воры, укравшие мусор! И не голодно вам скорлупой яичной питаться? Видно, кормите вы ею скелеты свои, шедевры музеев анатомических!

Скорлупа в умах ваших, скорлупа одна, а жизни не знаете вы! Украл кошелек мальчишка, и теперь жажда в вас ущерб возместить камнями. Молодцы! Признайте же дело, и увидите вы исчадие страха вашего, а слова — слова только!

Словами оправдать вы можете вора, словами можете осудить. Однако же первое зовёте вы «гуманизмом», второе — «торжеством справедливости»! Но не значит ли это, что негуманна совсем справедливость ваша? Что тогда, гуманисты безумные, зовёте вы справедливостью?

Осуждая вора, себя вы оправдываете. Оправдывая вора, себя осуждаете на страх свой. Так и есть, что, осуждая, не освобождаетесь; оправдывая, — не освобождаете. Несвобода — вот подлинная свобода ваша, рабы страха! Что ж делаете вы, называя кого-то «преступником»?

Страхом своим вор открыл вам страх ваш! Так благодарите же вора за откровение это, ибо он сорвал с Фемиды вашей удавку, он сделал её зрячей! Пусть же украдёт он и страх ваш с кошельком вашим! Не подаяние, но приобретение — вот что есть признание вами страха вашего.

Дорогою потерь идёт несчастный, дорогою обретений шествует, танцуя, счастливый. Украдите же счастье своё у человеческого, станьте вором дарующим! Я такой вор, ибо нечего терять тому, у кого нет ничего, но всегда есть ему, что обрести и что подарить!

Признайте же и чужой страх, этим признаете вы дело. Но одно зовёте вы безумием и страшитесь, другое — преступлением и снова страшитесь. Вот и говорю я вам, что вы безумны!

О, этот вор жаждал не кошелька вашего, и не крови вашей, даже не дела своего жаждал вор этот, но жаждал он лезвия острого, лезвия своего страха! Не оттого ли вор этот более человек, чем вы?

Но всё же вор — человек, бегущий от человека. Провоцируя страх ваш, не хотел он освободить вас. И не себя вор испытывает, но страх свой, а потому и не может быть он человеком!

Что ж не скажет вор: «Я украл!» Что ж он бежит? Страху бросил он вызов и страху потворствует. Знайте же, страх всегда отыщет себе союзников! А потому вор этот подобен самоубийце, что пистолет заряжает холостыми патронами, — не велика же удаля душегубства такого!

Кого ж обманывает вор этот? Самого Себя он обманывает! Не обманывает обманщик, но обманывается, ибо стыдится вор, а стыд его — это страх!

Кто ж для человека лучший судья, если не он Сам? Однако же не осуждайте страхи свои, ибо не страшен страх, но страшно бессилие ваше до конца пережить страх ваш!

Не в том беда, что страшитесь вы, но беда в том, что страшитесь вы страха, беда в бессилии вашем! Но и слабости своей признать вы не можете! Так захлебнитесь же в чувстве вины собственном, притворщики!

Вина — вот она, бездна слабосилия вашего признать дело! Верите вы, что можете прошлое изменить, вина ваша — тому доказательство!

Нет у вас будущего, а настоящее ваше — страх! И я смеюсь! Слышите вы, я смеюсь! Неужели же не слышите вы смеха моего, голоса свободы?! Поднимите же голову, винящиеся! В лицо смеётся вам Заратустра!

Что такое человек этот, что страха собственного испугался? «Вор», — скажете вы. «Вы», — скажу я. У себя украсть умудрились вы Себя самих! Ловкостию дивлюсь вашей я, Заратустра! Куда же спрятали вы добычу свою, запасливые? Где искать вам теперь украденное?

Скажите мне, зачем отреклись вы от Себя самих, и я скажу вам, где покоится схоронившееся! Для других вы делали это, но ничего другим тем не сделали вы, а только себе! Перед другими совестно вам быть эгоистами, но должно быть вам совестно, мертвецы, перед

собой Самими не быть ими!

Скажите: "Я украл, я вор. Я убил, я убийца", воры счастья собственного, убийцы самих Себя! Все вы преступники, так покажите же мне лицо преступника, покажите мне своё лицо! Я хочу его видеть!

Нельзя начать с шага второго, ибо не бывает второго без первого. И не лгите мне, никого вы не любите, ибо вас Самих нет, шагающие только правой ногой, вычерчивающие крути на месте одном!

Видите вы бледное тело мальчишки этого, камнями побитого? Это отражение страха вашего! Любуйтесь же, справедливые, собственным отражением вашим! Хватит кривых зеркал! Хорошо вам?!

Не подступила ли теперь желчь к горлу, не душат ли слёзы вас, не режет ли глаза ваши болью? Нет, не у преступника бедна душа, а у судьи его! Ибо нет зла иного в мире этом, кроме страха вашего.

Многое зовёте вы «злом», а зла самого и не видите. Возьмите же в руки свои камень, окровавленный вами, и ударьте себя! Бейте же с мощью неистовой, бейте себя по лицу, бейте! Я знаю, что такое зло ваше!

Чёрствость сердец ваших, закостеневших от страха, — вот это зло! Но всё думаете вы, оцениваете, рассуждаете с лицами умными — так это страх ваш, слепцы!

Защищайте же самих Себя от себя, ибо вы — страх! Право, нет у вас врага большего, чем вы сами! Бейте же себя, бейте! И умрите же наконец, мертвецы! Довольно уже вашего спиритизма!

Лица безумных — вот зеркала ваши! Смотрите же в них — таков вердикт суда вашего! Навечно укрылись безумные в мирах своих, но разве иначе поступили вы, мнимо здравствующие? И разве не от одиночества вашего холодно вам и страшно?

Но не только вам страшно, и не только вам холодно, но вам и душно ещё! Так дуйте же на тлеющие угли, жарьте себя на огне медленном страха собственного! Вы так это любите! Ибо только страх свой и любите вы, но не самих Себя!

Лелеете вы страх свой, служите ему раболепно, как верные подданные, «добром» называете вы свою смерть! Кому же добро делаете вы смертью своей? Мне вы не делаете добра этим, а себе и подавно!

Только эгоист жить может, ибо не судит он, но предуготовляет Себя самого для Другого, которому и подарит он дорогое самое, что есть у него, — самого Себя, а не отбросы чёрствые добродетелей ваших!

И знайте же: не нужны Другому ни тлен телес ваших, ни мощи добродетельных аур, что окурены ладаном, но жаждет он жизни вашей, ибо жизнь нуждается в жизни!

Обнимите преступника — вот единственное, что ждёт он от вас, вызывая гнев ваш в умах ваших. Ибо не важно, как взывает он вас о вас же Самих. Он предстал пред вами нагим, как и следует эгоисту!

Так признайте же дело, но не форму его, не содержание, ибо есть только дело! Но всё у вас шиворот-навыворот, ибо зрит пустота пустоту только! Что ж вы удивляетесь его безумию? — это ваше безумие!

Признавая страх свой, ужас свой преступая, обретаєте вы силу ног ваших. Танцуйте же теперь, танцуйте на похоронах страха вашего! И плачьте, плачьте о том, кто не может более танцевать с вами!

Плачьте о том, чья кровь, вашим страхом пролитая, не утолила голод страха вашего, но сделала его явным, а вас — способным смеяться, смеяться на похоронах страха вашего!

Я же не буду более потакать страху вашему. Но смеяться буду в лицо ему, и если это ваше лицо, то не я виной унижению вашему, но вы сами! Страх теперь или задушит вас, или

задохнется он от моего смеха!

Я вор и преступник, я украл страх ваш смехом своим над страхом вашим! Теперь побейте меня камнями, если хотите, — вот вам моё лицо! Я не сумасшедший, я вор!

Слышите, я вор, я ваш украл страх, я преступник! Смешно вам?.. Так смейтесь же, смейтесь же надо мной! Пусть смех поглотит смех, пусть смех напится смехом!

Не боюсь я смеха вашего, и я рад ему! Я хочу, чтобы обняли вы меня, ибо я наг и мне без вас холодно! Но не жгите меня своим страхом студёным, ибо, кроме вас Самих и желания вашего, — ничего мне не надо!

Только эгоист желает, только его желание сделает счастливым Заратустру вашего! Это зову я добром! Это добро!»

Так говорил Заратустра, когда в вагоне метро мы заприметили мальчишку, что пробежал мимо нас в переходе. По всей видимости, ему удалось уйти от преследователя, что, впрочем, не избавило мальчонку от страха.

Бледный и худой, он стоял около двери, напряжённо сжимал кулачки, оглядывался и нервно сучил ножкой в разбитом ботинке.

— Пойдём, — тихо сказал Заратустра.

Мы прошли по вагону. Зар взял грязные кулачки мальчика в свои руки и сел перед ним на корточки.

— Ты меня боишься? — спросил Заратустра, глядя на малыша снизу вверх.

— Нет, — соврал мальчишка и попятился назад.

— Вот и молодец! — добродушно улыбнулся Зар. — За смелость тебе полагается мороженое. Хочешь мороженого?

— Нет, — снова соврал сорванец.

Зар рассмеялся.

— Я не знал ещё такого мальчишки, который бы не хотел мороженого!

— Хочу, — тихо признался мальчик, смутился и заплакал.

Зар обнял мальчика.

— Плачь, малыш, плачь. Будет тебе мороженое, ты заслужил.

Мы сидели в кафе. Зар что-то оживлённо рассказывал. Мальчик ел мороженое и, стараясь казаться взрослым, слушал наш разговор, нарочито глядя исподлобья.

— Теперь ты отдашь мне мой бумажник, — сказал Зар мальчонке, когда мы окончили нашу трапезу.

Странно, а я и не заметил, как Зар лишился бумажника. Мгновение я был занят этим новым для меня обстоятельством, а мальчик уже сорвался с места и стремглав бросился к выходу.

— Страшно? — крикнул вслед ему Заратустра, при этом лицо его оставалось спокойным, а сам он смотрел в опустевшую вазочку из-под мороженого.

Мальчишка остановился у двери кафетерия, секунду раздумывал, потом повернулся, посмотрел на Заратустру, затем на мой оторопевший взгляд, подошёл к нашему столику и, насупившись (верно, чтобы сдержать слёзы), молча положил бумажник на его искусственный мрамор. Заратустра достал из него деньги и засунул парнишке в карман.

— Если ты хочешь, мы можем отвести тебя в приют. Тебе ведь некуда идти?

Мальчик помедлил и в знак согласия еле заметно качнул головой. Через пару часов он уже сидел в изоляторе приюта, где я когда-то работал. Пожилая санитарка суетилась вокруг вновь поступившего малыша, причитала и охала, как она любит. Мальчик делал вид, что ему неприятна эта забота, но трудно было не заметить смущённую радость, наполнявшую его изнутри.

— Ты всё ещё думаешь, что страх — это дело? — спросил его Зар, когда санитарка вышла

позвать дежурного врача для профилактического осмотра.

— Нет, — тихо, но уверенно ответил малыш.

— Вот и хорошо. Ничего не бойся.

Они обнялись и смеялись потом, глядя друг другу в глаза, а я почувствовал, что глаза мои намокли, но мне не было совестно — это не сентиментальность, это радость.

Заратустра удобно расположился на диване и сосредоточенно читал мои пьесы, по-моему, «Леонардо» с подзаголовком «Осмыслить боль или проповедь молчания».

— Слушай, какие хорошие притчи! — воскликнул Зар, когда я появился в дверях комнаты с двумя чашками кофе.

— Правда?.. — на мгновение я смутился.

— Точно!

Тут мне показалось, что он не знает, что это мои пьесы, я насторожился, но потом и это прошло. В конце концов, какая разница, чьи?

— Зар, только это не притчи, а пьесы.

— Всякий текст — притча. А как иначе? Текст — это вечная загадка. Один написал, другой прочёл: что было написано? — то, что первый писал, или то, что второй прочёл? — он рассмеялся.

Мы пили кофе, Заратустра говорил, говорил протяжно, задумчиво, не так, как прежде:

«Слова высказывания лгут и путаются, слова перемешиваются с иными темами и контекстами, темы семянят, сменяя друг друга.

Речь — это хаос из упорядоченных слов. Понимающий обращается к тексту. Текст — это завершённая в самой себе мысль, завершённая, а потому переставшая быть мыслью. Она была потоком, куда стекались тысячи рек, но теперь она стала пространством.

Мысль — вот он, сэр «Невидимка», вот он, мистер «X», господин «Zero». Захочешь, так не поймаешь! А не поймаешь, значит и не передашь, а не передашь, так кто ж тебе поверит? Кто согласится: "Да, — мол, — мысль это, есть такая", кто?

Мыслью вы считаете то, что считаете мыслью, но как вы принимаете это решение? Одно имя у мысли вашей — профанация. Ощущение — вот где правда, вот что подлинно *есть*. «Всамделишные» они, этого не отнять — факт!

Но скажите мне, что можно передать ощущение, и я рассмеюсь вам в лицо. Не передаче, но созданию ощущения — вот чему служит текст.

Ощущения наши — валюта неконвертируемая, действительны они лишь на нашей же «территории» и нигде более. Оказавшись за пределами нашими, неизбежно падение их котировок.

Знает об этом эгоист и не требует от других, чтобы те понимали слова его, ибо не могут они понять. Он пишет себя, пишет, словно поёт длинную песнь. Ибо знает эгоист, что это его счастье.

Не ждёт он любви к себе за свой труд, выполненный якобы для другого, ибо сделан он для самого Себя. Ведь не ждёте же вы аплодисментов за то, что едите, когда вам хочется есть. Всё, что делаем мы, мы делаем для себя, но только эгоист знает и чтит эту истину. Любящий любит, и только, в этом всё...

Желающий говорить должен уметь хотя бы молчать. Но является ли проповедь молчания проповедью ощущения? Молчание слишком родственно небытию, слишком. В небытие-то вы успеете все, но сможете ли вы быть?

Вот почему должны вы знать, что ощущение ваше девальвируется в пересказе, в выражении, в простом обретении имени собственного. Знать и не пытаться переступить жизнь, а породить ощущение — действием.

Ощущение репрессировано вашим разумом. И не доверяете вы теперь ощущениям

собственным, проверяете их на «благонадёжность», страшно быть вам в окружении, ибо вечно мните вы себя на войне.

Нужно вам «понимать», "знать", "составлять мнение", а также "иметь суждение" — и всё это через разум, и всё — через смерть, и потому всё это — безумие ваше, которого не понимаете вы, безумными будучи.

Чтобы позволить себе ощущать, нужно вам провести ощущение через чистилище разума своего. Но что в разуме вашем, кроме соглядатаев страха? Оно умрёт там, ощущение ваше.

Да, не всякое ощущение выдержит испытание это, лучшее-то и не выдержит, ибо где тонко — там, как известно, и рвётся. Что останется от ощущения вашего после экзекуции этой?..

Обидно терять самое дорогое, а что может быть ощущений дороже, которые и открывают нам существо жизни нашей? Но нет, ощущения ваши разумом интерпретируются, обретая форму понятийную, которая для них — гроб.

Когда же выражаете вы ощущения ваши, в катафалк слов уложенные, для другого, он интерпретирует интерпретации ваши. Преломляясь в стакане, луч искажается и редко когда становится радугой, а ведь он — радуга!

Знаете вы, что слово врёт, но "На безрыбье и рак — рыба", — так говорите вы. Вот достойный пример разумного безумия! Любому студенту-биологу поставили бы за подмену такую двойку жирную и были бы правы!

Но и молчание пусто, и мысль — лишь оболочка одна, и ощущение несказуемо... Текст, текст-притча — вот, что будоражит существо эгоиста, того, кто способен не навязывать, а сообщать.

В речи, в процессе высказывания непосредственного не угадаешь систему, структура его хаотична, дискретна, не имеет она целостности и отсылает слушающего к контекстам говорящего, а их не знает никто, и потому в бездне этой не утонет лишь отчаянная бессмыслица.

"Слушатель" притчи улавливает связи внутренние, что организуют текст, лишь потом дешифрует он коды и лишь после постигает само сообщение. Однако же не сообщение это Другого, но сообщение его: "Я — Другой".

Текст являет систему собой, и если коды его не ясны, то связи его всегда безусловны, они-то и позволяют увидеть мне теряющееся в хаосе говорения. Другой мир открывается взору моему, мир потерянный, мир непонятный — текст сообщает мне Другого инаковость, я заморожен, ибо Другой — алтарь моего счастья.

Так я вижу загадку и тайну Другого, так открывается мне мистерия Его уникальности — непонятностью для меня. И если прежде всё мне было понятно, то лишь потому, что был я один, ибо могу я понять только своё и, понимая, творю своё одиночество.

Теперь же покровы одиночества сброшены, ибо я — Другой, а потому — тайна, тайна, которая соприкоснуться может лишь с тайной, тайной Другого, Его тайну ищу. Сокрытость текста Другого — свидетельство тайны. Тайна к тайне — тайна Двоих, этого жажду!

"Не разгадывать тайну, но наслаждаться ею!" — вот девиз эгоиста. Нет мне возможности сообщить самого Себя. Не велика же потеря, ведь я не раб, выставленный на продажу. Зато Собою самим быть я могу, и быть Им могу для Другого. Я для него — тайна, пусть наслаждается мною, ибо не хочу я его одиночества!

Я хочу тайны, где целостность становится центром, притча — зерном, а сущность — смыслом. Притча — зерно это, которому суждено пасть в землю Другого. Здесь зерно моё напитается силами Другого, здесь воплотится оно в стволе и кроне ветвистой нового дерева. Моя сущность станет сущностью Другого благодаря притче.

Знай же, что эгоист порождает не пьесы, но притчи. Не играет он в прежние игры, не со своими другими говорит он в тексте своём, но говорит он с собою-Другим. Не в слова он играет,

ибо нет ему дела до игр смерти, а танцует, презрев свой страх быть непонятым, пишет он самого Себя. Но притча — это мост с одной опорой, и знает об этом эгоист.

Капля росы на бутоне розы — слеза счастья, упавшая на трещину вечности. Безумие ощущения — это здравый смысл самой жизни. Бабочки и мыльные пузыри — счастье, свободное от пут разума.

Танцующее божество — это ликующее ощущение Другого, в унисон бьющееся сердце Того, Кому посвящена великая притча Другого. Притча — близость, и пусть останется она тайной».

Так говорил Заратустра, и я ощущал эту притчу, я ощущал, возможно первый раз в жизни, Другого, я ликовал.

Но что прочтёт мой читатель? Слова ли? Мысли? Может быть, чувства мои угадает он в убористых строках? Нет, не себя Самого я показываю ему, но Его Себе. Его я вижу за каждым словом, за каждой запятой и многоточием, его — Неизвестного.

Если он увидит Себя самого в моей притче, если он поймёт, что только он и является автором того, что читает, тогда будет он эгоистом. Из ожидающего он превратится в живущего, из требующего — в обретающего.

Для кого я пишу мои тексты, если не для Себя самого? Так чего же я жду? Чего требую? Нет, нужно быть эгоистом. Но что это — «быть эгоистом»?

Вот о чём я молча вопрошал Заратустру этим вечером, понимая, что спроси я об этом вслух, то могу рассчитывать лишь на простой подзатыльник в ответ, подзатыльник, которым Мастер Дзен обучает своего ученика, спрашивающего: «Что есть сущность Дзен?»

Учитель обращает ученика внутрь его Самого. Учитель заставляет ученика быть эгоистом, чтобы сделать его Учителем — человеком, обретшим способность обретать.

О ДЕРЕВЕ НА ГОРЕ

Один из моих близких друзей, мой тёзка, кстати сказать, был некогда большим любителем ницшеанского «Заратустры». Для преодоления «экзистенциального кризиса» лет пять тому назад я предложил ему Ницше. Но когда в сердце не горе, а горечь, то великий немец может только усилить подобного рода «кризис», этого я тогда ещё не знал.

Когда человек читает Ницше, полагая, что он соавтор его трудов, а не респондент, когда читатель не понимает, что именно его, своего читателя, причисляет Ницше к «лицемерам» и «блеющему стаду», именно на него, на читателя, обрушивает он свой гневный рокот, когда читатель не переписывает Ницше своим прочтением, а думает, что водил его пером в момент написания автором текста, он, этот читатель, как это ни печально, с лихвой подтверждает обличительный пафос ницшеанских строк.

Ницше, как я погляжу, почти всегда достигает своей цели: он хотел посмеяться над человеком, теперь у него есть все основания... Вот почему Ницше несчастен и одинок, не ощущать Другого хотел великий немец, но доказать себе инаковость свою отрицанием. Да, задачка ему удалась, он себя отрёк. Но стоило ли тратить на это жизнь?

Ницше — это дерево на горе, одинокое дерево. Много таких гор, много таких деревьев в мире, где каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть. Холодно в таком мире и душно. «Эгофилами» зовёт Заратустра таких «сторонящихся людей».

Мы повстречались в парке, я представил Андрюшке Зара, Андрей посмеялся, «разгадав розыгрыш». Он посмеялся, и мы посмеялись.

— «Если бы я захотел раскачать это дерево своими руками, — Андрей, улыбаясь, цитировал по памяти ницшеанского «Заратустру», опершись руками на вековой дуб, — то я был бы не в состоянии сделать этого. Но ветер, — тут Андрей стал серьёзен, — которого мы не видим, — ветер терзает и нагибает его, куда хочет. Всего хуже пригибают и терзают нас невидимые руки».

— Не ветер, но ты сам терзаешь себя, — тихо сказал Заратустра, пристально глядя в серые глаза своего собеседника. — Чего же ты испугался? — его голос был добор и чуток. — Чем больше ты думаешь о себе, тем дальше ты от Себя самого. Пока ты не ты, но желающий быть таким, каким хочешь ты быть. Два «Я» заключены в тебе: желаемое и желающее, но ни одним из них ты не являешься. Когда же «Я» твои соединятся, они уничтожат друг друга, и ты будешь ты — тем, что останется, тем, что нельзя уничтожить, не умерев.

— Метафизика... — протянул Андрей.

— Жизнь, — ответил ему Заратустра.

— И ты знаешь, как? — испытующе прозвучали эти слова.

— Ты знаешь, — с обычной своей нежностью и прямоотой ответил ему Заратустра, обнял вековое дерево, искупал свой взор в его ветвистой кроне, посмотрел на нас и улыбнулся.

«Как сокрушаетесь вы над своим одиночеством! — говорил Заратустра во время нашей прогулки. — Как судите вы своё одиночество, как проклинаете вы проклятье его! Но как же вы любите его! Как холите вы тщедушное тело его, как ласкаете вы его мощеподобную плоть, как ублажаете безумные его помыслы!

Всё вы делаете своего одиночества ради, и ничего не делаете вы для самих Себя. Вот почему не эгоисты вы, а нищие духом. Рассчитывающие на подать не рассчитывают на самих Себя, будь иначе, я отдал бы им всё.

"Я одинок", — говорите вы. "Ты не ощущаешь самого Себя", — отвечаю я. "Я буду ещё более одинок", — возразите вы. "Ты не пробовал", — отвечу я.

Одиночество — просто слово, и только, а значение его пусто. В одиноком же целый хор голосов, человек должен быть одинок в себе Самом и для себя Самого — вот что вырвет его из путаницы слов.

Тот, кто умеет молчать в самом Себе, тот услышит многих, ибо вокруг Другие. Человек должен уметь быть один, чтобы знать разницу между одним и стенающим в одиночестве. Первый существует секунду, второй — вечность мучительную, полный ужаса.

Вы думаете, что знаете одиночество? Это неправда. Вы не знаете его! То, что зовёте вы одиночеством, — лишь страх и амбиции несчастного, души не чающего в самом себе. Это называю я «эгофилией»!

Не одиноки вы, пестующие своё мнимое одиночество, ибо вечно вы сами с собой, вы, обручённые со своею тенью: каждой твари по паре! Нет в вас места Другому, только множество «Я» ваших в вас квартирует.

Здесь, на этой сцене, развёртываются ваши «трагедии», здесь место «драмы» вашей, здесь ожидаете вы свою публику, которая, надеетесь вы, придёт оценить блистательную игру вашу и тем избавит вас от «одиночества» вашего. Но как же того лишит одиночества, кто не одинок, а слеп?

В слепоте вашей рождаются тени. «Зло» и «добро» — вот две тени двух «Я» ваших. Ими мерите вы мир ваш, они собой различают «добро» и «зло» ваше, их борьба — это ваша борьба, их игра — это ваша игра. Но не вы то играете, а они — вами. Вы не видите мира, вы, как Нарцисс, упиваетесь изображением собственным в себе самом, полагая, что это и есть Мир.

Но для кого же театр ваш? И кто ж не знает из вас театральных подмостков? Актёр не потому чужую игру смотрит, что хочет он насладиться ею, а потому лишь, что хочет он оценить, и оценить низко. Чего же вы жаждете: оценки или наслаждения, что сочтется меж вами Самими и Другим, кто для вас дорог? Так чего ж вы играете?

Будете вы играть — и будут оценивать вас, если же будете ощущать — тогда и будете жить. Но как же вам не играть, актёры и драматурги?! Ведь нет вас! Лишь маски сменяют друг друга в театре вашем, режиссёры смерти! Не живёте вы, и должны жизнь имитировать. Не могу я даже сочувствовать вам, играющие в смерть, если бы и хотел.

Вы одиноки? Да! Но знаете ли вы одиночество? Нет!

Тот, кто ищет для себя лучшей доли, безумнее любого безумца. Не может быть доли лучше, чем она есть, ибо другой нет, а то, чего нет, не может быть лучше. Чего же вы ищите? На что надеетесь?

Кому предназначаете вы страсть вашу? Кого облагодетельствовали вы любовью своею? Знайте же, что чем больше страдаете вы себе, чем выше себя вы цените — тем более вы страдаете, тем ниже себя вы ставите. Что теперь прыжки ваши, упавшие в яму?

Когда же упрекают вас в тяге к одиночеству вашему, в том, что заняты вы только собой и только о себе думаете, говорите вы, что "благородный всем стоит поперёк дороги". Не странно ли, что, когда зовут вас (а зовут они, как умеют), зовут к общности, поднимаете вверх вы знамёна одиночества вашего? Не странно, но глупо, ибо печально.

Неужели считаете вы общность одиночества хуже? Может быть, я не знаю... Но зачем тогда тяготитесь вы одиночеством вашим? Чего на самом-то деле хотите вы, коли так? Создать хотите вы добродетель новую? Так ведь это всё равно, лишь добродетель одна и только. Какая разница, какова она?

Неважно, каким станете вы с вашей добродетелью «новой» — язвительным, насмешником и разрушителем или добрым и сострадательным. Если вы не ощущаете самих Себя, всё это не имеет значения. А если ощущаете вы самих Себя, то на что добродетель вам? Добродушного пса не водят в наморднике.

Зачем вы стремитесь к возвышенности? Зачем пестуете вы свои идеалы? Думаете, что так любезны вы другим будете? Но ведь даже не смешно это, фантазёры. Ибо стараниями своими вы других обвиняете в приземлённости! Чьей же похвалы ожидаете вы, идеальные?

Играли вы в прятки сами с собой, теперь потерялись и не найдены. Хороша же «возвышенность» ваша, она напоминает мне виселицу! И вы ещё оступиться боитесь! Ужас! Вам надобно падать, падать, причём не раздумывая!

Не упасть с Олимпа идеализма вашего — вот что должно пугать вас, одинокие понарошку! На небесах ваших зябко и ноги стынют, а сердце бьётся лишь символически».

Тут Заратустра остановился, чуть приспустился к берегу озера, оставив нас позади, и дальше говорил, не смотря в нашу сторону:

— Кругом тебя люди, Андрей, все они, как и ты, хотят близости, так чего же ты ищешь? Нет, ты совсем потерялся... Близость ждать просто смешно, в близости нужно быть. А свои «идеалы высокие» и «слепые надежды» подай нищим, они это дело любят.

Или надейся, или будь — другого нет, это твоя жизнь. Только, выбрав надежду, не причитай, а живя — живи, и без дураков. И сними же наконец намордник своей добродетели, у тебя же красивое лицо, я-то знаю!

Что ты пытаешься скрыть, кроме своего страха? Кто пытается скрывать, если не твой страх? Ну ни глупо ли? Я же только страх-то и вижу! Вот тоже, водит сам себя за нос, а отпустить боится! Если бы ты знал, как мне обидно, — добавил он тихо, — ведь не с мечом же пришёл я, в конце-то концов...

— Над этим нужно поразмыслить, — сухо брякнул Андрей и пошёл дальше.

А я испугался, я подумал, что Заратустра не поймёт, что я понял, что он говорил со мной, но я почему-то не дал ему понять, что понял это.

Потом я посмотрел на Андрея и испугался, что сказанное Заратустрой утонет в его интерпретациях. Заратустру можно принимать только целиком или не принимать вовсе.

Спорить с Заратустрой, дискутировать — значит оправдываться, отстаивая свою горечь, полагая, что в ней-то, в горечи твоей, и сокрыто всё твоё счастье, твоё добро.

А принимать Заратустру — значит сейчас, немедля и не раздумывая, делать всё, что он говорит, отложив на секунду, можно уже не возвращаться: то, что есть сегодня, — того завтра не будет.

Но потом я смотрел, как оживлённо беседуют мои спутники о «саркофагах», что стали расти, как грибы после дождя, по берегам Суздальских озёр, и мне стало совсем одиноко.

Я был испуган, Зар наконец сказал мне нечто, что я совсем не ожидал услышать. Этим он пошатнул мою твердолобость, и на сей раз, мне кажется, основательно.

Теперь я понимаю, что он всё время говорит об одном и том же, используя все возможности, чтобы пробиться ко мне, достучаться до меня Самого.

«Я думаю, что я его принимаю, я так чувствую, хотя это не так, поэтому трудно ему до меня достучаться. Что-то я делаю не так... Но что?» — так думал я о Заратустре, когда мы расставались с Андреем.

По дороге домой Зар словно бы невзначай обронил следующее:

— Как странно, что вы так мучаетесь одиночеством, так страдаете, так жаждете Другого, а Другого не видите! Это «Я» виновато, надежды его и амбиции. А вот можете ли вы без «Я» прожить? Я знаю, что да. Но как сказать мне об этом тому, у кого уши заткнуты страхом?

Мы вернулись домой, я всё записал, а теперь думаю: боюсь ли я ещё? А если да, то чего? Об этом нелепо спрашивать Заратустру, об этом мне следовало спросить у самого Себя. Я спрашиваю...

О ПРОПОВЕДНИКАХ СМЕРТИ

Я вернулся домой после работы. Заратустра уже ждал меня, он приготовил чудесный ужин и сейчас развлекался обстоятельной беседой с моей дворняжкой, поддерживая её животный интерес к их мнимой дискуссии кусочками колбасы.

— Ах ты, морда полосатая! Да! Вот так!.. Молодец! Дай лапу! Вот хорошо! Хорошая собака! Иди хозяина встречай, давай!

Пёс метнулся ко мне, тьякнул, ткнул меня лапой и быстро вернулся к Зару.

— Ладно, вот последний, — сказал Заратустра, любуясь той неутолимой жаждой, с которой моя псина схватила на лету колбасную шкурку.

— Мы не в духе? — поинтересовался Зар.

— Устал я... Какой-то бег по кругу... Всё без толку.

— Работа не ладится?

— Пациенты не ладятся! Мне кажется, что они вовсе и не хотят лечиться, а просто морочат мне голову! Или, может быть, я совсем ничего не понимаю и требую от них невозможного? Но я-то знаю, что это возможно!

Заратустра молчал.

— Зар, но у них ведь одна жизнь, одна! А они проводят её в слезах и причитаниях! Они сетуют, осуждают, оценивают, ноют. Они рассчитывают на то, что всё как-то само собой разрешится и делать ничего не придётся. Они лелеют мечты, которым просто не суждено сбыться: они хотят другого мира, других людей, другой жизни, наконец. Но они себя-других не хотят! А как же иначе-то, если такими, как они есть, только на кладбище и можно рассчитывать! Жить такими просто нельзя! Не получится, не может получиться, «девятнадцать пополам, кажется, не делится»! А я всё хожу на эту работу, говорю с глухими, рассчитываю на бессильных, подставляю плечо лежащимся. Может, я дурак круглый? А?.. Ну что ты молчишь? Зачем я работаю, зачем?..

Я сидел на стуле, понурый, сердитый, расстроенный сверх всякой меры. Зар подошёл ко мне, сел на корточки, посмотрел мне в глаза и со своей растапливающей любую скоробь улыбкой произнёс:

— Ты знаешь, *зачем*.

Я смущённо улыбнулся в ответ. В моём «канатном» репертуаре есть способ, который я использую для того, чтобы показать человеку, есть ли смысл в том, что он делает, или же его нет. Для это нужно только одно: чтобы он сам Себя спросил: «Зачем?» Если, спросив самого Себя: «Зачем?», он чувствует, что всё его существо озаряется светом, нежится теплом, то более мне не придётся «мотивировать» его жить *по-человечески*: делать и радоваться. А если он наталкивается на пустоту, на абсолютную безответность, то сам совершенно явственно осознаёт, какая отчаянная бессмыслица все его страхи, сомнения и страдания.

— А если бы все они были просветлёнными, разве бы ты смог ходить на работу? — улыбаясь прищуренным глазом, спросил Заратустра.

Какой он всё-таки великий хитрец!

— Я, наверное, ищу благодарности, да? А ведь мне надо... — я посмотрел на Заратустру исподлобья.

— Смешон музыкант, который недоволен своей публикой. Он ведь исполнял музыку, а не публику. Он с равным успехом может упрекнуть погоду в том, что она «не так» отреагировала на его «божественное исполнение». Понятно? А теперь рыба под майонезом. Предупреждаю,

погода тут не при чём! Тебе понравится... — Господи, он снова расхохотался!

Рыба действительно оказалась выше всяких похвал, но, признаться, это не слишком меня радовало. После ужина Заратустра говорил так:

«Вы не умеете хотеть. Возможно хотеть только возможное. Вы же хотеть пытаетесь то, чего быть не может. Так знайте же, что не хотите вы, но юродствуете! Ушли вы от курса вашего, пустили корабль свой по ветрам иллюзии на остров необитаемый, где царствуют миражи!

Желание — не надежда, но желание только. Не хотите вы невозможного, и только кажется вам, что вы хотите его, на самом деле — вы о нём лишь страдаете. А не хотите страдать — не выдумывайте!

Нет смерти, нежелание — вот что такое конец. А желание — сама жизнь. И боритесь вы не с желанием своим, которое толком даже не чувствуете, воины страха, но боретесь вы с самой своей жизнью!

Говорите вы, что страдание ваше — это желание, не нашедшее себе удовольствия. Даже если оно и так, то разве же лучше его отсутствие? Как прожить без желания, если желание — жизнь? Избегание ваше — вот это смерть, остальное же только кажется ею.

Почему думаете вы о неудовлетворённости желания вашего прежде, чем успели вы захотеть?

Разве не глупо спрашивать: "Зачем не хотеть?" А если спрошу я вас: "Зачем хотеть?" Что, если сами Себя вы так спросите? Разве же не чувствуете вы свет, отвечая, свет, идущий от вас, свет изнутри, вовне идущий? Свет этот — и есть желание ваше!

Способно мёртвых разбудить желание ваше, но не этого следует желать вам, но самих Себя. Мертвец, что пытается воскресить труп, пляску перепутал с танцем, безумие — с красотой.

Думайте вы о том, что будет потом, но не знаете вы, что сейчас есть. Неужели не видите вы, что не будет вам завтра, если у вас нет сегодня? Взываете вы к благоразумию, к завтра взываете. А кто ж будет жить, мечтатели?!

Если жизнь ваша — приготовление к смерти, то это не жизнь уже, вы готовы! Считаете вы смерть венцом жизни вашей, я же дивлюсь: как умудряетесь вы на живое надеть мёртвое, модельеры смерти?

Говорите вы, что не можете радоваться мелочам. И я тоже не радуюсь мелочам, но что вы называете мелочью? Благоразумие ваше, что сродни безумию, — это называю я мелочью! Завтра ваше, которого нет ещё, — это также зову я мелочью! Вчера, которого нет уже, — это считаю я мелочью! И суета ваша, амбиции, страхи, иллюзии — всё эта братия мелочная. Так думаю я, Заратустра, но что вы называете мелочью? Солнце ли, радость Другого, жизнь свою — это?!

Но не требую я от вас, чтобы думали вы так, как я думаю. Я хочу, чтобы вы думали так, как не можете вы не думать! Я хочу вас Самих!

"Я не требую, я хочу", — так говорит эгоист. Если же вы посмеётесь над ним, если скажете вы ему, что он не получил того, чего хотел, он ответит вам: "Я не хотел, я хочу!"

Если же скажете вы ему, что остался он с носом, он скажет вам: "Это мой нос, и я не хочу вашего!". Не проповедую я, но живу, и хочу я, но не надеюсь!

Результат — это фантазии, выдумка; нет результата «завтра», но каждый миг сейчас — это уже результат. Чего же ждёте вы? Зачем «сейчас» вы выдумываете, разве же нет его? Куда ж оно делось? Или вам мало его, или вы не хотите?

Зачем столько вы говорите о времени? Где вы видели время? Вы подобны всаднику ловкому, что сам себя оседлал! Время — плеть. Ну что ж, спешите, скопцы! Спешите, а то опоздаете!

Смотрите, смотрите, сколько торопится трупов! Поспешите, а то опоздаете, не достанется вам могилы, займут ваше место на кладбище! Да, Бог ваш — это страх ваш. Не удивляюсь я, что

Его не ощущаете вы, слишком уж Он велик, даже для вас!

Если рождаете вы с тем, чтобы было кому хоронить вас, то не рождаете вы, а хороните. Если же жертвуете вы собой, то, значит, других держите вы за людоедов. Мне же не нужна жертва ваша, а хочу я радости вашей. Да вот кажется только, что вы её не хотите! Чего ж мне теперь сокрушаться?

Вы или хотите действительно, или умерли. Мёртвым я пою песни, благо они не слышат. Но танцую я только живым! Знайте же это! Я так хочу, это моя жизнь!

Если же вы утомлены жизнью — вы не хотите. Так не смертью ли утомлены души ваши? Утомлённые жизнью проповедуют смерть? — Так ведь они и не знают иного!

Думающие о вечном не могут ни жить, ни радовать. Они не хотят, они "хотели бы", не живут они и не радуют. Что сокрушаться о них? Не моё это дело!

А возможность всегда открыта, нужно просто хотеть, зрение же к желанью приложится. Вам нужно, а я хочу!

Нет закрытых дверей для желающего, ибо он хочет войти, но не того, чтобы вы ему отперли! Какое ему до вас дело, если вам до самих Себя дела нет!»

Так говорил Заратустра, а я вспоминал всех моих дорогих невротиков. Я невротик... Интересно, кто-то слышит мой смех?..

О ВОЙНЕ И ВОЙНАХ

Иногда коллеги расстраивают меня больше моих пациентов. Нет, даже чаще.

— Ну что ты?.. — протянул Зар. — Пустое.

— Знаешь, когда младшая обезьянка изобретает новый способ доставать банан, у неё отбирают добычу. Когда старшая обезьяна изобретает новый способ доставать банан, то у неё учатся. Мы не так-то далеко ушли от приматов! Есть, правда, одно отличие, наши «бананы» нельзя отобрать, они сгниют раньше, чем кто-либо успеет их съесть, отобрав.

«Не мечтайте о великом, будьте великими, — говорил Заратустра. — Зачем воевать вам, если и без войны можно быть победителем?»

Не воюйте ни с собой, ни с другими — любой исход только смерть означает. К чему война вам, где не может быть победителя?

Не воюйте с незнанием, ибо на какую победу можете вы рассчитывать? Кого хотите вы в плен взять, чем поживиться?

И со знанием не воюйте, познание — не война, но страда! Воюя, разрушаете вы и отрицаете, а познание действительное — это признание. Лучший результат отрицания — ноль, но что это за победа?

Признайте же поражение своё, несумевшие, этим дадите слово вы знанию. И знание не учите, но разрешите ему говорить, тогда сможете вы слышать.

Когда же говорите вы сами, то того не услышите, что хотите услышать. Что делаете вы, солдаты речи? Хороший солдат — мёртвый солдат. Вы хорошие солдаты!

Воины лучше солдат, ибо отрицают воины сами себя, так что нет, по крайней мере, двусмысленности, впрочем, оттого-то они и глухи, ибо всякая война — сердец контузия.

Не ищите врагов ваших, ибо враги всегда глухи. Но и глухой враг лучше исполнительного солдата, поэтому не ищите вы и солдат.

Война — это безумие мира. Не лечите мир от безумия, но не заражайте его своей злобой. Ненависть слепа, познающие, неужели же не жалко вам глаз ваших?

Великий не воюет, великий обладает, а обладать может он, лишь не притязая. Обладать, не имея, — вот в чём секрет познавшего.

Не имеющий — не потеряет, а потому нечего страшиться ему, таков обладатель истинный. А имеющий уже потерял, ибо остановил он то, что живёт лишь в движении.

Обладать не значит иметь, обладать — значит не бояться. Как можете обладать вы миром, когда мир обладает вами? Что ж нет в вас силы признать принадлежность вашу?

Только принадлежащий и обладает действительно, ибо лишь он не боится потери, ибо не требует, но принадлежит. Нечего терять свободному, только страшщийся и боится!

Рыцари скупые, очнитесь же, ваши ларцы прохудились!

Предоставьте маленьким мальчикам говорить: "Я смогу!". Говорите: "Я смог!". Но помните, что хороша лишь та храбрость, что не боится утраты.

Обладателя я люблю, что знает стыдливость своей сердечности, ибо он не покушается.

Обладателя я люблю, что знает сердечность своей стыдливости, ибо он не противится.

Но если вы сами себя боитесь, разве же я не буду пугаться вас? Безумие пугает! Зачем вы боитесь? Страх, лишь страх защитить может, и только!

Дурно не то, что вы скрываете, дурно то, что скрываете вы. Ибо низка возвышенность всякая, если она ложна.

Знающий не заносчив, знающий злобы не знает, ибо знает он, что её нет, но есть только

страх. Знающий не боится, он знает.

Гордый убеждает меня в своей силе, но я убеждаюсь лишь в его страхе. Он обманывает самого Себя!

У знающего нет врагов. "Каждому своё", — говорит он, говорит, но тем не приговаривает.

Бунт — это слабость рабов, это слабость страшщихся, что бессильны признать своё рабство. Бунт — это доказательство рабства и утверждение страха.

Если признает раб рабство своё, он освободится от страха и не будет рабом более. Ибо нет и не будет свободы иной, кроме свободы от страха!

Нечего терять рабу, кроме своего страха. Так против кого ж бунтует он, если не против самого Себя?

Заткните же уши свои, когда говорит кто-то в вас: "Ты должен!". Слушайте свое: "Я хочу!", ибо это говорите вы Сами.

"Ты должен!" — таковы слова страха вашего, ибо вам страшно платить. Но кто же вынуждает вас покупать?

"Я хочу!" — говорите вы Сами. Но прислушайтесь! — не страх ли подобрался к вам так, шепча гипнотически: "Должен!"

Не надейтесь, что сделают нечто для вас. Ибо большего, чем вы Сами, никто вам не сделает. Так зачем вы размениваете золото на черепки глиняные? Будьте же эгоистами, ибо слабыми вы никому не нужны! Так что делайте для самих Себя, если думаете о Других!

Человеческое — такова большая гастроль страха вашего. Но не срывайте афиши его, ибо это приёмы страха. Не забрасывайте яйцами его тухлыми и овощами гнилыми, ибо не гневом, но радостью победить можно страх человеческого и человеческого вместе с ним. Радуйте самих Себя, если хотите вы Других радовать!

Принадлежите тому, что дорого вам, и не придётся, повиноваться счастливому! Обладайте тем, что дорого вам, и не придётся воевать обладающему! И не ищите пощады для страха вашего, но ищите для него смех!

Так и я не щажу страхов ваших, ибо смешно мне беречь их, когда дорожу я вами, бесстрашные!»

Так говорил Заратустра, чтобы не боялся я быть маленькой обезьянкой, чтобы не боялся быть человеком.

О НОВОМ ИДОЛЕ

Они снова затеяли войну! Мальчишки гибнут, а им хоть бы хны! Интересно, они видели двадцатилетнего молодца без ног?! А без рук? А дементного, после этой чёртовой войны?! — я сокрушался, у меня ныло сердце, а перед глазами стояли мальчишки, возмужавшие за считанные месяцы Чеченской войны. Я лечил их, если можно назвать так беседы с людьми, которые не хотят жить...

— Андрей, выключи телевизор, — тихо сказал Заратустра.

Вот, что он говорил мне сегодня:

«У всякого безумия два костыля. «Добро» и «зло» — вот костыли идеологии вашей.

Не может быть идеи у идеологии, всё это блеф! Но вот «добро» и «зло» всегда в ней будут! По ним отличайте идеологию.

Одно несёт она на знамёнах, другое — топчет ногами. И нет для неё ни правых, ни виноватых, ибо не знает она человека, даже говоря о нём, обожествляя! Но знает она лишь «добро» и «зло», ибо она — падальщик.

А стадо ваше не может без идола. Раньше «богам» вы молились, теперь молитесь вы на «человека», гуманизмом зовёте вы нового идола. Такова новая религия ваша, новый ваш Вавилон!

Но идолу всегда лгут, ибо надеются на него, а потому требуют от него жадно. И суждено погибнуть идолу этому в безумии бунта своих почитателей, ибо не в силах он оправдать ожидания, ибо нет его: он безответный ответчик. Поругание — такова цена вашей присяги, поклонники идола!

"Добро" и «зло» — их зову я жерновами идеологии! Что за разница вам, о какой из них вас раздавливают, а каким давят? Перемените бирки, если так для вас это важно. Суть идеологии от того не изменится, отнюдь, ибо она раздавливает!

Защитники человека, вы войну осуждаете, но умеете ли вы прежде того осуждать осуждение? С кем вы играете в прятки?! Гуманисты, вы же осуждаете человека! Кто развязал войну, если не человек? Кто взял ружьё и выстрелил из него, если не человек? Кого хотите вы защищать? Кто жертвой назначен защиты вашей?

Если думает гуманизм о человеке, то как может он предпочесть одного человека другому? Какая разница для него меж тем, что войну развязал, и тем, что погиб в ней? Разве первый не более второго нуждается в помощи? Кому же вы лжёте, рассказывая о гуманизме вашем? Что скрыть вы хотите за красочным словом этим, если не страх ваш, апостолы новые?

Кого топчете вы ногами, если не человека, когда несёте на знамёнах своих фикцию гуманизма?! Не флаги несёте вы, а кресты, глядите же — на них человек, и человек этот мёртвый!

Разве может гуманизм делить людей на «добрых» и «злых»? Разве может?! Но делите вы, непоследовательные, а потому лгущие! Не избежать вам, гуманные, осуждения «злых», чего ж стоит тогда гуманность ваша?!

В Лиги вы собирались, и принимали вы Декларации, но разве же вы стали нежнее? Кто нашёптывал на ухо вам, как голосовать в Организациях ваших, если не идола, что не ведают человека? Самим Себе не дали вы права голоса, голосующие за идола! Кого теперь вы пытаетесь обмануть?

Сами вы себя обманули. Думаете, что о «добре» позаботятся Органы? Думаете, что позаботится о вас Государство? Да, оно позаботится! Позаботится оно послать вас на войну,

позаботится «добром» оправдать эту бойню! А потом позаботится бросить армаду целую жизнь спасать вашу, чтобы испытывали вы к нему благодарность, страшаетесь! И оно будет заботиться, как бы залатать дырки на теле вашем, испуганные болью! В существе же вашем никто не залатает дыры! Ибо вы предали самих Себя сами, отрёкшиеся!

Гуманизм смешал языки, но разве же не потерялся теперь человек, разве не стал он безгласен? Когда говорит Другой другим языком — я слышу Его, когда же говорит он моим языком — я слышу только себя. Пусть я не понимаю Его, но я устал понимать себя! Пошёл гуманизм ваш дорогой лёгкою, всё вам стало понятно, но оказалось, что так ничего и не поняли вы! Стали вы гомогенной массой. Не индивидуальности, но безликости добились вы своим «гуманизмом»!

Есть ли теперь среди вас люди великие? Нет их теперь, ибо только нежные видят великое! Не дорожите вы человеком, но дорожите идеей его! Так и Бога своего никогда не ощущали вы, но только идею Его пестовали. Чужих богов распинали вы, восхваляя собственных, других людей готовы распять вы теперь, чтобы собой насладиться, самих Себя не ведая!

Никогда не видел человек ваш великого, ибо, страшащийся, никогда не был он человеком! И неважно, какова форма страха вашего, ибо страх — это страх, а потому и человек у вас не человек, а только подобие человека. И гуманизм — только страх, облагороженный словом!

Гуманизм сказал вам: "Каждый велик из вас!". И тогда украли вы подвиги героев, мудрость святых похитили и нежность бесстрашных уничтожили. Но нежны ли вы теперь, насильники? Разве же подвиг — ворованная мудрость ваша? Воровство называете вы «куплей-продажей», я же зову его — «воровством». Плохого нет, наверное, в воровстве этом, да вот только и проку в нём нет никакого — в этом вот беда ваша, о которой вы и не знаете!

Гуманизм сказал вам: "Каждый велик из вас!". И решили вы, что все пути уже пройдены, и можете вы теперь пожинать лавры чужие. Но он вас обманул! Ибо путь ваш только сами вы и пройдёте, а не пройдёте, то не будет пути вам! Если же купили вы билет на экспресс, то не заметите, когда и погибните!

Гуманизм сказал вам: "Каждый велик из вас!". И вы задохлись в своей эгофилии. Не стали вы нежными, но потребовали к себе нежности. Радуйтесь, к вам нежна идеология ваша, идеология гуманизма! Не забудьте же выслать мне приглашение на поминки ваши! Давно не пробовал я пирожков с мясом!

Должен был гуманизм сказать вам, что вы страхом своим убиваете самих Себя. Должен был он сказать вам, что «добром» и «злом» вашим души вы жизнь свою, что одна у вас. Должен был сказать гуманизм вам, что вы нуждаетесь в человеке: в самом Себе вы нуждаетесь и в Другом. Но нет теперь места, где бы могли Двое уединиться, ибо в головах их квартируют сотни безликих! — и об этом должен был сказать вам гуманизм ваш.

Однако же он молчит, ибо не счастье человека интересуется его, а счастье тех, кого назначили вы опекунами гуманизма вашего: государство и органы его, лиги и декларации их, организации и гул их безумия.

Но знайте же, что нет ни государства, ни органов его, ни лиг, ни организаций, а есть только люди, которые хотят быть опекунами вашими. Кого же винить вам теперь в бедах ваших, если не лень и не глупость вашу?

Бойтесь вы труда борьбы со страхом вашим. Но чего вам ещё желать, как не труда этого? Гуманизма?!

Должен быть человек эгоистом, чтобы быть человеком. Ибо только эгоист любить может, ибо не знает он лени, ибо нет нужды ему преодолевать самого Себя. Только эгоист видеть способен, что нежность одна и есть то великое, что всегда было скрыто от вас!

Не ждите же, что другие сделают из вас человека, ибо должны вы быть эгоистами сами. А

этого не купишь ни в кредит, ни в складчину, не узнаешь этого и вприглядку.

И знайте же ещё, что, пока страх ваш больше гуманизма вашего, нет в вас и сотой долики гуманизма! Эгоист же не может лгать, ибо знает он, что только себя он обманывает своею ложью.

Слишком высоко ставит эгоист самого Себя, чтобы обманываться! Скорее уж скажет он, что ничего не знает, чем позволит себе обмануться!

Низко же вы сами Себя ставите, если отдаёте предпочтение страху!»

Так говорил Заратустра, а я думал, что никто не заставит человека стрелять, кроме его страха. И каждый решает это сам за себя, а эгоист за других не решает. Все же мировые проблемы локализуются в отдельно взятых головах, и они — проблемы этих голов.

Сколько же сора в моей голове! Да, не избежать эгоисту генеральной уборки, прежде чем стать человеком.

О РЫНОЧНЫХ МУХАХ

Пациентка принесла мне для ознакомления книжку какого-то психолога средней руки. Суть этого удивительного своей беспутностью бестселлера сводилась к следующему: существует карма, существуют уровни, где прохлаждаются души умерших, всё объясняется двумя этими несложными константами.

Особенное же впечатление на умы пациентов клиники неврозов произвели следующие соображения автора: у каждого из нас есть притязания, и, чтобы нас от этих притязаний избавить, некие ангелы-смотрители посылают нам то, что будет этим нашим притязаниям в жесткой форме противоречить.

Например: женщина, мечтающая об идеальном муже, получит в день свадьбы исчадие ада; человек, помешавшийся на деньгах, денег не получит; а если кто зарвался в своих притязаниях, тот и вовсе ничего не получит, поскольку обратное соорудить несчастному ангелу не под силу.

Замечательная теория! По крайней мере, она лучше всех прочих объясняет моим пациентам, почему их жизнь не удалась: всё дело в злосчастных ангелах! Не знаю, на что рассчитывал автор, но это, по-моему, единственный результат, которого он добился своим захватывающим слабые умы опусом.

Зар, конечно, смеялся как сумасшедший, листая эту брошюру. А я злился: ну ведь глупость! Зар не унимался, и хохот его был так заразителен, что через какое-то время я стал подсмеиваться, потом смеяться, а спустя ещё пару минут мы оба ухохатывались, корчась на полу в характерных для этого дела судорогах: Зар сполз с дивана, я рухнул там, где стоял.

Что так сильно развеселило Зара, известно только самому Зару, а я смеялся над той серьёзностью, с которой я принял эту глупость к своему «благородному» сердцу.

Когда мы отсмеялись и отдышались, Заратустра говорил так:

«Говорите глупости с серьёзным лицом — это выглядит обаятельно! Очень! Мудрость же обаятельна сама по себе, поэтому не важно, как вы говорите о ней.

Не выбирайте также и тех, кому и что говорить. Мудрый нуждается в глазах, а не в ушах. Мудрому скучно в его одиночестве, а у одиночества нет глаз.

В чём отличие мудрого от глупца? Мудрый видит то, что есть, глупец — то, чего недостаёт ему. Поскольку последнего нет, то каждый глупец видит своё. Забавен разговор двух глупцов, и содержательно молчание мудрых.

"Я" искажает собой реальность, у мудрого нет «Я», а глупец гордится своим безумием. Нет знания о реальности, есть знание лишь о «Я» — это единственное, что можно было бы знать. Но глупец не знает именно этого!

Спросите глупца о том, как представляет он себе мир. И когда он расскажет вам, вы узнаете его «Я», только он об этом не будет знать. Мудрый не ждёт понимания, но живёт — в том его знание.

Муха ничем не хуже пчелы. Только глупец скажет, что помёт хуже мёда, он скажет также, что день лучше ночи, лето — зимы, а жизнь — смерти. Он рассказал вам о своём «Я», так поверьте ж ему!

Актёры — актёры. Кто видит в них плутов, видимо, сам плут. Игра — мастерство актёров; пчела не способна быть мухой — дурна ли она оттого? Что ж набрасываетесь вы на актёров? Зачем срываете вы с них маски? Вы пропустите представление, любители правды!

Великое без великого, что представил это великое, — мёд без пчелы, он сладок, но мёртв. Но и великий пуст, если он не представил великого. Если же его не услышали, не будет

сокрушаться великий, ибо он ищет глаза, а не уши! Нет новых ценностей, ибо ни форма, ни содержание сущности не меняют. Слепец смотрит пустыми глазами, мудрый не ищет таких глаз. Интерес — вот что подлинно интересно в глазах! В глазах познающего интерес познающего, в глазах мудреца — интерес к интересу познающего.

Нет проблем, кроме глупости. Но ведь глупость отнюдь не проблема, так что не переживайте из-за неё! А её переживания просто глупы, так не переживайте же из-за её переживаний! Вы не можете любить глупость, так что же? Вы можете радоваться вместе с ней. Все имеют право на радость.

Гул рынка приятен тому, кто не ищет того, чего нет. Гул рынка приятен мудрецу. Только глупец будет сокрушаться от этого гула. В этом гуле — жизнь, мудрый любит жизнь, ибо любит он то, что есть. Любит — и только!

Глупость не противоположна мудрости. Они не соприкасаются, как огонь не дотрагивается до воды, кипящей в чугушке. Всякая глупость сокрыта в чугушке глупца, что же боитесь вы глупости? Только глупец боится глупости, мудрый же просто не желает разбивать хрупкую тару.

Кто за мишурой не разглядел сути, тот видел лишь мишуру, но он ею радуется. Так чего ж теперь мудрому сокрушаться? Радость — всегда радость, если радость, и только. Суть же — не самоцель, мудрый о том лучше знает любого глупца!

Лучше быть калифом на час, чем калифом навсегда! Так не бойтесь же смеха людского, не противьтесь гневу людей, не избегайте их глаз. Как иначе узнают они о мудрости вашей? Пусть час будет вам вечностью, нежели вечность — часом!

Всякий желает быть интересным. Кто ж откажется от интереса к своему интересу? Мудрому интересен твой интерес, ибо через него он видит тебя Самого, а иначе ты страшишься ему показаться! В малом видит мудрый большое. Вот в чём мудрого сила: не внедряться, но находить!

Чешет руку безумного мухобойка. Не искушайте же себя глупостью, выкиньте мухобойку! А если муха хочет тебя ужалить, разве можно ей помешать? А потому, если льстит тебе кто-то, и льстит неустанно, узнай же, чего недостаёт ему. Ему полезно будет это узнать!

Мудрость не знает безумия. Будет ли мудрый оспаривать престол безумия? Стремится безумие к мудрости, стоит ли ей препятствовать? Пламя испаряет воду — о том надо помнить, и нечего трепетать! Не предсказывает мудрый, но констатирует. Только безумный опережает собственный визг!

Гордость мудрого — в смехе, смелость — в радости, величие — в нежности. Разве же будет мудрый беречься малых? Мудрый не унижит тебя своей мудростью, но возвысит всякого малого, ибо он дорожит страстью человека желать или же не ведает он мудрости.

Если же начнут малые подгрести угли к костру мудрого. Что останется ему? Молчать, дабы малых не разозлить гордостью своего смеха? Благодарить небеса за судьбу свою своей радостью? Или хватки предложить поджигателям, чтобы не обожгли они руки?

Нет, эгоист думает о себе Самом и не ищет того, чтоб другие в потьмах думали бы о нём. Он будет танцевать! — этого никто не в силах отобрать у мудрого, даже паралич, даже смерть.

Танец — это больше, чем пляска. Танец — это больше, чем смерть!»

Так говорил Заратустра. Говорил задорно, весело, смело! Лицо его лучилось, и казалось мне, что не говорил он, а танцевал.

— Ты знаешь, какая разница между мудрецом и эгоистом? — спросил меня Заратустра, завершив свою речь.

Я опешил — сложный вопрос!

— Правильно, никакой! В этом секрет! — и он расхохотался, глядя на мою растерянность.

Боже, как я раньше жил без него!

О ЦЕЛОМУДРИИ

Возвратившись из клиники, я рассказал Зару об одной своей пациентке. Она хранит целомудрие по «идеологическим соображениям», рассуждая о православии с великой страстностью. Впрочем, её вера не вполне мне понятна. Нотации о прощении она сопровождала осуждением тех, кто не блюдет поста, не исповедуется и не причащается. Смирение её выразилось в скандале, который она затеяла в палате, разругавшись с пациенткой, которая думает, что исповедует буддизм (или вправду исповедует). И уж, конечно, не без гордыни прозвучали её слова о том, что только православные «унаследуют Царствие Божие».

Такая вера верующих в свою веру всегда ставила меня в тупик. «Что ж вы неврозом-то болеете, если в благодать Божую веруете? Или слабоват Бог ваш, или вера ваша дугая. Стал бы я бояться, если бы знал, что на всё воля Божья или что я Богом любим! А если бы я и сам любил, хотя бы и Бога, так я бы и вовсе ничего не боялся!» — так думаю я, глядя на таких «верующих».

— Не знаю, Зар, но православие — это такая же секта, как и любая другая, только «традиционная». Если у этой моей пациентки и есть проблемы, так они как раз в целомудрии её и заключаются! Зачем мне рассказывать, что она «этого» не хочет, когда всё её тело только о том и говорит, что «это» — то единственное, чего она действительно хочет! Не верю я в целомудрие «в самом своём основании». Может быть, я по себе сужу, может быть, просто не встречал пока, но как-то странно это для человека. Или как?.. — я испытывающе посмотрел на Заратустру, который делал вид, что ему нет до меня никакого дела.

Заратустра долго молчал, а потом говорил так:

«Много я видел целомудренных, но не видел счастливых...

Какая разница, чем объясняете вы горе своё? Какая разница, чем скрываете его: целомудрием или разворотом? Внешнее не решает проблем внутреннего, оно их скрывает! Но кто не видит скрытого, тот и вовсе ничего не видит, только титры, да аннотации!

Словом «познать» — обозначаете вы любовь физическую, а «целомудрием» — её отсутствие. Странно мне это слышать! Если, познавая, утрачиваете вы мудрость, то что это за познание ваше? Если же мудрость ваша в неведении, то о чём она, эта мудрость ваша? Познание и мудрость, конечно, не одно и то же, но как всё это связано у вас с физиологией?

Целомудрен ли эгоист? Да, но не потому, что он близости избегает, а потому, что знает он, что такое «близость». Эгоист не спутает ложь с искренностью, ибо слышащий себя услышит то, что происходит на том конце провода, ведь он и есть этот провод.

Целомудрие подлинное — это способность не верить лжи, способность видеть и ценить зерно действия. Всё в движении, всё бежит и спотыкается, но важно не то, мудрому, что бежит и куда бежит, но благодаря чему. Таково зерно действия!

Ложь — это то, чему хочется верить. Неправда неинтересна, а вот ложь — она манит! Ложь — это реальность такая, в которой нет ничего реального. Неправда проста, как и глупость, что о ней думать! А вот ложь — это новый контекст, новая реальность, завораживает она познающего!

Ложь более реальна для лгущего, чем для обманутого: в ней он ищет защиты, в ней находит своё прибежище — таково зерно его действия. Распознать зерно лжи, отличить его, вышелушить и не верить ему — вот в том целомудрие. Но не обмана следует вам искать, а распознавать природу зерна этого.

Когда луч света падает на предметы, они отбрасывают свои тени. Явления жизни так отбрасывают контуры лжи, когда смотрит на них человек. Отнимите у существования вашего ложь, и всё будет просто, и слово тогда не хватит жизни. Вот почему целомудрие молчаливо!

Целомудрие — это отсутствие лжи, это жизнь как она есть. Две стороны в отношении, два контекста, в двойственности этой — ложь, ибо стороны всегда одиноки, если не стали они одним отношением. Эгоист не бывает один, ибо эгоиста нет в одиночестве, он всегда *между*, он само отношение, ибо он ощущает!

Но не «между» он, но "то, что между"! Не может эгоист быть сам с собой целомудренным. Для целомудрия нужен ему Другой. Нет целомудрия без Другого. Другой — это жизнь эгоиста, это мудрость его и природа зерна жизни его. Да, он кроток, но лишь потому, что нельзя зерно торопить, нельзя вынудить, ибо рост его происходит сам!

Что же тогда эгоист? Эгоист — это тот, кто живёт в Другом не именем своим, но существом своим, не образом, но существом. Зову я эгоистом того, кто отпустил своё «Эго» гулять вольным ветром. Не ограничивает эгоист Другого, но открывает Другого своим Собой, ему открываясь: в этом эгоизм эгоиста.

Целомудрие — это сама «близость». Ну а кто что делает — дело Двух, но не других».

Так говорил Заратустра, а о чём он умолчал, я могу только догадываться.

Много думал я о целомудрии, но путал я целомудрие с невинностью. Невинность — производное от вины, производной от глупости. Невинность — вот она, тяга в Ничто, вот оно, стремление к Идеалу, а по сути — идеализм идеализмом.

А целомудрие — страстно, вот что я понял из слов Заратустры, хотя и не говорил он об этом. Но не в единичном, не в частном страсть целомудрия, а в целостности!

Страсть целостности — вот что такое целомудрие.

Заратустра куда-то запропастился, а ко мне зашёл близкий друг. Я как раз слушал кассету с его новой музыкой. Песня звучала на английском, так что смысл я понимал весьма смутно, но звучало потрясающе!

— Хороший голос, — весомо оценил Зар, гремя дверными ключами.

— Это его! — похвастался я.

— Правда?! Хорошо! — с ещё большей весомостью произнёс Заратустра. — «Мало понимает народ великое, то есть творческое», но ещё меньше того знает он «создателей и актёров великих дел». Я представил их друг другу.

— Это он подарил велосипед, — гордо отрекомендовал я моего друга.

— Это ваша пословица: «Дорог не подарок, дорога любовь»? — поинтересовался Зар.

— Да.

— Любите, — сказал Заратустра нарочито-утвердительно-тонно и, словно ставя жирную точку, сопровождал реченное отвесистым взмахом указательного пальца.

Мы рассмеялись, и так говорил Заратустра:

«Все вы — отшельники, ибо недовольны вы тем, что есть у вас. Но как можете жить вы, недовольные жизнью?»

Отказывая жизни, вы удваиваете себя, но нельзя у себя выиграть в шахматы! Сами с собой вы живёте, отшельники! Это — блуд, ибо ведёт он не к жизни, но к смерти. Так будьте же эгоистами, если хотите быть!

Отшельник не одинок, но расщеплён. Двое в одном — это граница, граница — это война, война — это безумие. Отшельник не одинок, он безумен. Вы безумны, отшельники!

Но страшно вам безумие ваше, отшельники, ибо нет в вас мужества идти до конца! Дурную кашу заварили вы, но кого собрались отравить вы ею? «Другом» зовёте вы приговорённого вами!

Другом хочет стать палач висельнику, чтобы не испытывать вины в своём преступлении, ибо нет в нём мужества идти до конца. Чужие плечи сильнее своих для того, кто косится на чужую шею!

В поисках друга себя хотите найти вы, отшельники! Не дать, но взять — вот мечта ваша, воры отсутствующего! Ничтожна суета эта и непотребство, ибо предстоит вам найти безумие ваше! Не искать, но быть — вот секрет эгоиста!

Не друга, но самих Себя следует обрести вам! Ибо не за податью, но с подарком должно идти к другу вашему! Пусть сокровенное самое лежит на руках ваших вытянутых, когда идёте вы к другу!

Склоните голову вашу, ибо не нужна другу вашему гордость ваша! Если есть меж вами сомнение, если консенсус есть, а не согласие, если прощаете вы, но не радуетесь, то не друг перед вами, но враг, с ним ведёте вы переговоры о дурном мире, дурные враги!

Мир создан для Двух. Не пытайтесь обмануть Мир правилом трёх, ибо такого правила нет. Но все вы отшельники, и неодинокими вы сами в себе, а потому нет в вас места Другому и не будет вам Мира!

Не ограничивается эгоист *своим*, словно моллюск плоскобрюхий, но открыт он Миру, а потому он с Миром — Одно. И я говорю вам: эгоист — это жизнь Другого, ибо Мир создан для Двух!

Эгоист не лжёт ни в любви, ни в борьбе, ибо не создаёт он ни любви, ни борьбы, но сам он есть любовь и борьба! Эгоист — Одно и в любви, и в борьбе, а потому не предаёт он, не

отрекается!

"Ни другом, ни врагом не будь мне, но будь!" — вот, что говорит эгоист другу своему. Не о своём, но о Другом думает эгоист — вот в чём секрет эгоиста, а потому он бесстрашен, ибо как страшиться, о своём не думая?

Ощущать Другого в другом — вот в чём счастье подлинное эгоиста, вот в чём чуткость его! Но если решите вы, что знаете вы Другого, то он для вас не Другой, а другой, и потому нежность ваша не близость, но блуд, блуждающие в мирах собственных!

И говорю я Двум: "Не стойте, ибо остынете! Не преодолевайте же, а живите!". Не цель следует искать вам в дружбе вашей, но силу, ибо дружба — источник созидающегося, но не цель созидания!

Двое, Одним ставшие, вы составляете с Миром Двух, а Мир создан для Двух. Знаете ли вы теперь, Мир созидающие, зачем близость ваша?! О, не придётся Вам напраслину наводить на жизнь вашу, ибо сама Жизнь вести будет Вас!

"Нет Мира вовсе без сияющей сущности вашего Одного, — говорю я Двум, — ибо Мир создан для Двух!"

Дурную услугу окажешь ты другу своему, скрываясь от него: ты лишишь его Мира! А если не хочешь ты скрываться от друга своего, так не стыдись взгляда его, но смущайся своей наготы!

Смущение не погонят к чёрту, только стыду укажут на обитель его — логово страха! Не прогоняй же друга, не скрывайся, ибо не убежать в никуда!

Двое, самими Собою создаёте вы Мир, что ж стыдитесь вы наготы своей? Или прежде Мира хотите создать вы одежду, раскройщики страха?!

Не наряжаться, но разоблачаться надлежит тебе перед другом твоим, человек! Слишком уж тлетворны наряды человеческого!

Не оскорбляй ощущение друга твоего зловонным запахом своего страха! Не бояться, но быть — вот секрет всякой дружбы!

Я знал мудреца, что говорил мне: "Нет в спящем духа. Взгляни на спящее лицо друга своего и отрекись!" Люблю я мудреца этого, но не люблю мудрости его, ибо он несчастен.

Знал я и другого мудреца, что говорил мне: "В спящем друге своём увидишь ты слабость его, а потому посмотри на него и ужаснись, чтобы предать и устремиться к идеалу великому!" Люблю я и этого мудреца, но не люблю мудрости его, ибо он несчастен.

Знал я и третьего мудреца, что говорил мне: "Смотри в глаза друга своего, ибо они твоё зеркало! Люби друга своего, ибо отражение он Небес!" Люблю я мудреца этого всем сердцем, но мудрость его — сон, а радость лишь в жизни радость. Что мне до радостных снов?!

И вот что скажу вам я, Заратустра:

— если пытаешься разглядеть ты дух в спящем друге своём, ничего не увидишь ты, ибо дух — лишь метафора;

— если испугался ты спящего друга своего, значит, прежде не видел ты в нём Другого, а потому нет и не было у тебя друга;

— смотреть в глаза друга своего — радость, но у спящего закрыты глаза, а потому сон друга твоего, который бережёшь ты своей нежностью, и есть подлинное свидетельство близости вашей!

Посмотри же на спящего друга своего:

— если испытываешь ты нетерпение, значит, нечуток и друга нет у тебя;

— если испытываешь сожаление, значит, не дорожишь ты другом своим, и потому одинок;

— а испытываешь ты трепет, значит, не покушаешься, ибо ощущаешь Другого и близость ваша делает тебя самим Собою для Него!

Лучше видны морщины на лице спящего друга твоего, но не терпите вы слабых и

болезненных! Видишь ли ты морщины на лице спящего друга своего? Хочешь ли ты разгладить морщины его своей нежностью или же сокрушаешься?

Будь Другим для друга своего, не пытайся раствориться в величии его. Любите вы сильных и дающих опору, усталые. Но друг ваш не прибежище ваше, а путь! Так будь те же дорогой для друга своего, а не заплечной котомкой!

Не нужен эгоисту посох, но нужен ему лишь путь! Нельзя сильным быть в одиночку, это должны вы знать, но не для того, чтобы ждать силы Другого, но для того, чтобы сильным быть для силы Его. Не посох, но путь ваш укрепляет силу вашу, эгоисты!

Умейте молчать, но не угадывать должны вы в молчании вашем, а ощущать!

Не сострадания ищут друг в друге друзья, но обретают силу свою, соединяясь!

Не прошлым живут друзья, но друг другом — настоящим для будущего живут они!

Вскиньте же гривы свои витые, гордые скакуны, почувствуйте силу в сбитых телах ваших, и пускайтесь вскачь! Дружбе надлежит осилить страдание ибо в ней радость!

Если же печалится друг твой, то вынь очи свои из десниц своих и подай ему! Не потакай самовлюблённой жалости его к самому себе, а будь ему другом!

Если не терпите вы слабости и болезни, так начните ж с самих себя! Ибо нет болезни больше, чем болезнь к самовлюблённой тоске!

Не лекарем должен быть ты для друга своего, не лекарством и не рецептом, но будоражащей жизнью! Пусть знает он одиночество, когда нет тебя, и пусть знает он счастье, когда есть ты, а ты *есть* и ты должен *быть*!

Закуси же рабство своё, усталый! Презри жажду свою, ненасытный! И будешь ты другом, если ты *есть*, и будут друзья твои рядом, когда сможешь ты *быть*!

И помни, что женщина может только *быть*, и мало этого для дружбы.

Не жди от женщины дружбы, она не бывает одна, ибо в ней Мир, но не твой, а сына твоего. Или хочешь ты сыном быть чужой матери? Так чего ждёшь ты от женщины?

Женщина — сама жизнь, ибо жизнь порождает! Не жди от женщины дружбы, ибо она жизнь, заключённая в себе самой. Женщина — сама жизнь, слишком много этого для дружбы!

Не слепа женщина, как думаешь ты, просто не виден тебе Мир её и плода её, ибо Мир создан для Двух. Женщина — Мир Двух, заключённый в Себе.

Не жди от женщины Мира, ибо Он в ней и не для тебя, если ты не сын ей. Женщина не путь, но то, что порождает пути. Две шкуры с одной овцы — слишком много для эгоиста!

Не знает существо женщины границы, граница в ней — это мужчина. Не потакай же мужчине в женщине, если хочешь любви её. Не разрушай Мира её и плода её ложным своим состраданием! Не жди от женщины мужской любви, ибо не виноград приносит яблоня, но яблоки.

Слепа любовь женщины, ибо не знает женщина границы. Плод срывает она быстрее, чем созреть успеет зерно его, ибо не знает она, как можно созреть в себе Самом.

Женщина может лишь поглотить тебя, ибо не знает она границ, и потому не станет она дорогой тебе. Не жди, чтобы дом стал дорогой, иначе станешь ты неприкаемым. Две шкуры с одной овцы — слишком глупо для эгоиста!

Мальчик ищет в женщине мать, так пусть будет он поглощён женщиной! Нет у мальчика Мира и Другого не видит он, ибо есть у него женщина, которая и есть Мир.

Не может обладать мальчик и будет ревновать к сыну своему, как к брату. Мужчина не может ревновать женщину, мужчине незачем ревновать к женщине. И только мальчик делает глупости, ибо он не в Мире живёт, но в женщине.

Эгоист — это тот, кто подлинно *есть*. Он тот, кто обладает, не стремящийся к обладанию. Ибо он мужчина, а не мальчик, играющий в игры!

Женщина может лишь *быть*, а потому не жди от неё, что будет она эгоистом. Не жди, ибо не *будешь* тогда ты тем, кто *есть*. Стать сначала тем, кто *есть*, и лишь затем *быть* — вот в чём секрет эгоиста!

Быть и *есть* заключены в эгоисте, потому готов он к дружбе, к Миру Двух, ибо он *будет* для того, кто *есть*, и *есть* для того, кто способен *быть*!

Собой нарушает мужчина установленный порядок жизни, ибо зачинает он жизнь и сеет смерть. Но эгоист более, чем мужчина, ибо утверждает он жизнь большую, чем она может *быть*! Благодаря мужчине перестала жизнь только *быть*, но стала тем, что *есть*! Из констатации стала она утверждением!

Я не верю в одного мужчину — тоской и печалью будет он, но не утверждением эгоиста, самовлюблённым печальником будет он, но не эгоистом.

Быть и *есть* заключены в эгоисте — этим открывается он для Другого, Другой открывается ему этим, и тем самым Мир открывается через них. Из *бытия* Мир превращается в Жизнь *утверждающую* благодаря Двум!

Когда двумя становится одно — это только перерождение. И только лишь, когда Двое становятся Одним, мир выходит из себя самого и становится Миром. И если дорожите вы Миром подлинным, разве не дадите ему свежего воздуха дружбы вашей!

Способны ли вы к дружбе, созидающей Мир? Способна ли дружба ваша связать распадающееся? Не гибели должны вы бояться, но смерти, что возможна лишь в жизни вашей! Пустоты должны вы бояться, но не славы, друзья!»

Так говорил Заратустра.

Долго потом смотрел я на своих друзей. Их общение было упоительным, разговор время от времени прерывался заразительным смехом, они смеялись...

А я слушал музыку, я слушал голос, два голоса.

О ТЫСЯЧЕ И ОДНОЙ ЦЕЛИ

Субботним днём справляли мы мой двадцать пятый по счёту день рождения. Шумным кагалом собрались на даче мои друзья. Ели, пили, шутили, смеялись и вели задушевные разговоры, разбившись парами.

— Да, сообщество должно состоять или не больше, чем из двух, или более, чем из двадцати, тогда им легче разбиться на двое, — шепнул я Заратустре, глядя, как гости наши рассеялись парами: кто у костра, кто на уличных скамьях, кто в доме, кто на веранде.

— Знаешь ли ты, когда сущность совпадает со смыслом? — спросил меня Заратустра.

— Сущность со смыслом? — повторил я.

И так говорил Заратустра:

«Много миров видел я, но нигде сущность не была смыслом, нигде смысл не был сущностью. Ибо не было в этих мирах человека.

Знал я мир, и ничего реального не было в мире том. Отблесками божественных игр были земля и небо в мире, где всё было отблеском. Жил человек в королевстве отблесков этих и благодарил потусторонность за блага и напасти. Но кем был человек в этом мире?

Знал я мир, где не было ничего, кроме суеты. "Всё иллюзорно, истинное скрыто от нас!" — так говорили люди о мире своём. Достичь небытия, выйти из пучины страданий мечтали люди мира этого. Но достигавшие быть людьми переставали совсем. Кем же был человек в этом мире?

Знал я мир, где великий закон властвовал над человеком, карая преступников и восхваляя послушных, свято блюдущих догму. Не собой быть, но блюсти закон — таким был удел человека в мире этом. И не было ничего в этом мире, кроме закона. Кем же был человек в этом мире?

Знал я мир, где закон заключался внутри человека. Смятение царило в этом мире: страдание именовалось и путём, и наказанием, и славой, и даром, и даже искуплением. Словно в чёрную дыру проваливался мир этот, сворачивался, сводился... Не жизнь, но смерть именовалась в мире этом моментом истины. Но кем же был человек в мире этом?

Последний мир, который известен мне, самый странный из всех. Человек поставлен здесь во главу угла: свободный и бесстрашный, сильный и ответственный. Всё было сделано в мире этом для человека такого, но не было таких людей в мире этом. Кем же был человек в этом мире?

Словно жабой грудной, пожираем человек своей целью. Все тысячи целей его — одна цель: уменьшить боль и увеличить этим своё мелкое удовольствие. Во множество благородных, во множество неприглядных одежд рядилась эта единственная цель человечества. Но как бы вы ни одевали её, не скроете, что недовольны собой и миром своим недовольны вы! Это недовольство и есть то, что делает цель вашу! Что ж, упивайтесь целью своей, вы же так любите смерть!

Цель ваша — от боли избавиться, но движение ваше к цели только боль и приносит вам. Разве же ткнут, расплетая? Что ж на самом деле вы делаете?

"Оценивать — значит создавать!" — говорите вы. "Оценка сама — драгоценность и сокровище среди всех оценённых вещей!" — не унимаетесь вы, безумные.

"Оценка куёт недовольство ваше", — так скажу вам я, Заратустра! Но раз так сильно любите вы оценку, что ж пытаетесь вы уменьшить боль? По крайней мере, последовательным должен быть сумасшедший в своём безумии!

Видимо, любите вы боль вашу, потому-то и множите недовольство своё — вот в чём цель ваша! И нет в вас силы признать правду эту, идолопоклонники смерти!

Не жизнь, но смерть — божество ваше, что бы ни говорили вы! Себе вы солгали и самих

Себя обманули. В глупости больше смысла, чем во всей жизни вашей, ибо мерой вещей вы полагаете смерть — то, что сущности не имеет!

И любовь ваша — лишь один из способов боль усилить, а не любовь. Мука — любовь ваша! Не мучьте же меня любовью вашей, неспособные быть эгоистами! Боль ваша навеивает вам предчувствие смерти, а вы так любите смерть! Любовь ваша — напоминание о смерти!

Оценка — вот он, ваш смысл, смерть — вот сущность ваша! Две пустоты, переливаясь друг в друга, создают мир ваш — мир пустоты! И нет цепи, чтобы накинуть на морду зверя этого с тысячью головами, ибо нет голов этих!

Вы боитесь оценки, боитесь боли, вы боитесь страдания, и смерти боитесь вы, но ведь всё это — жизнь ваша! Когда ж избавитесь вы от страха, безумные?!

"Не будет нас без страха нашего!", — говорят мне глаза ваши. Но я скажу вам: "Вас нет и в страхе, ибо ничего нет в страхе, кроме страха, и глаза ваши — глаза страха, но не ваши глаза! И нежности потому нет в глазах ваших, и жизни нет в сердцах ваших, а только страх один и есть в них!"

Одна-единственная цель ваша слишком известна мне, как бы ни прятали вы её! Так зачем же прячете вы цель вашу? То стыд снедает вас, ибо стыдно вам не хотеть боли, а хотеть удовольствия.

Но стыд ваш — это страх ваш! Боитесь вы осуждения, дети оценки! Сами себя боитесь вы! Кто же поможет вам, кроме вас самих? Как же не видите вы, что только страх ваш и осуждает вас на смерть вашу!

Не удовольствия отсутствия боли должны желать вы, но радости! Не бывает цели негативной, ибо нельзя желать, чтобы чего-то не было, а можно хотеть лишь того, чтобы было что-то. Но стыдитесь вы желать позитивной цели, ибо вы трусливые мертвецы!

И весь опыт ваш — опыт целей негативных, и потому понимаю я страх ваш! Ибо в достижении своём вы смерть обретаёте, поскольку цель ваша негативна, а опыта позитивных целей не имеете вы. И страх этот понятен мне, но никогда не разделю я с вами страха вашего, хоть и понимаю его!

Смысл человека в исходе из самого Себя, но прежде должен быть человек! Ухватить сущность исходящего — значит узреть человека. Но «исходящий» только метафора, ибо он «пришедший» уже, если он человек!

Есть ли человек в себе Самом? А есть ли Солнце в себе Самом?! Что ж причитаете вы, безумные? Кого хотите убедить вы в безумии вашем? Или же и вправду вы думаете, что цель Солнца — победить Тьму, дабы Свет был вечный над пугливыми головами вашими?!

Человек есть сущность, становящаяся смыслом, открывая Мир самим Собой через Другого! Когда точка становится пространством, тогда нет и не может быть места отрицанию, а если нет отрицания, то нет и цели, но лишь смысл, а Жизнь — осмысленна!

И потому нет у эгоиста цели, ибо позитивная цель не есть цель, а то, что *есть* — подлинно! Имя цели — "ещё нет", а то, что "уже есть" — не цель но смысл, из сущности вышедший. Эгоист — само есть, и знает он, что другого нет, кроме того, что есть, а потому нет у него цели!

Не в человеке соединяются сущность со смыслом, но в человеке, исходящем из самого Себя, но другим человек и не может быть! А если ищет ещё человечество цель человеку, то, быть может, недостаёт ему самого человека?»

Так говорил Заратустра.

— Зар, но как же?.. — оторопел я.

— Ты очень хорошо сказал про «сообщество», — рассмеялся Заратустра.

О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ

Смятение снедает меня, и я борюсь со своим смятением. Понимание истины ничего не стоит, она сама по себе ценна — вот что понял я из слов Заратустры, пока... Немного для начала, но уже слишком много для меня. Ведь должен я сам стать истиной, но как добиться этого, если не через собственное изменение — кардинальное и всеобъемлющее. Страшно...

Я отчётливо понимаю, что слишком много себе лгу, слишком. Тем, что понимаю, а не ощущаю, тем и лгу, наверное. Гадко...

Заратустра меня расталкивает, раскачивает, выворачивает меня из почвы моего бытия, из пространства моего страха. Я сопротивляюсь...

— Зар, а что, если я не смогу?

Заратустра недоумённо посмотрел... на небо... А потом со всей своей добротой, как он умеет, на меня.

— А я на что? — не Заратустра, но огромное, усеянное звёздами небо ответило мне.

— Но ведь эгоист...

— Не смей себя ломать. Тебе это надо? Эгоист делает только то, что ему надо. Эгоистом нельзя стать, им можно только быть, ибо он всегда *есть*. Делай то, что тебе надо, — секунду он раздумывал и продолжил: — Не слушай своего «хочу», пока в тебе хочет лишь страх. Тебя ещё нет...

Языки костра лизали исходящие на пепел угли, небо облокотилось на сосны и обнимало меня со всех сторон.

Так говорил Заратустра:

«Страшались, жмётесь вы к ближнему, ища спасения себе от своего страха. Но кто ближе вам собственного «Я» вашего? «Я» — вот ваш «ближний». Но что ваше «Я», если не страх ваш? Долго ещё будете искать вы спасения от страха у страха вашего и никогда не найдёте!

Бежите вы к своему «Я» от самих Себя — это называете вы добродетелью и "любовью к ближнему". Но вижу я, что это страх один и ничего больше. Когда же вы будете это видеть?

Разве же могу я посоветовать вам любовь к «ближнему» вашему? Скорее бы я советовал вам бежать от вашего «ближнего» и любить «дальнего»!

Не называйте «ближним» Другого! Нет Другого для того, кто боится самого Себя! Чтобы различать Другого, нужно прежде уметь различать самого Себя.

"Ты" не родится для «Я», ибо «Я» — не человек, и даже не дитя человека, но слепой плод его в водах околоплодных страха вашего. А Другой — не плацента и не придаток к «Я» вашему, ибо не может быть «Ты» придатком, ибо «Ты» — эгоист.

Дальний — это «Ты», и нет ничего дальше для эгоиста. Но только эгоист и может приблизиться к «Ты», потому что он сам — «Ты», а не «Я», и не боится он самого Себя. Вы же боитесь, и самим Себе страшны! Кто же солгал вам о вас, что, нежные, стали вы злыми?

Распались вы на вещи и призраки, ибо нет в вас «Ты», ибо не можете быть вы сами Собой. Зачем же пытаетесь соблазнить вы «ближнего» вашего? На что вам соблазнённые вещи и призраки?

По кругу бежите вы и зрители ваши — «Я» ваши. Много у вас «Я»! Но ни одним из них не являетесь вы! И пока не можете вы быть сами Собой, нет для вас и Другого, и друга не может у вас быть, ибо наделяете вы его своим «Я», одним из многих!

В мире мертвецов пребываете вы, но не потому что Другие мертвы, а потому, что не видите вы жизни их, ибо сами умерли, неспособные быть сами Собой.

Вещи и призраки — это "Я" ваши, рассыпавшееся на Других пеплом своим и сделавшее их другими. От них ждёте вы поддержки, расточительные безумцы? Они могут дать её вам, но это будет ваша же сила, вернувшаяся к вам, отразившись. Но знаете ли вы, что лунный свет в сравнении с солнечным? Эгоист хочет всё, не будет он жить на проценты!

Эгоист полон, ибо един. Но вы не имеете самих Себя, а тысячи «Я» ваших мелькают перед глазами вашими. Заметите ли вы Другого в чехарде этой? Не Другого обманываете вы, но самих Себя!

Даже у тени будете иметь вы больший успех, чем у своего «Я» на теле Другого, ставшего от переодевания этого другим. «Я» ваше и есть «ближний» ваш, к которому вечно возвращаетесь вы, ходящие по кругу! Так что ж удивляетесь вы одиночеству вашему?

Не о «ближнем» учу я вас, но о Другом. Пусть далёк он от вас, но он есть, тогда как ваши «Я» — только вещи и призраки!

Учу я вас о Другом. Не сможете вы, подобно губке, впитать Его, но и он не высосет вас до последней капли крови вашей, а оставит вам всё. Большого же не может желать эгоист!

Сердце эгоиста полно. Разве не об этом мечтаете вы в глубине опустошённых сердец ваших? Опустошённость эта делает любовь вашу празднеством вампиров!

"Что же делать нам с опустошённостью нашей?" — спросите вы. Отдайте другу своему всё, позвольте ему быть Другим, не покушайтесь на существо эгоиста и вы получите всё — таков рецепт эгоиста.

Нежность не нападает, чуткость не навязывает, эгоист доверяет. Разве же вы не знаете этого? Если же боитесь вы доверия своего, то, значит, нежности своей вы боитесь. Лучше б боялись вы себя и «ближних» ваших, чем своей нежности!

"Я рядом!" — говорит Другой, ибо он чуток. Но что ответите вы ему? «Подвинься»?

Мир открывается вам, чтобы быть вы могли сами Собой. Другой Другим идёт к вам, чтобы могли вы быть сами Собой. Всё сделано для того, чтобы были вы сами Собой, только страх ваш мешает вам!

Бойтесь вы одиночества, одинокие! Не бойтесь, ведь Другой рядом! Только позвольте ему быть Другим, и станете вы сами Собой! Порочный круг одиночества разомкнётся, а свет, что идёт из вас, не будет более отражаться в мириадах зеркал «Я» ваших.

И зачем вам «Я» ваши, если не можете вы быть сами Собой? Кого защищаете вы, если не свой страх? Кого любите, если нет с вами Другого? Кого обманываете вы, рассыпавшиеся?».

Так говорил Заратустра, когда тёмное покрывало в бисере звёзд бережно укутало наши плечи, нежные языки пламени согрели тела, а сосны, устремлённые в бесконечность, оградили Мир Двух от суеты мира.

Я ощутил рядом Другого, ощущая самого Себя. Мой страх ретировался, как трусливый заяц, Другой был рядом.

Заратустра плакал. Слёзы скользили по его выпуклым скулам, замирали на улыбающихся устах и падали в мои открытые ладони. Слёзы Другого стали в этот миг моими слезами. Не себя обрёл я, но Другого.

Я ощутил, я пережил, я *есть*...

О ПУТИ СОЗИДАЮЩЕГО

Зыбко ещё моё состояние «самого Себя», но есть мгновения, когда я доволен. Что это за ощущение? И не расскажешь... Восторг! Жить без него становится невозможно, так хорошо в нём!

То, что раньше не доставляло мне сильной боли, ранит теперь нестерпимо, и от этой боли я сжимаюсь, сжимаюсь и ощущаю самого Себя. И как только я, подобно улитке, прячущейся в раковине, сворачиваясь от боли, достигаю самого Себя, мне снова хочется развернуться! Я пульсирую! Разворачиваюсь, делаю ошибку, испытываю боль и возвращаюсь к самому Себе, а оттуда меня выталкивает, выбрасывает! Как батут! Впервые я учусь на своих ошибках! Никогда раньше они не учили меня, а требовали избегания. Я избегал, множил защиты, но теперь боль перестала меня пугать. Чего бояться?!

Всю жизнь я считал себя недостаточно хорошим по всем параметрам. Одобрение других было целительным бальзамом для моих ран. И как же я боялся, что не заслужу очередной порции своего лекарства! Я был зависим от других и делал их зависимыми от себя. Я лгал, чтобы получить. Теперь я ничего не хочу от них, кроме их Самих! Меня задевает, что они не хотят быть сами С собой, и это больно. Может быть, и это как-то уйдёт?

О своих переживаниях я рассказал Заратустре, правда, запинаясь от смущения. Он слушал меня, улыбаясь, а потом говорил так:

«Тебе наскучило уединение? Ты нашёл самого Себя? Помедли ещё немного и выслушай меня, своего Заратустру.

Ничего не ищи, ибо будешь бояться! Когда говорят в тебе твои «Я», не слушай их, но смейся над ними, ведь они смешны!

Если испытываешь боль, не ищи объяснений, но находи ошибки! Плохо не то, что ты ошибся, плохо, если ты испугался ошибки.

Ты имеешь право на ошибку — засунь этот кляп в рот своему страху. В тебе есть желание Света! Не беда, что обжётся, в следующий раз будешь умнее!

Не принимай радость свою за силу, а силу за право! Сила не в том, кто борется, а в том, кто не тратится на борьбу.

Радуйся движению! Но помни, что ты не самокатящееся колесо! Ощути — сама Жизнь в нежности своей катит тебя!

Одни дуют по ветру, другие же — против ветра: одни помочь пытаются ветру, другие — победить ветер. Не борись с ветряными мельницами, но будь ветряной мельницей!

Прочь пафос, ибо пафос — награда для нищих! Радость — награда для свободных от пафоса! Смотри же, ветер наполнил крылья твои силой!

Видишь ли ты, что Другие не такие, как ты? В этом ты един с ними! Ощущаешь ли ты единство? Помни, что ты восполняешься тем, что не покушаешься на Других!

Не пытайся проткнуть мыльные пузыри. Разве не знаешь ты, что лопнут они сами собой? Не завидуй их полноте. Разве не знаешь ты, что они пусты в полноте своей? Так чего же ты опасешься?

Знаешь ли ты теперь радость свободы от страха? Знаешь ли ты теперь, что такое свобода? Скажи, что она безыскусна!

Не хвались тем, что ты можешь. Тебе смешно должно быть от мысли, что невозможно для тебя что-то, чего бы хотел ты!

Ты освободился от страха, знаешь ли ты, зачем? Вижу, как нежно сияют глаза твои!

Видишь: мои глаза отвечают тебе!

Знаешь ли ты, что нет закона другого, кроме страха? Ты освободился теперь от закона и можешь сказать, что тебе не нужна свобода!

Не надевай надежды свои силой своей. Кто бросает деньги на ветер? Не жалея денег, но лучше потратить их с толком!

Ты крикнул: "Я одинок!". Я услышал Тебя. Кто не знает своего одиночества, тот не знает и радости своего контакта с Другим! Ты знаешь, так не бойся, а действуй!

Ты крикнул: "Всё — ложь!" Теперь знаешь ты правду о безумии своём. Станешь ли ты прозябать в нём? Не прогонит безумие своё тот лишь, кто не знает о нём. Ты знаешь, чего же бояться? Действуй!

Твои «Я» — твои страхи. Твои страхи делают тебя таким, каким хочешь ты быть для других. Но разве же ты хочешь быть для других, но не для Другого? Разве может один говорить со многими? Разве же Другому интересны «Я» твои, которые низводят его до безликости? Разве же голоден Другой до страха твоего? Нет, нет и нет! Так стань же убийцей «Я» своих, чтобы не погибнуть тебе Самому! Способен ли ты стать самоубийцей, чтобы жить, или будешь ты убийцей самого Себя и умрёшь от страха?!

Знаешь ли ты, что нет справедливости, кроме права твоего быть Другим, права всеобщего? Будешь ли ты справедлив? Как можешь ты тогда презирать?

Ищешь ли ты, что будут другие справедливы к тебе, или прежде будешь ты справедлив к самому Себе сам? Что тебе в чужой справедливости, если к самому Себе не можешь ты быть справедливым, сам Себя лишаешь ты права Другим быть? Будь справедлив, и тебе не придётся испытывать страх! Если другие меняют мнение о тебе, чьё это мнение? Можешь ли ты навязать своё мнение Другому, даже если это мнение о тебе? Помнишь ли ты, что другой имеет право быть Другим? Что ценишь ты в человеке, если не то, что он Другой? Так чего ты боишься? Убил ли ты уже свои «Я»? Если да, то нечего тебе бояться, нечего!

Кому хочешь угодить ты счастьем своим? Если самому Себе позволил ты быть Другим, ты другому позволил Другим быть. Ибо инаковость — свята! Не отрекайся же от своего счастья, ибо в Другом твоё счастье! Помни: Другому можешь угодить ты только его счастьем!

Почему думаешь ты о распятыи своём, дурного не сделав? Если же сделал ты дурное, то будешь и своим палачом. Чего ж ты боишься суда чужого и чуждого?

Разве целое может быть сложным? Целое не сложнее единицы! Не бойся костров, что разводят для твоих мыльных пузырей! Никто не поймает их, если ты сам отпустил их на волю!

Ты протягиваешь руку, глядя в глаза? Разве можешь бояться ты, что вывернут руку твою? Так, может быть, не в глаза смотришь ты? Может быть, не ты смотришь?

Если же вывернут тебе всё-таки руку, разве же не ты подавал? Ты хотел, раз ты подал! Что ж сердиться теперь на Другого, который сделал то, что хотел он?

Всегда появляться будет страх на твоём пути. Но по пути ли тебе со страхом твоим? Если нет, то что тебе до его появления? Иди своей дорогой! И страху своему позволь быть Другим, будь последовательным, эгоист!

Помни, что нельзя быть Другим, не позволяя того Другому! И нельзя быть самим Собой, Другим не будучи! Не в достижениях слава твоя, но в инаковости!

А страх твой — еретик и колдун, он прорицатель, безумец и скептик, он нечестивец, он и злодей твой. Но нет страха твоего без твоего «Я», оно потому — еретик и колдун, прорицатель безумный, нечестивый скептик и великий злодей.

Всё ещё ценишь ты свои «Я»? А если не ценишь, так чего ж ты боишься? Разве же может ничто навредить тебе? То, что есть, не касается того, чего нет, — запомни это! Всё ещё боишься ты своей тени или выздоровел уже от безумия?

Обратятся «Я» твои в пепел, когда увидишь ты, что нет в них ничего, кроме страха, которого бояться не можешь ты, эгоист! Ведь не будешь же ты защищать свои страхи, излечившийся от безумия!

Другим будучи, идёшь ты путём созидающего, ты созидаете счастье своё! Ты открыт для Других! Мир открывается через тебя! Разве же будет путь такой для тебя труден?

Самим Собой будучи, ты идёшь путём чуткого, ты созидаете счастье Другого! Ты радуешься счастьем Его, через Него открывается тебе Мир! Разве же не стоит путь этот, чтобы пройти его?

Лучащийся, что можешь презирать ты, кроме своего страха, ведь даже тени у тебя нет, ибо свет не отбрасывает тени! Будь же светом, ибо нет у света «другой стороны»!

Не жди же, что пойдут за тобой другие, ибо Другие уже идут с тобой рядом! Так не будешь ты одинок, ибо нет любви, но есть контакт!

Мои слёзы взял ты в руки свои: я ощутил Другого подле себя и стал самым Собой. Ты мой сын и отец мой! Знаешь ли ты теперь, что значит быть самым Собой для Другого?

Ты знаешь!»

Так говорил Заратустра, взор его светился, а голос трепетал, словно нежный весенний лепесток, и вдруг оборвался. Он заплакал и я расплакался, чёрт знает, почему. Мы обнялись и долго просидели так...

Кто-то скажет: «Глупо!» Пусть говорит.

Когда руки освобождаются от страха, они становятся крыльями, нежнее всего касаются руки, свободные от страха. И это не чудо, это счастье.

О ЖЕНЩИНАХ И БАБЁНКАХ

Дела в клинике идут замечательно. Я перестал расстраиваться, что большая часть моих пациентов не хочет излечиваться, но только лечиться, и мне кажется, что они теперь благодарны. Когда же их наполняет благодарность, они почему-то начинают хотеть излечиться.

Больше я не потворствую их страхам, однако же сердце моё ликует подобно звонким литаврам, когда они побеждают свои несметные страхи. И, как выяснилось, даже это обстоятельство (моё ликование) способно оказывать поразительный психотерапевтический эффект! Надо будет его запатентовать...

Заратустра любезно согласился помогать мне по работе, но чаще держится в тени, утверждая, что у меня и без него всё очень хорошо получается. (Хотя я-то знаю, что если кого и должны благодарить мои пациенты, так это его — Заратустру! Ну да ладно.)

Большинство моих пациентов — женщины, им приходится тяжелее всего. Они не созданы жить в мире, где все эгоисты для других, а не в самих Себе. И я очень хотел, чтобы Заратустра говорил с ними об этом. Он согласился.

Я собрал всю женскую часть моего отделения в зале для групповой терапии, и Заратустра говорил так:

«Не упрекайте Заратустру, что прежде не говорил он с женщиной. Не потому, что не любит он женщину, но потому что любит её, не говорил Заратустра с нею.

Говорящий с женщиной или глуп, или зол, или лжец.

Будет ли тот, кто любит, говорить с той, что хочет не понимать, но желает чувствовать? Глупо давать то, в чём не испытывают нужды, глупо предлагать то, что не может быть принято. Мужчина всегда говорит для себя, но женщине нужен не монах, а мужчина!

Будет ли тот, кто любит, говорить с той, что хочет не уверенней, а верности? Зол тот, кто предлагает то, что не может дать. Мужчина верен лишь одной женщине: её имя — имя матери его. Женщины, неужели же и дальше готовы платить вы за блеск иллюзии тьмой поруганной жизни?

Будет ли тот, кто любит, говорить с той, что хочет не умозаключений, а слов? Нет, не будет говорить он, но будет шептать. Лжёт мужчина, который говорит об уме женщины, но дважды лжёт мужчина, который верит в то, что он говорит, когда говорит об уме женщины!

Беда женщины в том, что не ценит она в себе женщины. Кто ж отдаёт счастье своё в обмен на муку? Нельзя быть счастливой, не будучи собой. Кто ты есть, если не ты? Что ж отрекаешься ты от себя, женщина?

Беда женщины в том, что хочет она быть мужчиной. Обида — плохой советчик, гордыня — глупый, соперничество — пустой. То, что видите вы, женщины, не является мужчиной, но лишь зримой мужественностью. Жёсткий у рака панцирь, но думаете вы, что и брюшко его — монолит, а не так это...

Своей фантазии пытаетесь подражать вы, но не мужчине. Если бы мужчине могли вы подражать, то имели бы и блага его, но с фантазией вашей, которой подражаете вы, только беды его и обретёте вы!

"Там хорошо, где нас нет!" — говорите вы, женщины, таков ваш принцип. И когда окажетесь вы там, где вас не было, скажете то же, что говорили вы прежде. Долго ли ещё будете вы скитаться, гонимые страхом? Кто напугал вас, если не вы сами? Почему не скажете: "Там, где нас нет — нас нет!"?

Что ж не прислушаетесь вы к себе, когда говорите вы: "От добра добра не ищут!"? Разве

может быть добро больше, чем оно есть? Разве то добро, которого нет, больше того, что есть? Разве нужно вам что-то, кроме добра?

Беда женщины в том, что мужчина ищет в ней не женщину, но мужчину. Зачем, женщины, потворствуете вы глупости, что приносит вам боль? Хоть бы не приносила она вам боли, но ведь приносит! Когда же перестанете вы казаться и станете?

Когда скажете вы мужчине своему: «Не попутчик я твой, не дорога я для тебя, но дом!» Разве же не будет благодарен скиталец за кров? Что ж боитесь вы благодарности, а возмущение вызываете?

В том беда женщины, что мужчина перестал быть мужчиной. Мужчина должен быть эгоистом: должен оплачивать он желания свои из собственного кармана. Плох мужчина, который торгуется, но дважды плох мужчина, который торгуется, словно женщина.

Не только за неё, за женщину, но даже и за себя, за мужчину, не в силах ответственность теперь мужчина, ибо не стал он ещё эгоистом. Что же вы, женщины, не видите эгофилии его? Что ж потакаете ей? Когда ж станете вы мужчине женщиной, а матью сыну, но не наоборот?

Беда женщины в том, что она считает себя бесценной, ибо знают мужчины, что всегда могут купить её. Беда женщины в том, что себе она лжёт, когда говорит, что не имеет цены, ибо в пространстве лжи теряется лгущий.

Беда женщины в том, что считает она себя равной мужчине. Соревноваться — значит, не быть женщиной. Не радоваться тем единственным способом, что дан тебе, — значит не радоваться вовсе. Но что есть большее, чем радость? На что променяли вы счастье своё, женщины? Зачем равенство печали вам с мужчинами?

Беда женщины в том, что не знает она, — ребёнок, ребёнок невидимый, ребёнок не рождённый ещё, ребёнок потенциальный скрыт в существе её. Чаша всегда чаша, даже если она пуста. Прольётся вода, если нет для неё чаши, но берегут не чашу, а воду, иначе зачем тогда чаша? Не знает этого женщина, оттого и несчастна!

Беда женщины в том, что не видит мужчина ребёнка, которого женщина охраняет в существе своём. Укоряет женщину он в корысти, ибо не видит мужчина, что не для себя, но для ребёнка, скрытого в существе её, корыстна женщина. Кто ж скажет об этом мужчине, если не женщина? Чего же боитесь вы, уже осуждённые?

Мужчина жесток, но не жёсток, оттого-то он и жесток, что обороняет ранимое. Но крепка цитадель женщины, крепка и невидима! Катается она под мужскими пальцами, подобно алмазу прозрачному в жерновах глиняных, и сокрушаются те, что не могут раздавить её. Женщины живут дольше! Беда женщины в том, что манит её мужчина в заоблачные дали миражей своих. Но куда идти женщине, когда ребёнок слабый скрыт в существе её? Не за мужчиной идёт женщина, но за тем, кто защитит ребёнка её. Но не знает женщина, что не знает мужчина о том ребёнке малом, что сокрыт в существе её.

Не знает мужчина и о стремлениях женщины, о том, что действительно она хочет, а потому будет он осуждать её, ибо слеп и глух, потому что *другой*. Не знает мужчина, что не может женщина разделить стремлений его, ибо одно стремление у неё — это ребёнок. Мужчина же только свои стремления знает. Как знать ему о существе женщины, которое есть уже и не может потому быть стремлением?

В том беда женщины, что желание своё принадлежать мужчине, желание, в котором находит она самое само, называет она «повиновением». Тот, кто не задирал головы, не узнает и унижения поклона. Зачем же задирали вы головы свои, женщины, разве мало вы видите, самое само созерцающая?

Слишком долго слушала мужчин женщина, слишком долго они говорили с ней! Много ли надо, чтобы женщина поверила? Непонимающий согласится быстро с тем, кто говорит, что он

знает. Но много ли понимают мужчины? Плох тот, кто не понимает, но в два раза хуже тот, кто думает, что понимает, не понимая.

Всегда два голоса в ней, в женщине, — её голос и ребёнка, скрытого в существе её. Но удивляется мужчина сердито, когда не может понять разговора её, ибо не знает он о ребёнке, что скрыт в существе женщины, и что не для себя, но с ним живёт она, с ним только и разговаривает, вдвоём они говорят, перебивая друг друга!

Власть мужчины, что игрушка в руках ребёнка. Будет он плакать, когда потеряет игрушку свою, и боится он потерять её. Нет худшей доли! Нужна ли игрушка вам, женщины? Что же лучше: быть королевой в рабстве или в рабстве — королевой? Помните, отвечая, «рабство» здесь — только оценка!

В том беда женщины, что верит она и не верит одновременно. Она верит за себя, но не верит за ребёнка своего, скрытого в существе её. За него, за ребёнка, принуждена она быть настороже. Что ж винить в этом мужчину?

Не мужчине, но женщине нужен ребёнок. Зачем же говорите вы, женщины, что не нужны вам дети? Так вы хотите купить любовь мужчины? Шантаж глуп, но и вовсе безумен он, когда шантажируют самоубийством!

А мужская любовь — опостылит вам, женщины, ибо превращается мужчина любящий в щенка скулящего. Вы же молящих не любите, ибо как может быть он защитником и опорой вам, если смотрит на вас, как на вазу хрустальную, и дышать боится.

Нет, женщины, от мужчин таких отвращение едкое сводит скулы ваши! Ибо не такого отца ищете вы для ребёнка вашего, что скрыт в существе вашем! И хочется вам кричать, но не от страсти кричите вы, что снестать может вас, словно пламя безудержное, но от невыносимости глядеть на мужское бессилие!

Но и самца похотливого не хотите вы, женщины, ибо не похоти, но силы ждёте вы от мужчины вашего! Когда ж увивается он за вами, когда глазёнки блестят его, то не зверь беспощадный говорит в нём, а падальщик! Как же вам отвратителен его трупный запах! И как он пятится гнусно, звука петард испугавшись, моля небеса о пощаде! Нет, только презрением можете наградить вы это жалкое подобие мужества!

Однако же вот что скажет вам Заратустра, если должен сказать:

"Счастлива женщина тем, что может быть женщиной, но не знает она о своём счастье!"

Счастлива женщина тем, что нет ей нужды быть мужчиной, но не верит она счастьем своему!

Счастлива женщина тем, что есть ребёнок у неё, пусть и скрытый, которого она хочет, но не знает женщина о счастье своём!

Счастлива женщина тем, что живёт вечно в детях своих, но не знает она о своём счастье!"

Счастлива женщина тем, что может она отдаться и может довериться, ибо грезит об этом, но не знает женщина о своём счастье!"

Счастлива женщина тем, что нет нужды ей бороться за то, что нельзя не потерять, но не знает женщина о своём счастье!"

Счастлива женщина тем, что нет в ней ни предела, ни границы, ни цели: нет нужды ей идти, воевать и разочаровываться! Но и об этом не знает женщина!"

Счастлива женщина, когда слышит мужской шёпот, не разбирая слов, но отрекается она от счастья своего ради миражей!"

От чего ж сердитесь вы на Заратустру, что не хочет он говорить с вами? — Ибо знает он, обманутые, не шёпот его хотите вы слушать, но речи его.

"Что же в речах Заратустры, кроме желания близости?" — спросите вы. Так и есть, но с женщинами речи эти разделяют его!

Вы же не знаете границы, не заметите вы и подвоха, что так неприятен мне. Не хочу я обманывать вас, хоть и рады были бы вы обмануться. Не обмана, но силы должны искать вы, женщины!

Вам я дам силу свою, если захотите вы быть возлюбленными только, но не любимыми. Помните, что если любит мужчина, то любит он, как мужчина, а потому как любить ему женщину? Рассказывали сказку вам про журавля и лисицу, да, видно, не поняли вы её!

Только возлюбленной может быть мужчине женщина, и то много больше, чем любовь мужчины к своему «Я», которую полагает он за любовь свою к женщине! И потому всё было бы вам, женщины, если бы хотели вы быть только возлюбленными, но счастья своего не знаете вы!

От того и я не говорю с вами, женщины, но шепчу вам:

— я не люблю мужчины в вас, женщины, но люблю я мужчину в мужчине;

— и возлюбил я женщину в женщине, ибо я мужчина;

— я мужчина, женщины, ибо я эгоист, и не ждите от меня жалости, но алкайте страсть мою ненасытную, пока дано вам;

— тот я, кого хотите вы, и я приду к вам, когда будете вы женщиной, когда будете готовы, ибо возлюбил я в вас женщину;

— не будет чувство моё вечным, но будет оно страстным, ибо в сердце моём сладость и сила, а в теле моём жажда и обладание;

— и растаете вы, возлюбленные, в руках моих, ибо я буду пламенем пожирающим, что сжигает сомнение, и буду я ветром, что разметает условности;

— и я дам вам ребёнка вашего, и вы будете растить его, соблазнённые сами собою;

— я же уйду от вас, женщины, что б не брели вы печально в даях тех, где нет вам дороги;

— и останется с вами ребёнок мой и будет любить вас и будет любить за меня, ибо я буду в нём!»

Так говорил Заратустра в гробовой тишине зала. Говорил он тихо, но без тени смущения, страстно, с невероятной, всеобъемлющей силой внутреннего обладания!

Я же смотрел на лица женщин, замерших от восторга. Grimасы ужаса сменились в какой-то момент восхищением, они светились!..

— Всё, — шепнул Заратустра. — Я сказал вам всё, теперь уходите, чтобы мог я прийти к вам Сам! Ибо я прихожу только Сам, но не когда зовут меня. И не ждите меня, не ожидайте, но знайте, что я приду!

Словно загипнотизированные, неловкие, женщины поднялись со своих кресел и медленно покидали зал, бросая на Заратустру взоры, в которых угадывалось мною не ожидание, но полнота.

Заратустра наполнил их, но не тем, что он говорил, а тем, кем он был, тем, кто он *есть*. Они смогли быть, благодаря тому, что он *есть*.

ОБ УКУСЕ ЗМЕИ

В Москве теракт. Погибли сотни людей. Журналисты вопят о необходимости «ковровых бомбардировок» Чечни. Заразительно говорили они прежде о гуманизме, когда американцы бомбили Сербию... Верили они своим словам, когда говорили о нём? Зачем говорить, если веришь себе только, пока говоришь?

Мы живём в мире иллюзии: пока мы не испытываем сильного страха, мы говорим о своём бесстрашии, когда же испытываем мы страх, мы говорим о своём героизме, ведь не умерли же мы от страха!

Мы живём в пространстве слов, они скрывают наше безумие, делая его разумным безумием. Но иногда, под воздействием сильного страха, мы теряем эту хрупкую опору и открывается нам наше безумие, и тогда мы начинаем вопить во всё горло. В чём же безумие наше? Мы не хотим верить в то, что мы только гости, а не хозяева. Мы неблагодарны, но зато ищем себе благодарности. Наши поиски тщетны. Разочарован будет тот, кто ищет того, чего нет.

Мы решили, что можем всё. Когда об этом говорит сумасшедший, его называют «сумасшедшим». Когда говорит о том врач, ему верят. Только страх и заставляет нас верить. Чего же стоит наша вера?

Кого мы пытаемся обмануть своими словами? Свой страх, да и только. Когда мы боимся прослыть негуманными, мы говорим о гуманизме. Когда мы боимся опасности, мы говорим о необходимости войны. Мы верим себе, когда говорим, ибо страх — лучшее основание для нашей веры.

Все веры стояли на страхе, и не было ещё веры, которая опиралась бы на человека, в основании которой не было бы страха. Вся наша жизнь — только языковая игра страха. Хочу ли я такой жизни? Имею ли я другую? Живу ли я?

Так сегодня говорил Заратустра:

«Если змея укусила, она должна была укусить. Что вы кричите: "Это несправедливо!". Было бы справедливо, если бы она не укусила? Но что ж делать ей с ядом её? Как не быть ей змеёй?

Если вас укусила змея, вы кричите: "Господи, почему я!". Что, лучше было бы, если бы укусила она другого? Такова справедливость ваша? Тот, кто справедлив для себя, несправедлив для другого. Что ж ищите вы справедливость одну на всех?

Вы хотите выкусить у змеи ядовитый зуб её? Радуйтесь, вы не умрёте от укуса змеи, вы умрёте от укуса тарантула! Нельзя выкусить все ядовитые зубы, как нельзя вычерпать море.

Не смерти должны бояться вы, но того, что не можете вы жить, вдыхая каждое мгновение жизни своей полной грудью, ибо грудь ваша парализована страхом!

Говорите вы: "Он умер не вовремя!". Но когда время ему умирать? Есть ли этому «время»? Говорите вы: "Он умер не своей смертью!". Но разве может человек умереть чужой смертью? О чём говорите вы, кого пытаетесь обмануть?

Но не радуетесь вы тому, что дали вам, а печалитесь оттого, что отберут у вас. Что ж, не печальтесь, вы уже умерли! Уверены ли вы, что сделали это «вовремя»?

Кажется всё ещё вам, что можете переписать вы законы вселенной. Что толку в мечтах ваших, если в реальности даже себя самих переписать вы не в силах?

Пытаетесь вы отменить смерть, все силы науки вашей бросили вы на борьбу со смертью. И вижу я, что движет страх вами! Отчего же вы не видите этого? Верно, вы уже не живёте. Что ж боретесь вы со смертью?

Вы говорите: "Мне не нравится мир этот, потому что не нравятся мне законы его!". "У тебя

есть другой мир?" — спрошу я. На что законы вам, мёртвые, если нету им приложения?

Живёте в мире вы, которого нет вовсе. Иллюзия — имя миру этому. Хороши для вас законы мира, ибо это вы их придумали. Но они иллюзорны, и жизнь ваша — иллюзия! Думаете вы, что боитесь смерти, мертвецы, а боитесь вы жизни!

Думаете вы, что справедливость вершите, а сами с рук своих кормите страх свой — это ли справедливость ваша? Наказывая, не преступника наказываете вы, но себя, ибо страх свой задобрили вы сим наказанием!

Всё, что делаете вы, вы делаете для себя, ибо свою вы проживаете жизнь, а не чужую! Вы сами и есть мера дел ваших, ибо ненависть ваша вам доставляет боль, а радость ваша — это ваша радость!

На самих Себя следует вам смотреть, а не на других, ибо у вас одна жизнь, и дела ваши — то, что делаете вы для самих Себя. Вот о чём следует помнить вам! Может быть, тогда и поймёте вы, что делаете вы для самих себя, а что — для страха вашего.

Если жизнь ваша в тягость вам, то не для Себя самих вы живёте, но для страха вашего! Других хотели бы исправить вы, но сами не хотите вы исправляться. Помните же, что жизнь других — их жизнь, но не ваша. Что ж свою-то жизнь не хотите вы? Знайте же, что другой не будет у вас!

Не верите вы самим Себе, отшельники! Только страху своему и верите вы в благородных порывах ваших. Не желаете вы жить для самих Себя, потому что боитесь. А для Других вы не можете жить, ибо для самих Себя вы не живёте. И боитесь вы смерти ещё?! Я бы боялся такой жизни!

Чтобы измерить силу любви вашей, спрашиваете вы себя: "Смог бы я умереть за него?" Но должны вы спрашивать: "Живу ли я для него?", если хотите знать любите ли вы хоть чуть-чуть любимого вашего!

Страх животного — помощник ему в жизни его, а для вас приговор! Человек же использует страх свой не с тем, чтобы защититься от боли, но с тем, чтобы увидеть в ней страх свой — своего врага! Нужно ли вам бояться боли? — спрашивает эгоист, и в этом единственный вопрос познания!

Знает эгоист один страх, один страх себе позволяет — страх умереть в жизни! Недостойно человека платить за подарок презрением, глупо предавать самого Себя и пошло близости желать из страха! Не оспаривает эгоист страхи чужие, но и не потакает им, так вынашивает он Другого, открываясь ему нежностью самого Себя!

Человечеству суждено умереть, и будет это скоро! Так пусть же умрёт оно счастливым, чем от страха!»

Так говорил Заратустра.

А я увидел страх в своём прежнем смятении, и смятение моё рассеялось. И появилось во мне (даже обнаружило себя!) великое сомнение: я увидел безликость нашу в страхе, но разве же безлик каждый из нас? И я увидел, что это моё сомнение вызвано отсутствием страха, ибо ушла вера в иллюзию, которая столько лет говорила мне, что я — ничто. Я ничто для ничто — это недурно. Я есть — это хорошо, этого довольно.

О РЕБЁНКЕ И БРАКЕ

Они говорят мне: «Мы любили детей своих!», но дети их стали убийцами, наркоманами или покончили с собой. Убил бы я, если был бы любим? Стал бы я отравлять свою жизнь ядом, если ощущал бы себя любимым? Стал бы я подвергать свою жизнь ненужному риску или совершать самоубийство, если бы знал, что меня любят? Нет.

Но говорят мне родители, дети которых убили, стали наркоманами и погибли: «Мы любили детей своих!», говорят и ищут во мне сострадания. И я спрашиваю их: «Вы любили их так, как хотели сами, или так, как хотели от вас дети ваши?» Они молчат, а во мне нет сострадания, я врач, а не священник.

Что есть любовь? Если я чувствую, что люблю, — это ещё не любовь, но если Другой чувствует, что любим — это любовь. У кого хватит духу спросить у любимого: «Как хочешь ты, чтобы я любил тебя?» У кого силы хватит ответить? Как мы любим? Любим ли? Страх со всех сторон, а глупость покрывает страх. Этот грех даже священник не в силах, мне кажется, отпустить.

Они учили детей своих, а те нуждались в нежности. Они решали свои проблемы, используя детей своих как средство. Так не получается... Теперь они плачут, и в моём сострадании ищут подтверждение своей правоты, гонимые страхом признать ошибку. Могу ли я состраданием своим мешать им признать их ошибку? Имею ли я право? Хочу ли? Не хочу.

Но нет в моём отрицании осуждения, они имели право поступать так, как поступили. Они платят за то, что сделали, они дорого платят. Мне горько, но нет во мне сострадания. Направление пути каждый выбирает сам, я могу помочь в движении, но я не буду помогать на пути к смерти. Каждый имеет право на ошибку. Но спроси себя: хочешь ли ты воспользоваться этим правом?

Так говорил Заратустра сегодня:

«И свет, и тень есть в ребёнке. Но более смерти боитесь вы тени его и не видите света совсем, в нём заключённого. И говорите ему: "Нет тебя, но есть мы!". И учите вы его страхам своим — таково воспитание ваше!

Не растите вы свет, заключённый в ребёнке, не освещаете тень его нежностью своего сердца, но насаждаете ему страх. Зёрна страха прорастают в слабой душе младенца, как неистребимый сорняк, поглощают они и свет, и тень его. И рады вы: теперь он безгласен!

Когда же бунтовать будет ребёнок вашим действием, лишённый возможности говорить, вы скажете ему: "Видишь ты, что не люблю я отца твоего, но живу с ним ради тебя!", "Видишь ты, что не люблю я мать твою, но живу с ней ради тебя!", "Видишь ты, что мы с отцом твоим любим друг друга, но не ради себя, но ради тебя мы делаем это!". И узнаёт ребёнок, что виноват в несчастье родителей своих. Как вынести ему это бремя?! Испугается ребёнок бремени своего и будет слаб он для жизни. Воздуха вы не дали ему, но дали яд, «любящие»: такова любовь ваша!

Браком называете вы то, что нужно ребёнку вашему. Но разве нужен ему брак ваш, а не тело ваше? Кого вы обманываете?

Ищет у брака женщина несвободу мужа своего. Страшно ей остаться одной с ребёнком, а потому рада она узам обязательства страха. Но страшно ей признаться в страхе своём, и ребёнка своего обвиняет она в муках своих.

Ищет в браке мужчина право на жену свою. Бессилен он обладать женщиной, ибо всегда обладаем был ею, и теперь ищет в браке средство узаконить мнимое господство своё. Какой же мужчина признается в слабости своей ребёнку своему?

"Пусть уж лучше испытывает вину ребёнок наш, чем знать будет о страхах наших", — говорят родители его, это называют они, воспитанием бесстрашия".

"Будет он того покорней и не потревожит страхов наших", — добавляют другие, это называют они "воспитанием благопристойности". Но что воспитывают они этим?

Любит ребёнок отца и мать свою, примет он ношу их на плечи свои, а потом переложит её на своего ребёнка, ибо будет его ребёнок любить его. Ибо любят дети не потому что получают, а потому, что верят.

Для кого рождаете вы ребёнка вашего, если не для себя?

Одни говорят: "Ведь надо нам родить ребёнка, так заведено". Ничего не слышу я, кроме глупости и страха, в словах этих.

Другие скажут: "Кто же будет хоронить нас, если не дети наши?!" Только страх говорит, и глупость приговаривает в родителях этих.

Третьи говорят: «В нас есть любовь, и хотим мы отдать её!». Кроме страха и глупости ещё и безумие звучит в словах этих, ибо любят родители эти ничто — фантазию свою о ребёнке. И то, что родится у них, будет для них ничем, а ребёнок становится тем, кем он был для родителей.

Каким же ребёнок будет после этого, если не глупцом, страшащимся, что множит своё безумие. Воистину, любите вы детей своих, но уж лучше бы вы их ненавидели!

Эгоист знает, чего хочет он. Знает он, что всякое его желание — его желание. И если хочет он ребёнка, то знает он, что это его желание.

Вы же даёте ребёнку жизнь, зачем же вы её у него отнимаете? Получите ли вы то, что отняли? Так на что вы рассчитываете, или поступаете так из мести к нему за своё детство?

Да, страх ваш молчать будет, неслышно говорить будет он, как говорят только книги. Но поднимет он голову, когда придётся расплачиваться вам по счетам вашим! Тогда и прочтёте вы то, о чём умолчали вы!

"Брак — это ритуал", — говорите вы. И я говорю так же. Но для чего были созданы ритуалы ваши, если не из потворства страху вашему?

Зачем хоронили вы царей ваших во дворцах, если не боялись вы смерти? Зачем при встрече голой рукой пожимали вы руку голую собеседника вашего, если не хотели узнать, не держит ли кинжал он в перчатке своей? Зачем, тостуя, ударяли вы кубком о кубок так, чтобы напитки ваши перемешались в них, если не хотели вы убедиться, что товарищ ваш не подсыпал вам яду?

Все ритуалы ваши — плоть от плоти своей страх ваш! Так что же вы похваляетесь тем, что брак для вас ритуал? Тем, кто близок, не нужны ритуалы!

Заверения получая, не получаете вы сердца открытого и своего сердца вы тем не открываете. Так зачем же вам брак ваш, если скрыты сердца ваши друг от друга?

Знаете ли вы, что ищете в браке то, что дать может вам только дружба, а в дружбе то, что цените вы в браке? Всё перемешалось в смятенном сознании вашем!

И выходит так, что мужчина у вас тонет в браке, как баржа пробитая, а женщина успокаивается, словно океан после шторма, но не более того, не более!

Слаб утопленник для дружбы, а пашня, быльём поросшая, слаба родить. И нет у вас ни друга, ни сына. Ибо сын ваш — сорняк, ибо не хочет родить пашня, покойная, как океан замерший. А друг ваш — водолаз, погружённый в воды жены вашей. И что бы ни делали вы для друга своего, всё через жену его перестанет быть вашим и не станет его.

Жена для мужчины — привязь. Муж для жены — предел. Но может жить женщина внутри предела своего, ибо привыкла она быть внутри и не может иначе. Но мужчина на привязи, что пёс озлобленный, пёс озлобленный и голодный.

Спрашиваю я женщину о мужчине, но не о муже. Не о женщине и не о жене спрашиваю я мужчину, но о друге и сыне. Скучен мужчина, говорящий о женщине, и о жене говорящий так же

мне скучен, ибо утопленник он, а мне пусто с утопленником, ибо производит он пену вместо дыхания!

Нуждается мужчина в созидании Нового, и путь этот труден. Женщина создаёт вечное, и всё для неё просто. Как же мужчине создать Новое? Только с другом своим способен жизнь он насытить, и сына своего готовит он к жизни насыщенной. Вечное насыщение — вот Новое, которое создаёт мужчина, сердцем способный к дружбе.

Вечное для мужчины — сейчас. Вечное для женщины — всегда. Сейчас и всегда сойдутся в женщине, но не сойдутся в мужчине. Два сейчас — вот формула дружбы. Новое нужно для Сейчас, но не для завтра, ибо нет ещё завтра!

В дружбе огонь, но не страсть. И заключена в дружбе нежность, но не сладость. Для женщины оставьте вы сладость страсти своей, чтобы сына своего уберечь от чувственной её лавы!

Сталелитейщик мужчина с женщиной, а с мужчиной — кузнец. Друг друга куют мужчины, огонь нежности сияет в их дружбе, так созидается Новое.

Созидают мужчины Настоящее, мужчина с женщиной — Постоянное. Должно постоянное остаться с женщиной, ибо мужчина создан для созидания Нового. Вот почему сына своего взять должен мужчина от матери.

Должен мужчина способным быть к дружбе, если хочет он быть сыну своему отцом. Дружба — со-бытие с Другим и великий Опыт.

Мужчина, что лишь товарищество знает "по интересам", не может быть отцом сыну своему, ибо так не Другого, но своё «Я» ищет он в сыне своём. А сын его — Другой, и потому не известно отцу, каким путём пойдёт сын его в жизни своей.

Отец, к дружбе способный, поддержит сына своего в его начинании, ибо не то важно, каков путь, но само созидание Нового — вот что подлинно важно, чтобы жизнь не пустела! Свет насыщает жизнь!

Когда ж достанет в вас света Другого беречь в ребёнке вашем? Когда ж достанет мудрости в вас свет видеть ребёнка вашего и не бояться его? Когда ж достанет в вас нежности ребёнком дорожить вашим так, как он того ждёт от вас?

Не ждите же от ребёнка вашего, что будет он любить вас так, как вы его любите, ибо вы родители ему, а он не родитель вам! Равно и вы ему не дитя его, а он вам дитя!

Знайте же, что для вас он всегда Другой, ребёнок ваш, и вы для него Другие! Так не говорите же ему: "Нет тебя, но есть мы!", а говорите ему: "Нечего бояться тебе, ибо мы рядом!".

Позвольте же Другому жить, и будете вы жить тогда сами. Будьте близки друг другу, и будет счастлив ребёнок ваш!

Так возвращайте же свет в ребёнке вашем, пусть будет он эгоистом! Ибо должны вы знать, что только свет один тени никогда не отбрасывает!»

Так говорил Заратустра.

О СВОБОДНОЙ СМЕРТИ

Блаженная осень! Ещё ни одна осень не доставляла мне столько радости, впрочем, это, верно, не осень, это я сам, благодаря Заратустре.

Мы гуляли с Заром по Елагину острову, и он казался почти игрушечным, сказочным, если в Эдеме бывала осень, то выглядела она, наверное, именно так.

Небо, светлое в своём недвижимом спокойствии, было тёплым, как розовое брюшко моей собаки, если положить на него руку. Нежное осеннее солнце одаривало своим светом кроны деревьев, которые пестрили мягкими цветами детской гуаши — от тёмно-зелёного до золотистого, охры, атласного, сочно-бордового. Под ногами шелестели опавшие листья, щебетали птицы...

А я вдруг испугался: ещё каких-то пару недель — и вся эта красота исчезнет, исчезнет безвозвратно, может быть. Вдруг всё это я вижу в последний раз!

«Как хочется умереть осенью!» — подумалось мне.

Захотелось как-то сильнее вздохнуть, запомнить эту картинку, унести с собой эту красоту!

Я опечалился, что явно не подобало моменту, и мне стало обидно, горестно из-за этого страха, из-за этого предчувствия утраты. На глазах я терял способность беззаботно радоваться красоте, которая была ко мне столь добра.

— Да, много в человеке страха... — протянул я.

— Больше, чем ты думаешь, — со свойственной для него причудливой беспечностью сообщил мне Зар.

— Больше?! — мне стало даже не по себе.

«Куда уж больше?!» — пронеслось в голове.

— А где нет в человеке страха? — спросил я. — В желании?

— Хорошенькое дело! — расхохотался Зар. — В желании! — он не унимался, не на шутку подтрунивая над моим предположением. — Нет, это я должен уточнить! Страх нет в том, что провоцируется страхом? Ха! Страх нет в том, что служит избеганию страха в страхе перед страхом? Страх нет в том, что требует преодоления страха? Наконец, страха нет в том, что обречено на неудачу и страшится своего фиаско? В этом, значит, нет страха? В желании?! — Заратустра смеялся всё звонче и звонче.

Через какое-то время я, конечно, тоже захихикал над собственной глупостью — где уж тут удержаться! Но в голове у меня творилось что-то невообразимое — мир после третьей мировой: уродливая пустыня, покрытая снегом!

«Ну, тогда значит всё страх?! Прелестно! Пятёрка! А дальше-то что?»

Пока внутри моей головы бесновались остатки довоенной роскоши: тараканы, крысы, вороны — и те, кстати сказать, изрядно потрёпанные, — Заратустра валялся в золотых россыпях опавшей листвы на огромной, озарённой солнцем поляне. Подобно фонтану он вздымал вверх целые охапки листьев, падал на землю и омывался этим золотым дождём.

— Блеск! — кричал Заратустра. — Вот хорошо! Это надо же, такая красота! Обалдеть! Ха-ха-ха! Это надо же! Ха-ха-ха!

Я смотрел на него сначала испуганный, затем удивлённый, потом замороженный, и наконец во мне что-то щёлкнуло:

— Зар, Зар, я понял! Здесь, в этом мире, во внешнем, в нём самом по себе нет страха! — голос мой оборвался.

Заратустра замер. Недвижимо он лежал на земле в золотом саване листьев — тихо,

спокойно, недвижимо. Его взор, казалось, безвозвратно ушёл в высокое небо и не желал возвращаться.

— Ты видишь мир таким, каков он есть, или таким, каким ты его видишь? — спросил он, не поднимая головы.

— Таким, как я его вижу, — ответил я.

— То есть он пугает тебя? — уточнил Зар, не меняя прежнего размеренного тона.

— Выходит, так, — согласился я.

— У вас говорят: «Рыба гниёт с головы»?

— У нас, — выпалил я. И вдруг мне стало так стыдно! Нет, не перед Заром, нет. Мне было стыдно перед всем этим миром! Стыдно, что я не радуюсь этой осени, осени, которую так люблю! Не радуюсь, потому что люблю и боюсь одновременно, боюсь, что вот-вот и конец: листья почернеют, раздетые деревья будут зябнуть на морозном ветру, жалобно поднимая вверх кривые обнажённые руки, выпадет снег, и конец.

Заратустра лежал неподвижно, словно мёртвый, укрытый листвой, и только ветер колебал складки его царственного наряда. Я подбежал к нему и упал на колени. Он не шелохнулся, глаза его были закрыты, а лицо, лицо приобрело бледный, пепельный, оттенок.

Даже лучшее делаем мы отвратительным, мы жизни приписываем смерть и хотим жизни. Я смотрел на Заратустру, словно заживо погребённого, смотрел и плакал, плакал, окружённый этим величественным миром, миром, в котором я почему-то хотел умереть.

— С неживущими хочу говорить я о смерти, — прошептал Заратустра и открыл глаза, странная уверенность горела в них.

На следующий день я выполнил его просьбу, благо за кандидатами на подобное собеседование далеко ходить не надо.

В зале для групповой терапии я собрал несколько своих пациенток:

— девушку, которая выбрала «свободную смерть» по ницшеанскому завету: «Умри вовремя!»;

— другую девушку, что страдает от мнимых сердечных приступов и боится смерти настолько, что уже два года не покидала стен своей квартиры;

— пожилую женщину, что совершила свой суицид, спасаясь от гнетущего чувства одиночества;

— пациентку, которая боится высоты настолько, что не может пройти даже пару ступенек по лестнице из-за страха упасть и разбиться;

— пациентку, мать которой спивалась и погибла, теперь её дочь страдает от панических атак всякий раз, когда видит вещи, которые хоть как-то напоминают ей о её матери;

— другую молодую женщину, которая боится, что страдает от смертельной болезни;

— девушку, которая и вправду больна рассеянным склерозом и думает о смерти, как приговорённый к казни;

— другую молодую женщину, у которой месяц назад двое детей угорели в доме во время пожара, теперь она не знает, как жить, смерть кажется ей выходом;

— пациентку, что боится заразиться каким-нибудь инфекционным заболеванием и десятки раз на дню моет руки, смыливая при этом не один кусок мыла;

— женщину, что уже тридцать лет работает в милиции, каждый день она сталкивается со смертью, теперь её мучит неотступная тревога за жизнь своих родных — мужа и сына;

— другую женщину, которая пыталась покончить с собой, когда её бросил любимый;

— и ту, что сделала то же самое, но от того, что живёт с нелюбимым...

Идея смерти — великий символ нашей несвободы. Куда ни бросишь взгляд — всюду смерть. Каждый из нас — тело, принесённое в жертву идола смерти. Мы лишь имитируем

жизнь, но не живём. В царстве мёртвых нельзя быть живым, душно...

Много думаю я о смерти. Странно ли это? А я ведь написал целую книжку о человеке, который планомерно, от рассказа к рассказу, кончает жизнь самоубийством. Добрых 300 раз! Живучий, чёрт побери!

Эта книга обо мне, как, прочем, и все мои книги. Как напишешь о Другом? Интересно, что никто из моих читателей так и не понял, что это мой вызов моему же страху желания смерти. Только один человек, близкий мой друг, мой коллега, «Канатный плясун»... Многое видно с высоты канатной пляски. Они сдружились с Заратустрой, я несказанно рад этому.

Втроем мы шли по длинным коридорам клиники в кабинет групповой терапии. Все уже собрались, и так с нами говорил Заратустра:

«Страх — это то, что заставляет вас верить. Вот почему не доверяю я вере. Но вы говорите, что человек не может не верить. Я говорю: "Когда человек верит, он перестаёт быть человеком!"

Замешана жизнь ваша на страхе. словно дрожжевой грибок, поднимает он тесто жизни вашей. И что делать вам, не будь у вас страха?

Нет у вас ощущения жизни, мыслящие, страх стал отдушиной вашей. Так знайте же: ваша отдушина задушила вас!

Отсчитываете вы историю вашу от первых ритуальных погребений. Так стала созидаться культура ваша, культура страха смерти!

Все религии ваши — увещевание для боящихся смерти. И вы говорите, что религия ваша — это семя любви! Слышите вы смех мой, слышите ли вы мой хохот?!

У змия страха выломали вы зубы верой своей — вот что это за семена! Рать в медных латах родится из этих семян! Не битва, но бойня предстоит вам, верующие!

В одном вопросе вся этика ваша: "Что скажут другие?". Видно, боитесь вы, что убьют они вас? Такова ваша «этика»? Кто ж из вас осуждать осмелится бунтовщиков морали вашей? Впрочем, и в бунтарстве немного чести!

Вся эстетика ваша — бегство от смерти: уродливое кажется вам уродливым лишь потому, что видом своим напоминает оно вам о смерти!

Красиво же для вас то, что неуродливо. И говорите вы: "Мило!" Вы говорите: "Талантливо!". А в глубине сердец ваших одно только слово звучит: "Смертно!"

Да и логика ваша — пасьянс, где жизнь смерти противоположна. Неужели можно в логике вашей существующее несуществующему противопоставить?! Вы же первые назовёте это "ошибкой логической"! Чего же стоит тогда вся ваша логика? Не вы стали мерой вещей всех, но страх ваш! От него линейкою отмеряете вы всякое слово ваше, землемеры кладбищенские! А кроме слов ваших, ничего не знаете вы, служители смерти, ибо слово — заклинание ваше от страха!

И наука ваша — лишь суета и смута во избежание смерти. Но как же надеетесь вы избежать неизбежного? Или же не верите вы в смерть вашу? Так чего ж тогда вы боитесь?

Стала смерть для вас стимулом к жизни — такова теперь ваша жизнь! И затерялась жизнь ваша при бегстве этом в иллюзию, ибо не ради жизни вы стали бояться, но во имя смерти!

Смерть — только имя, прозвище страха вашего. Кто из вас видел смерть? Кто знает её? Кто может сказать о ней? Никому неизвестно! Но нет же! Живёте вы так, словно знаете о ней больше, чем о жизни самой!

Но всё знание ваше о смерти — только имя одно. Сколько же знаете вы о жизни, если знаете меньше о ней, чем о смерти? Даже имени её понять вы не в силах! Не живёте вы, вы уже умерли, и убийца ваш — страх!

Боитесь всего вы, чего можно и даже бояться нельзя, но жизнь продолжается, ибо не ведает она страха вашего. Вот почему говорите вы о страхах ваших: "Перемелется — мука будет!" Кого

же наметили отравить вы хвалёной сдобой вашей, пекари смерти? Себя, любимого, родного, близкого?..

Но не может смерти бояться тот, кто уже умер! Однако же всегда вы только то делаете, что не можете делать! Потом вы сетуете! Конечно, ничего у вас не получится, ибо из ничего ничего не бывает! Такова жизнь ваша!

Одни из вас смерти боятся, другие чтут её, третьи стремятся к ней. Забавно же выглядят мертвецы, которые боятся смерти, чтут её и стремятся к ней! Не вовремя умерли вы, но во время! Когда ж научитесь вы смеяться?!

"Свободной смертью" называете вы желание своё умереть. "Несвободой от смерти" называете вы нежелание своё умирать. Не вижу я разницы! И вот, что скажу вам: "Живущий не ищет свободы, свободой он обладает!"

Столкнётся притязующий с чужим интересом и ощутит свою несвободу — таково правило. Но разве может свобода подлинная быть в притязаниях? Говорят об этом религии ваши, вы же слушаете разговор их и притязаете на отсутствие притязаний. Смешно мне безумие ваше!

В любви ищите вы спасения. Да, дорогие мои, любовь бескорыстна, может, она дать вам жизнь, но сможете ли вы, гонимые страхом, дар принять этот? И что любви вашей дадите вы, спасающие своё безумие?

Дурно неблагодарным быть, но не от того, что дурно, а от того, что пусто! Слаба любовь, если спасения ради от страха вашего любите вы, ибо только вышедшие из топей страха и способны любить!

Может зверь жить не любя, ибо он принадлежит жизни, не притязая на обладание ею. Но человек вырвался уже из лона жизни, и потому не может он жить не любя, ибо жизнь — принадлежание. В принадлежании вашем мудрость высшая и единственная свобода! Но есть ли силы в вас, притязующие, любить любовью принадлежания?

Трудно быть Другим, но ещё труднее позволить другому Другим быть. Но знайте же, что блаженна минута, когда Другой говорит тебе: "Нет, я думаю иначе!", и протягивает руку открытую! Ибо так он свидетельствует, что дорог ему ты Сам, но не то, что ты думаешь. Так и рождается Другой: презрев иллюзию, он открывает объятия.

Но говорят вам: "Нет!", и боитесь вы. Чудится вам, что пришла смерть к миру вашему со словом этим, ибо рушит "Нет!" картину мира вашего, рушит образ другого. Но то не смерть говорит вам, а жизнь, от иллюзий ваших освобождённая. Когда же другой открывается вам Другим, не смерти боитесь вы, но жизни самой! Что ж, увольте тогда Заратустру, не будет он пугать смертью мёртвых!

Впрочем, довольно! Слишком долго говорил Заратустра о смерти. Эгоист не будет Другому препятствовать: он не хочет препятствовать нежеланию другого быть Другим, он не хочет препятствовать его желанию смерти.

Не хочу я препятствовать вам. Делайте то, что считаете нужным. Ибо несвободны вы, пока ждёте от меня слова. Когда же захотите вы жить, то сами меня и найдёте, ибо я рядом! Но помните, что и тогда я буду молчать, лишь смех мой будет другим, ибо буду смеяться я с вами!

Впрочем, и так уже сказано довольно».

Странно улыбался Заратустра и смотрел на двух «канатных плясунов», что сидели напротив. Что-то неладное почудилось мне в его последних словах...

О ДАРЯЩЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Заратустра обвёл взглядом сидящих кругом женщин и нежно добавил:

— А теперь уходите, дорогие мои. Знаю я, что хотите вы помощи, знаю, что нуждаетесь в ней. Но также я знаю, что никто не поможет вам, кроме вас Самих. Вам понять следует своё «хочу», но не страха вашего, а дальше, дальше поступайте как знаете. Так ли, иначе ли, за всё вы заплатите сами, ибо то ваша жизнь, но ничья больше. И одно только скажу я вам: есть вещи, за которые заплатить можно сколь угодно дорого, ибо они бесценны, а есть те, за которые платить нечем. А теперь всё, уходите.

Женщины стали тихо подниматься из кресел, и вдруг, словно птичий щебет, посыпалось:

— А когда следующая группа?

— Нам очень понравилось!

— А вы здесь работаете?

— А приходите ещё!

— А можно вам личный вопрос, не для группы?

— Да, а вы индивидуально принимаете?

— А вы о чём следующий раз рассказывать будете?

— А записывать ваши занятия можно?

— До свидания!

— Всего доброго!

Зар улыбнулся, качал головой и тихо повторял:

— Всеу время своё. Всё, всё. Да, идите... Я не работаю, нет. Хорошо, в другой раз. Всё, идите, идите. Можно... всё, что хотите... Да. Записывать без толку, пора уже жить. Уходите. Да. Всего доброго! Да, спасибо.

Он смеялся, они смущались, а два «канатных плясуна» сидели как вкопанные и не сводили глаз со странного человека, который, кажется, абсолютно не интересовался тем, насколько был понят.

Когда дверь за последней пациенткой тихо затворилась, Заратустра смущённо улыбнулся и склонил голову, опершись рукой на подлокотник кресла. Его чёрные вьющиеся волосы упали на чуть уставшее лицо, словно маленькие, тонкие нефтяные струи. Он всё ещё улыбался, потом поднял голову и посмотрел прямо на нас.

— Шатко на канате? Не нужно бояться, тогда и не упадёте.

Но мы молчали, и так говорил Заратустра:

«Знаете ли вы, почему золото дорого? Нет? Потому что мы сделали его таковым. Это к слову...

А знаете ли вы, чего Солнце не знает? Нет? Оно не знает, что оно светит. Это на всякий случай...

А знаете ли вы, что такое "дарящая добродетель"? Нет? Тогда взгляните на Солнце!

Не стремитесь, друзья мои, к добродетели, делать добро не пытайтесь, в делах ваших не тужьтесь. У вас ведь одна жизнь! И как вы её проживёте? Я уже говорил вам про Солнце?..

Хотите быть мудрыми вы? И зачем оно вам? Радоваться научитесь, а потом и узнаете вы, что есть мудрость хваленая и мудрость подлинная!

Жизнь кругом, со всех сторон окружает, много жизни... А смерти нет, и нет её вовсе! Хотите жить — так будьте тогда эгоистами. А хотите жизни радоваться — так думайте друг о друге. Всё это ваше дело. Кто может вам запретить? Какой дурак посоветует? Что за безумный

тем не воспользуется?

Ничего не ждите! Что хотите вы высидеть? Хотите — делайте, и делайте, что хотите, но делайте, чтобы радоваться.

Не требуйте ничего! Тонет требующий, ибо тяжёл. Нетребующий же — взмывает к небу. А что ещё может быть нужно?

Ни во что не верьте! Знаете о чём-то — знайте, но не верьте, даже если знаете. Глупо бояться, но глупее всего бегать от страха!

Ни на кого не равняйтесь! Жизнь другого не проживёшь, а свою можете вы пустить по ветру. Но зачем вам ветры, журавли и синицы?

Никого не призывайте! Если не хочет человек достичь цели, бессмысленно указывать ему путь. Глупо наниматься бурлаком в пустыне!

Ничего не бойтесь! Потеря — и та приобретение, но для зрячего. Одна у вас жизнь, можете вы её сэкономить, но для чего только?

Не забывайте о друге, не обманывайте женщину и любите ребёнка. Будьте честны сами с Собой, вы ведь хотите этого!

Не ищите общества! Умейте быть одни, ибо сытому не до обеда. И только в одиночестве вашем узнаете вы, сколь довольны самими Собой!

Если же не довольны вы самими Собой, как можете радоваться вы Другому? Другой не должен стать для вас бегством, ибо не может Он быть им!

Не суетитесь! Никуда не опаздываете вы, не лгите, ибо не можете опоздать! В спешке же многое пропустить можно, но чего вы достигнете?

Не притязайте! Разве знаете вы разницу между «много» и «мало»? Требующему всегда мало. Всё дело в позиции...

Не жалеете, ведь не знаете же, что будет! "Довольно!" — вот слово, которое я завещаю вам. Жизнь не переиграешь, так зачем плутовать?

Не стремитесь переиначить жизнь! Мир ваш дурно устроен, так не жалеете его. Но кто же разрушает дом собственный?

Не пытайтесь реформировать стадо! Проще реки повернуть вспять! И что ж это будет?! Реформа стада — стадная реформа.

Не пишите на знамёнах! Не ставьте себя в зависимость от собственных установок, вы потеряете восприимчивость!

Не думайте о себе, ибо нет вас, когда вы о себе думаете! Представления иллюзорны, в королевстве кривых зеркал вы потеряетесь — берегитесь собственных отражений!

Не поклоняйтесь слову! Слово — лишь довесок к реальности, дурно, когда оно перевешивает, тогда негде жить человеку!

Не делайте идола из чувства вашего, но дорожите своим ощущением! Чувство — красиво, но не более того. Много в нём слов, но к чему вам иллюзии?

Не поклоняйтесь красоте, не мучайтесь! Поклоняющийся красоте живёт в мире, что полон уродства. Чистенькому всегда грязно!

Ощущение больше мысли, ибо свидетельствует оно жизнь, а мир настолько прекрасен, насколько к нему вы чисты. Мысль грязнит неполнотой!

Не множьте «Я» ваши. Сосуд хорош целиком, но не когда его продают частями. Большое притягивает малое, малое же не влечёт вовсе!

Не оглядывайтесь — голова закружится! За всё вы платите сами, так что делайте, если хотите. А если не хотите — кто может заставить вас?

Не оправдывайте страхи свои высокими целями! Высокие цели ничего не стоят, если сами вы стоите на месте.

Страх парализует. Если не скуёт он движения ваши, то вас Самих обездвижит. Разве не пугает вас это? Вы хотите еще оправдаться.

Не объясняйте! Любую глупость объяснить вы способны, но станет она только больше от объяснений ваших! Надо вам — констатируйте и идите дальше!

Объясняете вы: «Это так, потому что...», «Это невозможно, поскольку...». Что ж, хорошо, если знаете вы, почему голодны. Но разве знание это насытит вас?

Не создайте ценности! Все ценности уже есть. Почему, чтобы узнать цену самого дорогого, должны вы потерять это?

Почему, чтобы узнать радость жизни, должны вы прежде ослепнуть, слуха лишиться и возможности передвигаться? Глупо!

Вы так много говорите о ценности любви и о ценности дружбы, но спроси вас — более тех вы любите, кого нет с вами! Зачем вы говорите?!

Не думайте, что можете вы «узнать». То, что узнаёте вы, умирает, а жизнь продолжается. Зачем мертвечина вам?

Не думайте, что можете вы «понять». То, что поймёте вы, станет для вас грузом мёртвым, только утопленник радуется камню на шее!

Если пытаетесь вы познать внешнее — вы привнесёте себя в познаваемое, исказите тем и знать не будете, где ошиблись.

Но к чему познавать вам то, что вовне, если в вас Самих есть всё? Но не цените вы себя. Вы не эгоисты ещё!

Не желайте большего — плох император, что побирается милостыней, ибо не владеет он тем, что дано ему».

Здесь Заратустра умолк на минуту и смотрел на нас с нежностью. Затем он продолжал говорить, но голос его изменился:

«Тяжёлую ночь взяли вы на себя, канатные плясуны. Хочу уберечь я вас от падения.

Истинно любящий любит того, кого любит, а не того, кого хотел бы любить; не хочет он менять того, кого любит, ибо любит его.

Но взяли вы ночь на себя помочь другому Другим быть через вас Самих. Как же вам быть, канатные плясуны?

Видите ли вы паяца, что по канату преследует вас? Он искушает вас, канатные плясуны! Он торопит! Он возлагает на вас ответственность, за что не можете вы отвечать! Сумятицу вносит он в души ваши!

Знаете ли вы, что сильнее паяц плясуна, ибо он наступает? Но он конечен, ибо нельзя наступать на пустоту, он живёт, пока его препятствие живо. Не самодостаточен он, а зависим! И наступает он лишь потому, что зависим.

Но как вы думаете, канатные плясуны, что такое танцор? Танцор — это Солнце и танец Света. Он проходит насквозь, и потому он сильнее паяца, он отражается от препятствия, поэтому он гармоничнее плясуна. Но как бы там ни было, не теряется он, а становится теплотой, ибо он и есть теплота!

Заразителен танец солнечного танцора! Никто не танцует так, ибо нет границы, где кончается Солнце и начинается Свет!

Но думает плясун о своей публике, и сам оттого становится публикой, а двоим трудно на канате одном.

Бойтся плясун своей публики, и я бы на месте его боялся. Не значит ли это, что бойтся он самого Себя? Вот в чём беда ваша, канатные плясуны!

Разъединяет страх, что ж поклоняетесь вы разлучнику? Долго ли будете сыпаться вы? Не поглощать, но укреплять друг друга следует вам!

Двое вас, а Мир создан для Двух! Чего ж вы боитесь? Танцуйте! И пусть танец ваш станет песней вашей, и не нужно слов!

Дурно танцует тот, у кого отделён разум от тела, а разделяет страх, и он сковывает. Разделены вы пока на деятеля и зрителя, ничего в вас нет, а пустое место одно, и плох танец ваш!

Один враг есть у вас — страх это, и он один. Должны знать в лицо вы врага вашего, так не бойтесь же смотреть на него, не то ослепнете!

По имени зовите врага вашего, ибо не сможете победить иначе! И не боритесь с ним, ибо борьба — безумие. Взгляните же на самих Себя, чего вам бояться?

Танцуйте! Ощутите же танец, и сам он повлечёт вас, ибо нет нужды превозмогать вам открытое! Не бойтесь, не остановится жизнь без суеты вашей, не остановится!

Доверьтесь же самим Себе, своей нежности, канатные плясуны, доверьтесь, и будете Танцем вы! Соитие Света — вот что такое Танец!».

Сказав эти слова, Заратустра умолк, как тот, кто не сказал ещё последнего слова; долго он сидел в нерешительности. Потом поднял глаза свои, и взгляды наши скрестились.

— Человек — это больше, чем вы о нём думаете, и меньше того он, на что вы рассчитываете. Нет, не знаете вы ещё человека, ибо не знаете вы ещё самих Себя. Но всему своё время, главное видеть, а не рисовать, белые пятна закрашивая. Всё придёт, ибо человек рядом. Только протяните руку...

После этих слов Заратустра встал, подошёл к нам, присел на корточки и протянул свои руки. Мы ответили ему тем же. Тёплые руки...

Вечером того же дня Заратустра вошёл в мою комнату.

— Всё, мне пора, — сказал он, протянув мне сложенный вчетверо лист бумаги.

В нерешительности я принял записку.

— Зар, как? Что значит «пора»? Ты что...

— Тихо, тихо, — прошептал Заратустра, обнял меня, потом указал мне жестом оставаться на месте и вышел из дома, закрыв за собою дверь.

«Тебе нужно, чтобы я уехал, — писал Заратустра в своём письме. — Меня не будет какое-то время.

Я читал твой дневник. Всё хорошо, но хватит слов. Я теряюсь за своими словами.

Не сердись, всё будет хорошо!

Заратустра».

Я расплакался. Весь вечер, не шевелясь, просидел над своей тетрадью, ночью пытался спать, а утром отправился на работу...

Конец первой части